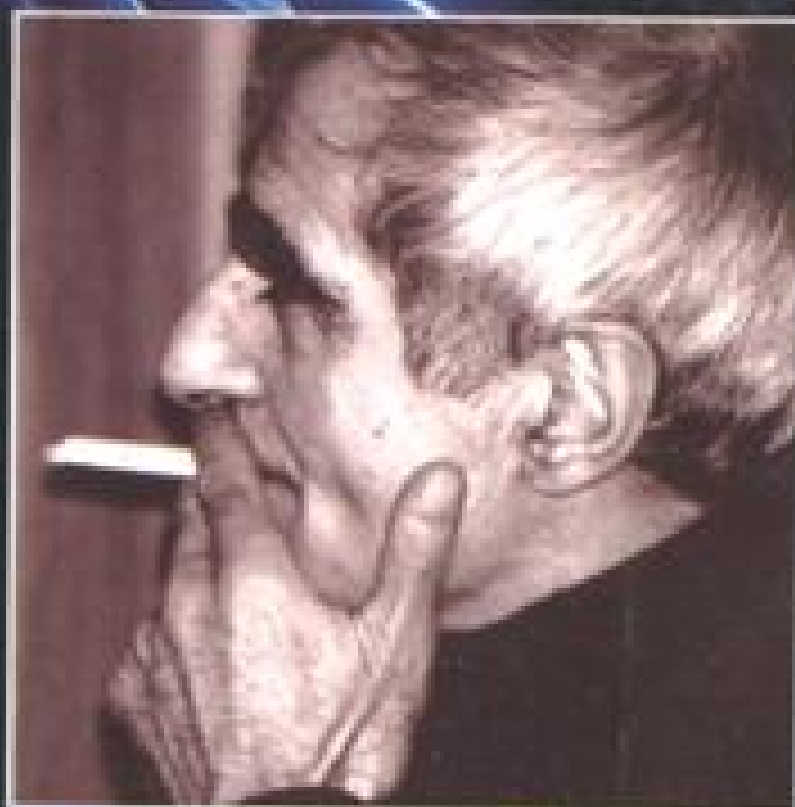
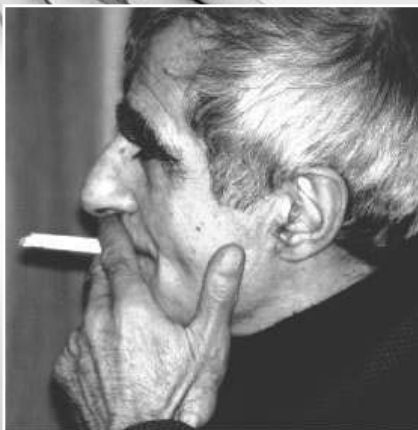

В. Манашва

**Владик Сумбатович
НЕРСЕЯНЦ**

В. Նանախ

**Վլադիկ Շումբատովիչ
ՆԵՐՏԵՏՅԱՆՇ**

Երևան - 2009

УДК 342.5 (479.25):001
ББК 67.99 (2 Ар) + 72
Н 545

Составитель **В. В. Лапаева**

Н 545 «ВЛАДИК СУМБАТОВИЧ НЕРСЕСЯНЦ»
- Ер.: «Нжар», 2009.- 208 с.

ББК 67.99 (2 Ар) + 72

ISBN 978 - 99930 - 66 - 54- 5

© «Нжар» - 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Импульсом к созданию этой книги стала "самоиздатовская" публикация воспоминаний о В.С. Нерсисянце, подготовленная его друзьями и коллегами из сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН по инициативе и под руководством Владимира Георгиевича Графского. Воспоминания, изданные в форме альбома, были приурочены к третьим философско-правовым чтениям памяти академика В.С. Нерсисянца, проведенным в ИГП РАН 2 октября 2008 г. Я очень благодарна сотрудникам сектора и всем, кто с такой готовностью откликнулся на призыв поделиться своими воспоминаниями. В свою очередь, я взяла на себя смелость не только рассказать о своем муже, с которым прожила вместе более тридцати лет, но и попытаться (в меру моих сил) пояснить ряд наиболее важных моментов его творческого наследия, а также подобрать из его черновиков некоторые неопубликованные материалы, важные, на мой взгляд, для понимания личности их автора.

Когда уходит из жизни человек, то его внутренний мир, составлявший суть его личности, лишь частично сохраняется в памяти близких ему людей, а затем исчезает вместе с ними. У творческих людей есть возможность выразить свою личность через творчество и как бы дать ей вторую жизнь. Чем талантливей человек, тем больше личного и личности в его творчестве и тем интереснее оно людям. Творчество В.С. Нерсисянца, философское и поэтическое, несет на себе сильный отпечаток его личности. Именно поэтому люди, хорошо знавшие автора, с большим доверием относятся к его философско-правовым работам, даже если не все понимают или принимают в них.

Кстати, время показывает, что круг "понимающих и принимающих" философию права В.С. Нерсисянца медленно, но верно расширяется. Свидетельством этому служат ставшие уже регулярными философско-правовые чтения памяти В.С. Нерсе-

сянца, которые проводятся в Институте государства и права РАН (под руководством В.А. Графского) и в Высшей школе экономики (под руководством В.А. Четвернина, усилиями которого формируется школа либертарного правопонимания в российской юриспруденции). Я надеюсь, что те, кто прочтут эту книгу, получат дополнительный стимул к более заинтересованному и глубокому осмыслению либертарной теории правопонимания и концепции цивилизма В.С. Нерсесянца, которые сам автор считал своими главными научными достижениями.

В.В. Лапаева
Главный научный сотрудник
Института государства и права РАН

Центр конституционного права Республики Армения благодарит доктора юридических наук, главного научного сотрудника института государства и права РАН Лапаеву В.В. за проявленную благородную инициативу опубликования данной книги. Академик В.С. Нерсесянц относится к плеяде тех великих людей, мысли и учения которых становятся объектом всестороннего изучения многих поколений.

Автором этой книги по существу является сам Владик Сумбатович Нерсесянц. Приведенные в книге его мысли, философские рассуждения о правовой сущности общественных отношений, поэтические обобщения человеческой природы обогатят научную и духовную жизнь миллионов людей.

Вечная память Великому мыслителю, неповторимой личности, талантливому ученому - академику Нерсесянцу Владиду Сумбатовичу.

Г.Г. Арутюнян
Председатель Конституционного Суда РА,
доктор юридических наук, профессор

В.С. Нерсесянц

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Нерсесянц Владик Сумбатович, родился 2.10.1938 г. в г. Степанакерте (СССР). В 1955 г. в г. Ереване окончил школу с золотой медалью, в 1961 г. - юридический факультет МГУ с отличием. Затем два года работал в адвокатуре. С 1963 г. учился в аспирантуре МГУ, где в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1965-1970 гг. работал зав. отделом редакции журнала "Советское государство и право", в 1970-80 гг. - старшим научным сотрудником Института государства и права АН СССР. С 1980 г. по настоящее время являюсь зав. сектором истории государства, права и политических учений, а с 1992 г. по настоящее время - одновременно руководителем Центра теории и истории права и государства Института государства и права Российской академии наук. В 1975 г. защитил докторскую диссертацию по теме "Политико-правовая теория Гегеля и ее интерпретации". В 1985 г. мне присвоено звание профессора. С 1994 г. - член-корреспондент, а с 2000 г. - академик Российской академии наук.

Область моих научных занятий - история политических и правовых учений, теория и философия права и государства. По этой проблематике мной подготовлено 275 научных трудов¹,

¹ Это данные на 2000 г., а в целом В.С. Нерсесянцем опубликовано около 400 научных работ.

включая 16 индивидуальных монографий и учебников. В числе моих работ: "Гегелевская философия права: история и современность" (1974), "Сократ" (1977), "Политические учения Древней Греции" (1979), "Право и закон" (1983), "Платон" (1984), "Наш путь к праву. От социализма к цивилизму" (1992), "История идей правового государства" (1993), "Право - математика свободы" (1996), "Философия права" (1997), "Юриспруденция" (1998), "Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости" "Манифест о цивилизме" (2000) и др. Я соавтор и ответственный редактор ряда коллективных работ, в числе которых: "История буржуазного конституционализма" (2 тома. 1983, 1986); "История права: Англия и Россия" (1990); пятитомный научный курс по всемирной истории политико-правовой мысли (1985-1995); "История политических и правовых учений. XX в." (1997), "Проблемы общей теории права и государства" (1999); Политико-правовые ценности: история и современность" (2000). Участвовал в подготовке и издании таких источников, как: Гегель. Философия права. (1990); Гегель. Политические произведения (1978); Дигесты Юстиниана (1984); Саксонское зеркало (1985).

Являюсь председателем Российской секции Международной ассоциации социальной и правовой философии, председателем Ученого совета Центра Института государства и права РАН, членом Научно-координационного совета по общественным наукам при Вице-Президенте РАН.

Занимаюсь учебно-преподавательской деятельностью. Мною подготовлено 10 кандидатов наук.

Женат, имею дочь.

24.10.2000 г.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕГО МУЖА - ВЛАДИКА СУМБАТОВИЧА НЕРСЕЯНЦА

В.В. Лапаева

*Есть времена, когда некому нравится
И нечему слагать згравицы.
Но лишь в большие времена
Величья зреют семена.*

В.С. Нерсеяни

Я не буду в своих воспоминаниях затрагивать какие-то личные моменты. Во-первых, не думаю, что Владика это понравилось бы (он не был сентиментальным человеком). Кроме того, мне самой кажется гораздо более важным рассказать о нем в контексте его творческой, научной жизни и попутно попытаться прояснить (в меру моих сил) суть и значение научных идей и подходов, лежащих в основе его концепции либертарного правопонимания и концепции цивилизма, которые сам он считал своими главными научными достижениями.

Для меня совершенно ясно (хотя мы об этом никогда не говорили), что на его интерес к философии права, а в конечном итоге и на его понимание права как формы свободы очень сильное влияние оказал такой факт детской биографии, как арест и гибель отца в годы сталинских репрессий². Ребенок, выросший в семье, где мать поддерживала культ погибшего мужа, и вынужденный при этом говорить и писать во всех анкетах, что его

² В рукописях В.С. Нерсеянца я нашла страницу его воспоминаний о раннем детстве, связанных с арестом отца. В отличие от других рукописей, этот текст написан достаточно разборчивым почерком, что, на мой взгляд, означает, что автор допускал возможность его публикации. Текст, названный автором «Дом», приводится в конце настоящей книги.

отец - враг народа, сумел очень рано осознать (а он был умным ребенком) бесчеловечность советского тоталитаризма. Я не слышала от него в разных контекстах такие слова: "Самое трудное мужество - это мужество мысли". Не знаю, сам ли Владик это сформулировал (скорее всего нет, иначе, он сказал бы об этом), но в том, как он это говорил, чувствовался именно личный, причем даже детский (т.е. очень глубокий) опыт.

После школы, которую Владик окончил с золотой медалью, он приехал в Москву и поступил в какой-то технический вуз. Однако, по-видимому, слишком много уже было передумано и пережито такого, что не позволяло уйти в сторону от главных вопросов своего времени. И он вернулся в Ереван (чем немало удивил все свое окружение), работал на заводе, а через год снова приехал в Москву поступать на философский факультет МГУ. Однако у сына "врага народа" не стали даже брать документы, и тогда он принял решение (думаю, что совсем не простое) скрыть этот факт. В результате он поступил на юридический факультет МГУ. В другой ситуации Владик, скорее всего, пошел бы в сторону математики или физики. Во всяком случае, интерес к математике и уверенность в своих математических способностях сохранялись у него долго (уже будучи кандидатом юридических наук, он исписал целую тетрадь, пытаясь доказать теорему Ферма), и до конца дней его очень интересовало все, что связано с происхождением Вселенной, космосом, зарождением жизни на Земле и т.п.

Владик окончил факультет с золотой медалью, однако в аспирантуре оставлен не был. Он распределился в адвокатуру Ивановской области, а вскоре оказался уже в городской адвокатуре г. Иваново. Судя по всему, Владик был очень хорошим адвокатом (о чем я вспоминаю каждый раз, когда многочисленные критики его концепции правопонимания рассуждают об "оторванности теоретических построений автора от реальной жизни"). Ему предлагали место адвоката в Ставрополе, который по тем временам считался адвокатским Эльдorado, но Иваново было рядом с Москвой, а он хотел поступать в аспирантуру. После положенной трехлетней отработки по распределению он поступил в аспирантуру юридического факультета МГУ. Его научным руководителем стал один из наиболее заметных теорети-

ков права своего времени - Ф.М. Кечекьян. Однако у меня сложилось впечатление, что научный руководитель относился к своему аспиранту весьма индифферентно (возможно, как раз из-за национального момента, который не хотел подчеркивать). Во всяком случае, Владик, бывший по натуре очень благодарным человеком и всегда помнивший сделанное ему добро, о Ф.М. Кечекьяне отзывался как-то отстраненно.

В 1965 г. В.С. Нерсисянц защитил кандидатскую диссертацию на тему "Марксова критика гегелевской философии права (в период перехода К. Маркса к материализму и коммунизму)". Выбор такой темы позволил ему, отдав попутно дань изучению марксизма, уделить главное внимание исследованию гегелевской философии права, которую он оценивал как вершину западной философской мысли. При этом он всегда с уважением относился к Марксу как к философу, считая, что тот сумел понять гегелевскую диалектику и творчески применить ее в своей концепции общества. Хотя, разумеется, он никогда не принимал коммунистическую идеологию ни в ее марксистской, ни в ленинской, ни, тем более, в сталинской версиях. Он говорил, что Ленин обеспечил максимально возможную на тот момент времени практическую реализацию идей Маркса, а Сталин продолжил дело Ленина и довел его до логического конца. Со Сталиным же у него были личные счеты.

Кстати, у Владика были очень интересные соображения по поводу личности Сталина, объяснявшие столь несвойственную тому "доверчивость" по отношению к гитлеровской Германии, его неадекватное поведение перед войной (когда он уничтожил верхушку генералитета), его, якобы, психологическую неготовность к войне и странное поведение в начале войны (когда он на несколько дней устранился от руководства страной). Владик даже начал собирать материал, чтобы написать об этом, но не успел³. Суть его версии состояла в том, что Сталин вовсе не был застигнут Гитлером врасплох, он был уверен в неизбежности войны с

³ В своих черновых набросках к этой теме В.С. Нерсисянц писал: «Военная тайна Сталина: приглашение (Гитлера) к вероломному нападению на СССР. ... Сталин хотел и добился Отечественной войны. ... Только такой сценарий устраивал Сталина и открывал путь к намеченной победе ценой безмерных жертв ... Только это удерживало и возвышало его власть».

немцами, более того, он ждал войны, понимая, что это единственный шанс укрепления своей власти внутри страны и расширения ее в мировом масштабе. Но ему была нужна война на своей территории (т.е. война Отечественная), война, начатая противником вероломно и потому связанная с очень большими жертвами. Он смотрел на Россию трезвым и циничным взглядом постороннего, который не дорожит ни страной, ни ее народом. И как посторонний Сталин хорошо понимал (он интересовался историей России), что русские плохо воюют на чужой территории, но на своей, в конечном счете, побеждают всегда. Однако для победы нужны огромные жертвы - только тогда поднимается та "дубина народного гнева", о которой так хорошо говорил в свое время Л.Н. Толстой. И чем масштабнее будут жертвы, тем значимее будет неизбежная победа и тем величественнее вождь, возглавивший народ в его праведной борьбе. Ему нужны были эти жертвы еще и для того, чтобы легче договориться с Западом о дележе плодов победы, за которую Россия заплатит самую большую цену.

В контексте такой версии событий (а это, скорее всего, единственная версия, которая увязывает разные исторические фрагменты в единое целое) Сталин предстает гораздо более масштабной и злобещей фигурой, чем это принято считать среди как его приверженцев, так и оппонентов. В этой связи надо сказать, что о коммунистах сталинского пошиба, а точнее, вообще о людях, не имеющих внутренней нравственной опоры и готовых подчиняться внешнему диктату, Владик говорил, что от них можно ожидать самого низкого и при этом быть готовым, что реальность окажется много хуже ожиданий. Он ненавидел тоталитаризм как строй, порождающий людей, в которых подавлено личностное нравственное начало. Кстати, для людей, у которых это начало подавлено, но не полностью, он придумал очень меткое словечко - "честноватый". Надо признать, что он очень трезво оценивал людей и слово "честноватый" в его лексиконе звучало, скорее, как комплимент.

После защиты диссертации (поскольку он защитился раньше срока и у него еще оставалась временная московская прописка) Владик устроился младшим научным сотрудником во ВНИИ советского законодательства (кажется, где-то в кодыоро). Затем с помощью своего друга и сокурсника Виктора Павлови-

ча Лозбякова, работавшего в подмосковной милиции, ему удалось получить постоянную подмосковную прописку, а с ней и какую-то жилплощадь в области, которую он затем сумел обменять на комнату в коммунальной квартире в Москве на Мосфильмовской. Здесь он прожил много лет, из них последние почти семь лет до получения отдельной квартиры уже вместе со мной. В 1965 г. он перешел на работу в журнал "Советское государство и право", где работал до 1970 г., а затем стал научным сотрудником ИГПАНа. В дальнейшем вся научная жизнь В.С. Нерсисянца была связана с этим Институтом.

Мы познакомились летом 1973 г., и на меня, двадцатилетнюю студентку, уже привыкшую относиться к эпохе брежневского застоя с беспечной иронией, произвела большое впечатление сдержанная ярость его антикоммунизма. Я хочу привести здесь два стихотворения, которые не только не были им опубликованы позднее (когда, казалось бы, можно было печатать уже все, что угодно), но не были даже записаны на бумаге. Я запомнила их с его слов, причем запомнила именно под напором той присущей им спрессованной энергетики, которая была характерна для всех его лучших работ (поэтических и научных) и для его жизненного почерка в целом.

Первое стихотворение было, по-моему, четверостишьем, хотя, возможно, это был рефрен (вроде припева) к какому-то более длинному стиху, ложившемуся на музыку старой революционной песни "Вышли мы все из народа...". Оно звучит так:

*Солнце свободы развеет
Подлую, мерзкую хмарь.
Враг наш пожнет, что посеял,
КПСС - на фонарь!*

Второе стихотворение он все-таки опубликовал частично в своем последнем сборнике стихов "Творемы" (М.: "Норма", 2001), взяв из него только первое и предпоследнее четверостишья. Владик не хотел публиковать остальной текст по соображениям не столько политического, сколько национального характера, не желая задеть чьи-то чувства. Но я, надеюсь, что умный читатель меня поймет, хочу привести полностью это сти-

хотворение, навеянное видом Москвы с Ленинских гор ранней, еще холодной, весной начала 70-х, когда казалось, что мертвечина коммунистического диктата продлится на всю обозримую перспективу наших жизней.

*Аллея кончилась обрывом
И снизу вверх суровый город
Устало, холодно и сыро
Зевал на Воробьевы горы.*

*Он был, славянству вопреки,
Всегда варяжско-русским градом,
Пока его не запрягли
Орде в потеху и награду.*

*Уроки дикого Востока
В наряды Запада запрятав,
Он совместил в себе истоки
Варяга, гунна, азиата.*

*Он брал нахрапом и наскоком,
Рядившись в тогу мессианства.
Его негремлющее око
Смущали новые пространства.*

*Соединив звезду и крест,
Их рознь сокрыв
Под красным гримом,
Он озирается окрест
Самодержавным третьим Римом.*

*Что замышляешь, город огненный?
Кого тебе еще не жаль?
Какая манит взор озлобленный
Еще не тронутая галь?*

*Не даст он честного ответа,
Правдиво не заговорит,
Но втихоря сожжет полсвета
И втихомолку сам сгорит...*

*Повсюду снег чернел и таял,
Не удержавшись и на склоне,
И воронья шальная стая
В своем бесилась давнем споре.*

*На расстоянии Москва,
Казалось, тешится игрою,
Но выдавал ее оскал -
Она была январски злою.*

Владик, конечно же, не был членом КПСС и всегда по праву гордился этим. В первое лето нашего знакомства он как-то сказал: "Знаешь, что я ценю в себе больше всего? То, что я не член этой партии".

Когда в 1974 г. он пришел в партком и дирекцию Института с просьбой допустить его к защите докторской диссертации, парторг (не помню, кто именно) начал говорить о том, что он, во-первых, беспартийный, а во вторых - еще молодой (ему было тогда 34 года). На что Владик тут же парировал: "Зато уже женатый" (мы только поженились и еще почти никто об этом не знал). Таким образом ситуация перешла в русло поздравлений и была переломлена. Он всегда умел в нужную минуту мгновенно среагировать (хотя в данном случае, я думаю, это была домашняя заготовка). Правда, немаловажно было, конечно, и то, что у него сложились хорошие отношения с тогдашним директором Института В.М. Чхиквадзе. Помню, в мой первый приезд на конференцию в Звенигород В.М. Чхиквадзе как-то вечером взял меня под руку, отвел в сторону и по ходу разговора сказал: "Вы знаете, я люблю Вашего мужа". От растерянности я решила сострить и ответила: "Вы знаете, я тоже". Я тогда совсем не оценила этой фразы директора института и вообще очень влиятельного по тем временам человека.

Позже, уже после В.М. Чхиквадзе, дирекция Института пару раз пыталась надавить на него, принудив его к вступлению в партию. Первый раз это требование, правда, было сформулировано как условие его назначения на должность заведующего сектором государства, права и политических учений. И здесь надо отдать должное новому директору Института В.Н. Кудрявце-

ву в том, что после твердого отказа со стороны В.С. Нерсесянца он все-таки решился назначить беспартийного заведующим сектором, в название которого входило слово "политический" (что для того времени - 1980 г. - было, мягко говоря, очень неординарно). Второй раз, когда В.С. Нерсесянец уже был заведующим сектором, сотрудник его сектора Каленский выступил с публичной критикой действий советских властей, сбивших пассажирский южно-корейский самолет, а затем попросил политическое убежище в США. Эта ситуация, которую народ ИГПНА окрестил как "южно-каленский инцидент", обсуждалась на Ученом совете Института, и дирекция очень настойчиво предлагала заведующему сектором выступить с осуждением новоявленного диссидента. Однако и на этот раз, натолкнувшись на его резкий отказ и полную готовность уйти с должности заведующего, они не стали настаивать. Более того, ему даже удалось не уволить Каленского, а оставить его в секторе на какой-то незначительной должности вплоть до отъезда в США. Периодически возникали и другие, уже более мелкие, трения с парторганизацией и ее клеветами, которые, впрочем, иногда по-человечески его довольно сильно задевали.

Докторская диссертация В.С. Нерсесянца на тему "Политико-правовая теория Гегеля и ее интерпретации" была защищена им в 1975 г. На защите я не была: он сказал мне, что женам не положено, чему я, по молодости лет, поверила. Но после защиты весь сектор пришел к нам домой и я познакомилась с его коллегами. От этого дня у меня осталось очень теплое воспоминание (деталей не помню, но общее впечатление, что было славно и весело).

После докторской, чувствуя себя уже достаточно защищенным, Владик начал устно и письменно пробивать (другого слова не подберешь, потому что сопротивление было мощным) теоретическую постановку проблемы различения права и закона. С этой темой он начал выступать на ученых советах, конференциях и т.д., постепенно переходя в ее трактовке от истории политических и правовых учений к теории права. Однако ему очень долго не удавалось опубликовать статью по этой теме в журнале "Советское государство и право". На представленную им в начале 1977 г. статью "Право и закон: их различие и со-

отношение" были получены такие отзывы рецензентов (один из них точно был А.В. Мицкевич, а в двух других я сомневаюсь, поэтому фамилий называть не буду), которые не оставляли шансов для публикации⁴. По этому поводу у Владика был жесткий разговор с главным редактором журнала А.Ф. Шебановым, в ходе которого он в резкой форме напомнил, что уже давно не 37-й год (эту фразу я запомнила точно).

Правда, по меркам того времени довольно скоро (в июле 1979 г.) журнал "Советское государство и право" подробно опубликовал основные положения позиции В.С. Нерсесянца в материалах Круглого стола, посвященного различным подходам к пониманию права. Я была на этом Круглом столе и могу сказать, что журнальная публикация его материалов очень слабо передает напряжение и накал дискуссии. Дело в том, что проблема правопонимания касается настолько глубинных и существенных моментов правовой теории (а в конечном итоге - и правовой практики), что даже незначительные различия в позициях по этому вопросу чреваты далеко идущими последствиями. Тем более что в нашей стране за спорами о понятии права всегда стояли расхождения не только теоретического, но идеологического и политического характера.

К этому времени набирала обороты дискуссия между подавляющим большинством приверженцев официального легистского определения права в варианте, предложенном Я. Вышинским (суть которого в трактовке права как совокупности норм, установленных государством и снабженных мерами государственного принуждения) и сторонниками так называемого "широкого понимания права", предлагавшими (вслед за Ф.С. Кечекьяном, А.А. Пионтковским и Я.Ф. Миколенко), включить в понятие права, помимо норм, также правоотношения и (или) правосознание. И хотя такое "широкое правопонимание не выходило за рамки легизма, поскольку не ставило под сомнение его главный постулат - отождествление права и закона, тем не менее своим отступлением от официального определения права 1938 г. сторон-

⁴ Эта статья (которая так и не была опубликована) в сокращенном варианте приводится далее вместе с отзывами на нее в качестве своего рода исторических документов эпохи, позволяющих немного почувствовать дух того времени.

ники "широкого" подхода нарушили монополию официального правопонимания и положили конец монолитному единству на "правовом фронте". Этот подход актуализировал проблему реализации норм права (законодательства), т.е. практического осуществления этих норм в правоотношениях и их отражения в правовом сознании различных слоев населения, дав импульс для развития исследований в этой области.

Позиция же В.С. Нерсесянца, которую до сих пор нередко ошибочно причисляют к "широкому правопониманию", была принципиально иной и шла гораздо дальше. Во-первых, она положила начало отхода советской теории права от легистского позитивизма, поскольку на обсуждение была вынесена проблематика различия (и соотношения) права и закона⁵. Не могу не сказать, что сама постановка этого вопроса, имевшая очевидную критическую направленность против произвольного характера административно-командного законодательства, заметно диссонировала с общим ходом обсуждения, состоявшегося в 1979 г. на Круглом столе журнала "Советское государство и право". И, во-вторых, (что важнее) в этом первом публичном выступлении по данной теме он предложил такую трактовку права, которая хотя и тяготела к гегелевскому пониманию права как "наличного бытия свободы", но уже содержала в себе характеристику права как меры свободы, которая впоследствии была развита автором в самостоятельную концепцию правопонимания. Основные положения своего подхода В.С. Нерсесянец здесь обозначил следующим образом⁶:

- "Понятие "свобода" диаметрально противоположно понятиям "произвол", "своеволие", "насилие" ... В условиях государственно-организованного общества свобода возможна и действительна лишь как право, имеющее законную силу";
- "В условиях взаимосоответствия свободы, права и закона законной силой обладает лишь норма, представляющая собой меру свободы. Ценность права как раз и состоит в том, что

⁵ Первой работой такого рода стала статья В.С. Нерсесянца «Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема» (в сб. «Вопросы философии права / Под ред. Д.А. Керимова. М., 1973).

⁶ Круглый стол журнала «Советское государство и право» по теме «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979, №7. - С. 70-71.

право обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы, получившая благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту";

- "Творческая роль закона и в то же время его социальная ценность, регулятивная значимость состоят в адекватном ... формулировании в виде норм законодательства уже сложившихся или явно складывающихся (здесь уместен и учет тенденций дальнейшего развития) форм и норм права (мер свободы)";
- "Взаимосвязь свободы, права и закона недостаточно исследована в нашей литературе. ... Более полный учет взаимосвязей свободы, права и закона будет содействовать преодолению волюнтаристских представлений о праве, обогащению трактовки права как социальной ценности дальнейшему углублению понимания права как системы норм (мер) свободы ...".

В.С. Нерсесянец не стал здесь акцентировать внимание на отличии своей трактовки права как меры свободы от "широкого правопонимания", не желая (по его словам) подвергать эту позицию критике еще и с другого фланга. Он лишь отметил, что с точки зрения соотношения права и закона полемика сторонников этого подхода против распространенной на тот момент трактовки права "носит непринципиальный характер. ... Те элементы, которые, наряду с нормой права, сторонники "широкой" концепции предлагают включить в понятие права (правоотношение, правосознание и субъективное право), являются в их конструкциях производными от нормы права, под которой имеется в виду норма законодательства. Кроме того, очевидна логическая несостоятельность перечисления в определении права наряду с нормой производных от нее явлений и признаков"⁷. Позднее он говорил и писал, что "широкое правопонимание" не ушло от традиционного легизма, поскольку не провело различия права и закона и, следовательно, не предложило критериев для различия правового закона от произвольного законодательства, продиктованного партийными директивами.

⁷ Там же. - С. 72.

После этого выступления и до выхода своей монографии, посвященной проблеме различения права и закона, В.С. Нерсесянц смог опубликовать следующие работы по данной проблематике: "Из истории правовых учений: два типа правопонимания" (в кн.: "Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания. ИГПАН СССР, 1978); "О понимании советского права" (в ж-ле "Советское государство и право", 1979, №7); "Свобода, право, закон (в кн.: "Конституция СССР и дальнейшее развитие государственоведения и теории права". М.: ИГПАН СССР, 1979); "Современные концепции права" (в ж-ле "Общественные науки", 1980, №1); "Основные направления современной буржуазной философии права" (в кн.: "Право и современная идеологическая борьба". - М.: ИГПАН СССР, 1980); "О соотношении права и закона в социологических исследованиях" (в кн.: "Социальные вопросы правотворчества". - М.: ИГПАН СССР, 1980); "Методологические проблемы соотношения правопорядка и законности" (в кн.: "Правопорядок и законность". - М.: АОН, 1980); "Развитие права и проблема правопонимания" (в кн.: "XXVI Съезд КПСС и проблемы теории государства и права. - М.: ИГПАН СССР, 1982, 0,5 п.л.).

В 1983 г. в издательстве "Наука" вышла большая (21 п.л.) монография В.С. Нерсесянца "Право и закон", в которой на базе огромного исторического материала, охватывающего правовые учения древности (на Востоке, в Греции и Риме), творчество средневековых юристов, раннебуржуазные и последующие западные концепции права, а также труды основоположников марксизма и работы советских авторов, прослеживается соотношение права и закона в истории политико-правовой мысли. В заключении монографии автор подчеркивал, что "различение права и закона как теоретическая конструкция выполняет две основные функции: оценочную и объяснительную. ... В своем оценочном отношении к закону право предстает как концентрированное выражение всех тех требований, без соответствия которым закон дисквалифицируется: закон, не соответствующий праву, - это произвол. ... Объяснительная функция концепций различения права и закона состоит прежде всего в том, что право и закон рассматриваются в них как два взаимосвязанных и вместе с тем различных реальных явления ... Рассмотрение то-

го, что есть право в его соотношении с законом, по сути представляет собой анализ как объективной природы и специфических качеств самого права, так и той совокупности факторов (природного, социально-политического, общественно-исторического, этического, духовного, психологического характера и т.д.), которые определяют и обуславливают правовые свойства закона, его место и значение в человеческой жизни"⁸.

Лишь после выхода этой монографии В.С. Нерсесянцу удалось опубликовать в журнале "Советское государство и право" свою программную статью "Право: многообразие определений и единство понятия". Здесь он выделил и рассмотрел три подхода к пониманию права, сложившиеся к тому времени в советской юридической литературе: 1) легистский подход, трактующий право как совокупность норм, установленных или санкционированных государством; 2) "широкое понимание права" и 3) различные варианты подхода, "представители которого обосновывают такое понимание (и понятие) права, которое исходит из концепции различения права и закона"⁹. Значительная часть статьи посвящена полемике с Л.С. Явичем (выделявшим разнорядковые сущности права) и С.С. Алексеевым (различавшим "юридическое право" как совокупность норм позитивного права и "неюридическое право" как "непосредственно социальное право"). Возражая С.С. Алексееву, ставившему под сомнение оп-

⁸ Нерсесянц В.С. Право и закон. - М., 1983. - С. 362.

⁹ Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право, 1983. №10. - С. 27. В числе работ, в которых в той или иной мере получила развитие идея различения права и закона, В.С. Нерсесянц указал следующие: Вопросы философии права / Под ред. Д.А. Керимова. - М., 1973. - С. 39-43 (автор В.С. Нерсесянц); Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. - М., 1974. - С. 23 и сл. (автор Д.А. Керимов), с.129 и сл. (автор Э.Л. Розин); Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. - М., 1978. - С. 182 и сл.; Марксистско-ленинское учение о государстве и праве. История развития и современность. - М., 1977. - С. 28 и сл. (автор Л.С. Мамут), - С. 163 и сл. (автор В.А. Туманов); О понимании советского права // Советское государство и право, 1970. №7. - С. 58-59, 70-72; №8. - С. 53-53, 59-60, 62-63, 68-71; Советское государственное строительство и право. Курс лекций. - М., 1982. - С. 93 и сл. (автор Д.А.Керимов). Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. - С. 33-35.

равданность попыток сконструировать единое многоаспектное понятие права, В.С. Нерсесянц подчеркивал, что "отрицание реального и понятийного единства права является ярким выражением теоретической слабости соответствующей концепции правопонимания. ... Согласно позиции С.С. Алексеева получается, что "неюридическое право" словесно и терминологически - это неизбежно "право", а понятийно - не "право", поскольку нет общего понятия "права". ... Заслуживает внимания и то обстоятельство, что поскольку "юридическое право" как "общесоциальная категория" относится С.С. Алексеевым к общей социологии, предмет юридической науки ограничивается им лишь "юридическим правом" (т.е. законом, позитивным правом)". Завершая статью, автор сослался на "старую истину, хорошо известную из многовековой истории правовой мысли: там, где право сводится к закону, там юридическая наука оказывается законоведением"¹⁰. Надо заметить, что в своих последующих работах В.С.Нерсесянц уже почти не уделял внимания полемике, сконцентрировавшись на позитивном изложении своей концепции (и это была его сознательная, принципиальная позиция).

Если в своем выступлении на Круглом столе журнала "Советское государство и право" в 1979 г. В.С. Нерсесянц сделал акцент на трактовке права как меры свободы в его отличии от произвола, то в этой статье автор существенно обогатил свои представления о праве, дополнив понятие права такими характеристиками, как равенство и справедливость. "Право, - пишет он здесь, - как форма (и мера) свободы и равенства, объективно обусловленная данным способом производства и соответствующим ему уровнем социального, политического, духовного и культурного развития, в его соотношении с законом ... выступает как источник, олицетворение и критерий справедливости..."¹¹. В своих последующих работах он сформулировал и обосновал понимание права как триединства равенства, свободы и справедливости.

Либертарная концепция правопонимания В.С. Нерсесянца строится на трактовке сущности права как формального равен-

¹⁰ Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. - С.33-35.

¹¹ Там же. - С. 29.

ства, включающего в себя такие внутренне взаимосвязанные и предполагающие друг друга компоненты, как *равная мера, свобода и справедливость*. Право как *равная мера* означает "не только всеобщий масштаб свободы и единую для всех норму правовой регуляции, но также и соблюдение эквивалента, соразмерности и равномерности в отношениях между самими субъектами права"¹². Право - это равная мера свободы ("своим всеобщим масштабом и равной мерой право измеряет ... именно свободу ... в человеческих взаимоотношениях"¹³) и *справедливости* (право взвешивает на единых весах и оценивает фактическое многообразие партикулярных отношений "формально равным, а потому и одинаково справедливым для всех правовым мерилom"¹⁴). И равная мера, и свобода, и справедливость в трактовке В.С. Нерсесянца - это разные проявления и наименования одного и того явления - формального равенства. Можно сказать, что речь идет о триединной сущности права как формального равенства. По этому поводу старший брат Владика Вазген Сумбатович Нерсесян¹⁵ как-то раз тонко заметил (во всяком случае, Владу очень понравилось), что триединство этой формулы права сродни трехмерности нашего пространства (что наполняет смыслом понятие "правовое пространство") и триединству Отца, Сына и Святого Духа в христианском учении. При этом взаимосвязь всех трех составляющих формального равенства в его трактовке, основанной на психологической теории деятельности, выглядит следующим образом: свобода - это объект уравнивания, равенство (уравнивание) - преобразующая данный объект уравнивающая деятельность, а справедливость - предмет (результат) уравнивания.

На мой взгляд, трактовка сущности права как формального равенства представляет собой результат теоретической рационализации и формализации "золотого правила" нормативной ре-

¹² Нерсесянц В.С. Философия права. - М., «Норма», 2006. - С. 30.

¹³ Нерсесянц В.С. Философия права. - М., «Норма», 2006. - С. 30.

¹⁴ Там же. - С. 37-38.

¹⁵ Там же. - С. 48.

¹⁵ Разница фамилий (Нерсесянц и Нерсесян) - это не опечатка. Дело в том, что отец Сумбат Меликсетович Нерсесян, будучи, судя по всему, очень незаурядным человеком, решил, следуя своей интуиции, выделить таким образом младшего сына из всей семьи.

гуляции в его так называемой негативной формулировке, которая гласит: "Чего не хочешь, чтобы другие тебе делали, того и ты им не делай". Именно эта версия "золотого правила" лежит в основе кантовского категорического императива, предписывающего: "Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом"¹⁶. Эта кантовская максима, отмечает В.С. Нерсесянц, по сути дела является лишь модификацией принципа формально-правового равенства (с его всеобщностью, независимостью, свободой воли и т.д.). В этом смысле кантовский моральный закон как формула действия самоценной независимой личности, сообразующей свою волю с волей любого другого индивида, есть ни что иное, как принцип правового (а не морального, как считал сам И. Кант) взаимодействия, основанного на формальном равенстве участвующих в нем субъектов¹⁷. Сам Владик не раз говорил мне, что Кант удивился бы такой интерпретации его концепции, при которой сформулированный им категорический императив предстает как выражение не нравственного, а правового принципа. И когда он говорил это о Канте, я всегда чувствовала, что ему очень не хватает собеседника такого уровня.

Концепция различения права и закона и основанная на ней трактовка права как меры свободы с самого начала были подвергнуты жесткой и массивной критике. Главные претензии были связаны с тем, что либертарное правопонимание отрывает право от государства и ведет к подрыву законности, провоцируя граждан на игнорирование неправовых законов и

¹⁶ Кант И. Соч., Т.4. - С. 260.

¹⁷ В черновиках В.С. Нерсесянца я нашла вполне заверченный по содержанию и форме текст, посвященный соотношению права и морали в концепции И. Канта (в сравнении с позицией Сократа). Это, скорее, наброски автора «для себя», которые не предназначались для опубликования. Однако текст заслуживает публикации, поскольку существенно дополняет, уточняет и проясняет позицию В.С. Нерсесянца по данному вопросу, изложенную в опубликованных им работах. Кроме того, на этом примере хорошо видно, как много оставалось у автора «за кадром» и какая большая интеллектуальная работа предшествовала лаконичным формулам учебников по философии права и истории политико-правовых учений (см., напр., Нерсесянц В.С. «Философия права». - М., 2008. - С.623). Текст приводится в конце книги.

т.п. Показательно, что отголоски этих абсурдных претензий слышны до сих пор¹⁸.

Между тем для либертарной концепции В.С. Нерсесянца как раз характерно концептуальное единство права и государства, что отличает ее не только от естественно-правовой доктрины¹⁹, но и от иных версий либертариизма²⁰. Понятийное единство права и государства - это принципиальный момент концепции В.С. Нерсесянца, который определяет все ее основные составляющие, в том числе и трактовку содержания принципа формального равенства. Никакого права "до" и "вне" государства данная концепция не предполагает. Правда, при этом государством В.С. Нерсесянц называет не любую организацию публичной власти, а только ту, которая является институциональной формой свободы людей в их общественных отношениях.

Об уровне и накале дискуссий в 70-80-е годы советского периода можно наглядно судить по гораздо более поздней (а главное - относящейся уже к эпохе новой российской Конституции) статье В.Н. Кудрявцева "О правопонимании и законности"²¹. Отмечая стремление сторонников различения права и закона "отстоять гуманное и демократическое право", академик оспаривает концепцию, ссылаясь на то, что она не соответствует социальной практике. "Выраженный здесь идеал, вероятно,

¹⁸ Так, в одном из недавно вышедших учебников по теории права мы читаем: «Попытки искусственного противопоставления позитивного закона и правового закона, законности и правозаконности на практике ведут лишь к дестабилизации общественной обстановки, поскольку: ослабляют регулятивную роль закона, устанавливая «множественные» стандарты реализации юридических предписаний; создают определенные препятствия государству и его институтам в выполнении правоохранительной функции; формируют нигилистическое отношение к закону и праву». - Проблемы теории государства и права / Под ред. В.М. Сырых. - М.: РАП, 2008. - С. 510.

¹⁹ Естественно-правовая доктрина не содержит в себе концепции правового закона в силу присущего ей представления о приоритете естественного права перед позитивным правом и, соответственно, о приоритете надгосударственных и межгосударственных инстанций над национальным государством. (Нерсесянц В.С. Философия права. - С. 27).

²⁰ Четвернин В.А. Современная либертарно-юридическая теория // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып.1, 2007. - С. 5.

²¹ Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994, №3. - С. 5.

расходится с действительностью, с фактами. Что ж, - иронизирует он, - как говорится, тем хуже для фактов". Далее автор отмечает, что с позиций такого подхода нельзя признать правовыми многие советские законы, которые "были явно несправедливыми, антигуманными". И самое главное, продолжает он: "довольно шаткими и неопределенными становятся оценки и ныне действующих законов: разве все они справедливы и демократичны?". По смыслу этих высказываний получается, что недостатком концепции различения права и закона является то, что она позволяет с правовых позиций критически оценивать социальную практику, т.е. недостатком объявляется именно то, что и составляет главную ценность правовой науки, которая, как верно замечено, начинается там, где она говорит "нет" законодателю.

В настоящее время либертарная теория права (благодаря усилиям автора, изложившего ее в многочисленных статьях, в монографиях, а также в целом ряде разошедшихся большим тиражом учебников по теории и философии права, по истории политических и правовых учений) стала фактом отечественной научной жизни, с которым нельзя не считаться. Однако, как верно замечено, этой концепции больше "везет на упоминание, чем на понимание"²². Да и упоминание либертарной теории и имени ее автора встречается гораздо реже, чем следовало бы по соображениям этики обращения с чужими идеями и текстами. Пока что признание этой концепции права заключается, главным образом, в "растаскивании" ее положений, которые без ссылок на авторство В.С. Нерсесянца "гуляют" по страницам работ, написанных зачастую со всем с иных позиций. Между тем либертарная концепция представляет собой оригинальную авторскую теорию, которая, хотя и опирается на давнюю философско-правовую традицию, развивавшуюся в русле рационалистической версии юснатурализма, тем не менее принципиально отличается от естественно-правового подхода. Сам автор считал, что "вся прошлая и современная философия права, кроме либертарно-юридичес-

²² Графский В.Г. «Интегральная (общая синтезированная) юриспруденция как теоретическое и практическое знание // Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца «Наш трудный путь к праву». - М., 2006. - С. 159.

кой концепции ..., представляет собой те или иные варианты и версии естественно-правовой философии права"²³.

Научное своеобразие либертарной концепции права в сравнении с естественно-правовой доктриной следует рассматривать в философско-правовой и теоретико-правовой плоскостях. С позиций *философско-правового подхода* главное отличие состоит в трактовке "ключевой проблемы философии права - взаимосвязи сущности и явления в праве"²⁴. В либертарной концепции формальное равенство - это сущность закона как реального правового явления, а закон как проявление данной сущности - это правовой закон. В рамках же юснатурализма соотношение естественного и позитивного права - это не взаимосвязь естественного права (как сущности) и закона (как явления), а их противопоставление, когда реально действующему естественному праву противопоставляется закон как искусственное образование. При этом отсутствие сущностного критерия правового начала не только приводит к характерному для юснатурализма смешению права и нравственности, но и не позволяет с достаточной четкостью отличить право от произвола (что на национальном уровне чревато неправомерным ограничением прав и свобод человека, а на международном уровне - применением к разным государствам двойных стандартов). С позиций *общей теории права* главное отличие либертарной теории заключается в том, что ее центральным звеном является концепция правового закона как единства правовой сущности (формального равенства) и правового явления (закона). Естественно-правовая доктрина не содержит в себе концепции правового закона в силу представления о приоритете естественного права перед позитивным правом и, соответственно, о приоритете надгосударственных и межгосударственных инстанций над национальным государством²⁵.

²³ Философия права. - С. 50. В этой связи надо отметить учебник «История политических и правовых учений» В.Г. Графского (М., 2005), который первым представил теорию В.С. Нерсесянца в контексте мировой политико-правовой мысли как оригинальную авторскую концепцию, предлагающую принципиально новый тип правопонимания.

²⁴ Там же. - С. 25.

²⁵ Там же. - С. 27.

Эти концептуальные особенности либертарной концепции права имеют далеко идущие практические последствия. Значение либертарного правопонимания как теоретико-методологического инструментария для решения прикладных задач можно продемонстрировать на любой проблеме правотворческой и правоприменительной практики, так или иначе имеющей дело с понятием права²⁶. При этом какую бы проблему мы ни взяли, общим критерием ее решения с позиций либертарно-юридического подхода будет мера прогресса свободы и равенства в отношениях между людьми (т.е. степень расширения пределов свободы человека и увеличение объема этой свободы)²⁷.

Широкое признание этой концепции в настоящее время затруднено тем обстоятельством, что ряд ее наиболее заметных сторонников в своей трактовке формального равенства как сущностного признака права исходит из того, что правовое равенство есть чистое равенство людей перед единой для всех нормой, никак не откорректированное с учетом их социальных и биологических различий. С этих позиций они отрицают правовую природу социального государства и социального законодательства²⁸. Приверженцы подобной точки зрения, расценивающие всякое отклонение от "чистого" равенства в пользу менее удачливых членов общества как благотворительность, основанную на нравственных идеях милосердия, любят ссылаться на авторитет И.Канта, который писал, что благотворительность "не имеет под собой принципа как для того, кто получает, так и для того, кто распределяет...", но сводится к доброй воле в ее материальном выражении..."²⁹.

²⁶ См., напр.: Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права, 2006, №4; Она же. Либертарное правопонимание в контексте актуальных проблем современной России // Общественные науки и современность. 2008, №5; Она же. Правовая демократия как цивилизационный выбор России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008, №6.

²⁷ О количественном выражении свободы см.: Нерсесянц В.С. Социальный потенциал либертарно-юридического понятийного права // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып.1. 2007. - С. 43-45.

²⁸ Так, «Сущность социального законодательства, - пишет В.А. Четвернин, - это привилегии, льготы и преимущества, или так называемая позитивная дискриминация». Четвернин В. А. Лекции по теории права. Вып. 1. - М., 2000. - С. 48.

²⁹ Цит. по: Там же. - С. 231.

В работах В.С. Нерсесянца намечен иной взгляд на правовую природу социального государства, согласно которому социальная политика государства может и должна осуществляться в соответствии с правовым принципом формального равенства. Правда, он не уделил достаточного внимания этой проблеме. Возможно, он не хотел полемизировать с немногочисленными союзниками по пониманию права как формы свободы, а главное, думаю, в том, что в свете его концепции цивилизма, которая в этом вопросе пошла гораздо дальше, распространив принцип формального равенства на сферу экономических отношений собственности, проблема правовой природы социального государства утратила для него свою актуальность. Между тем из ряда его высказываний ясно, что он не рассматривал равную правоспособность (а формальное равенство у него - это равная правоспособность)³⁰ как чистое равенство между деянием и воздаянием, не учитывающее социальные и биологические характеристики людей.

Прежде всего, это следует (хотя и в неявном виде) из его трактовки понятия "равная мера", означающего не только равенство перед общей нормой? но и "соблюдение эквивалента, соразмерности и равномерности в отношениях между самими субъектами права"³¹. Чтобы понять, какой смысл вкладывал В.С.Нерсесянц в тезис о соразмерности в отношениях между субъектами права, важно иметь в виду, что он признавал правовой характер социальной поддержки со стороны государства тех групп населения, которые не имеют возможности в силу независимости от них обстоятельств воспользоваться наравне с другими своей правоспособностью. При этом он подчеркивал, что "те или иные требования так называемой социальной справедливости, с правовой точки зрения, имеют рациональный смысл и могут быть признаны и удовлетворены лишь постольку, поскольку они согласуемы с правовой всеобщностью и равенством и их, следовательно, можно выразить в виде абстрактно-всеобщих

³⁰ Право, как говорил он, это равная правоспособность, т.е. «абстрактная свободная возможность приобрести - в согласии с общим масштабом и равной мерой правовой регуляции - свое, индивидуально-определенное право». (Нерсесянц В.С. Философия права. - С. 34).

³¹ Нерсесянц В.С. Философия права. - М., 2006. - С. 30.

требований самой правовой справедливости в соответствующих областях социальной жизни. И то, что обычно именуется социальной справедливостью, может как соответствовать праву, так и отрицать его"³².

Суть различий в понимании формального равенства сторонниками либертарного правопонимания можно продемонстрировать на разнице в трактовке категории свободы как взаимозаменяемого с равенством понятия (ведь свобода "выражена лишь с помощью равенства и воплощена в этом равенстве"³³). У В.С. Нерсесянца свобода человека - это свобода его воли, под которой он понимает "*возможность осознанного выбора и реализации того или иного варианта поведения*"³⁴, т.е. возможность действовать без ограничений, исходящих извне. Те, кто трактуют формальное правовое равенство как чистое равенство между деянием и воздаянием, не откорректированное с учетом физических и социальных характеристик носителей свободной воли, понимают свободу лишь как *возможность совершать действия, обусловленные своей, а не чужой волей*³⁵. Между тем такая ограничительная трактовка вовсе не следует из определения В.С. Нерсесянца. Более логично предположить, что когда он говорит о возможности человека, обладающего в силу своей разумности свободной волей, осуществить эту волю без внешних ограничений, то имеет в виду ограничения, заданные не только чужой волей, но и теми качествами самого индивида (его физической или социальной слабостью), которые, будучи внешними по отношению к его разумной воле, выступают как ее ограничители. С позиций такого подхода свобода воли предстает как возможность человека воспользоваться своими правами в меру личных волевых усилий, т.е. в меру реализации человеком его сущности как разумного существа, обладающего свободной волей, когда эта воля не деформирована привнесенными обстоятельствами, связанными с давлением чужой воли или с социобиологической слабостью самого индивида.

³² Там же. - С. 48.

³³ Там же. - С. 42.

³⁴ Нерсесянец В.С. Указ. соч. - С. 38.

³⁵ См.: Варламова Н.В. Принцип формального равенства как основание диалектического снятия противоположности метафизических и позитивистских интерпретаций права // Право и общество в эпоху перемен. - М., 2008.

Эти две разные позиции в трактовке свободной воли соответствуют двум подходам к пониманию формального равенства в сфере социальных отношений, сложившимся в философской литературе: а) формальное равенство, полагающее отказ от идеи равенства возможностей и б) формальное равенство, корректирующее исходное фактическое неравенство до равенства возможностей³⁶. Широко распространено представление о том, что спор между этими двумя подходами является принципиально неразрешимым в силу "сущностной оспариваемости" категории "формальное равенство", которая не может быть рационально обоснована³⁷. Однако я думаю, что можно с научной точки зрения (т.е. на уровне научно-теоретической абстракции) доказать, что право как формальное равенство предполагает именно равенство возможностей, обусловленных личными усилиями и личной волей субъектов права. Рассмотрим эту проблему с позиций либертарного правопонимания.

Мы будем исходить из приведенного выше определения, согласно которому право - это "*нормативная форма выражения свободы посредством принципа формального равенства людей в общественных отношениях*". Исходным для понимания права как формы свободы является здесь формальное равенство людей в их отношениях. Т.е. свобода - это то, что выражается посредством формального равенства ее носителей. Отсюда следует, что право как выражение свободы - это норма (т.е. правило взаимного поведения), о которой люди договариваются как равные. Разумный характер субъектов правового общения в силу известной регулятивности идеи разума предопределяет общую направленность действий людей, как если бы "они специально договорились о том же самом (в форме так называемого общественного договора)"³⁸. Поэтому для моделирования процесса выработки права можно воспользоваться логической конструкцией договора. Подобная логическая модель общественного договора

³⁶ Федотова В.Г. Равенство социальное // Новая философская энциклопедия. - М., 2001. - С. 394.

³⁷ См.: Честнов И.А. Перспективы либертарного правопонимания. Полемические размышления // Ежегодник либертарно-юридической теории. - М., Вып.1. 2007. - С. 51.

³⁸ Нерсесянец В. С. Философия права. - М., 2006. - С. 624.

о правилах взаимного поведения - это абстрактная квинтэссенция исторического процесса выработки оптимальных форм социального взаимодействия путем постепенного, осуществляемого на основе проб и ошибок отбора приемлемых для всех и каждого (т. е. всеобщих) принципов поведения людей по отношению друг к другу.

Именно такой гносеологический прием использует известный специалист в области теории справедливости Д. Ролз для обоснования своей концепции "справедливости как честности". Чтобы понять, какие именно принципы справедливости соответствуют договорному характеру отношений между формально равными индивидами, он предлагает представить гипотетическую ситуацию, когда рационально мыслящие индивиды, преследующие свои интересы, вступают в договор по выработке принципов справедливости, полностью абстрагируясь от каких-либо своих индивидуальных качеств и характеристик. Это аналогично тому, как если бы каждый человек, вступающий в договор о правилах совместного поведения с другими людьми, не знал бы "своего места в обществе, своего классового положения или социального статуса, а также того, что предназначено ему при распределении природных дарований, умственных способностей силы и т. д."³⁹, но при этом имел бы рациональные (и потому общие для всех) представления о том, что является для него благом. Принципы, выработанные путем такой договоренности "за занавесом неведения" и будут, согласно Д.Ролзу, принципами справедливости. И хотя сам автор говорит о социальной справедливости, имея в виду не столько правовую, сколько морально-нравственную категорию, однако предлагаемые им условия выработки справедливого решения - это условия поиска именно правового решения как результата договора между абстрактными формально равными лицами. Ведь эта ситуация полностью соответствует сформулированному Гегелем велению праву: "будь лицом и уважай других в качестве лиц".

Д. Ролз полагает, что "социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно ... ведут к наибольшей выгоде наименее преус-

³⁹ Ролз Д. Теория справедливости. - Новосибирск, 1995. - С. 26.

певших"⁴⁰ и что люди в ситуации "занавеса неведения" договариваются о том, что все социальные ценности "должны быть равно распределены, за исключением тех случаев, когда неравное распределение любой, или всех, из этих ценностей дает преимущество каждому"⁴¹. Но я думаю, что логичнее (и в этом смысле разумнее, т.е. ближе к природе человека как разумного существа), предположить, что люди будут стремиться не к равному распределению благ, а к равенству возможностей их получения. И вряд ли каждый из тех, кто может оказаться в положении слабого и неуспешного в силу обстоятельств, не зависящих от его волевых усилий, удовлетворится тем, что успехи более сильных позитивно отразятся и на его положении. Очевидно, что договаривающиеся "за занавесом неведения" индивиды захотят иметь возможность компенсировать свою слабость, чтобы на равных вступить в социальную конкуренцию и добиться более высокого положения по сравнению с другими. Следовательно, они захотят подстраховаться, оговорив правила компенсации для себя на тот случай, если окажутся слабее других в своих социальных или физических характеристиках. Но это должна быть именно *компенсация их слабости*, которая позволила бы им воспользоваться своими правами наравне с другими, а вовсе не общее требование того, чтобы социальные и экономические успехи более удачливых членов общества приводили бы к улучшению положения остальных. Введение подобной компенсации переводит проблему справедливости из сферы морали с присущей ей неопределенностью границ (безграничностью) в сферу права, где есть четко обозначенная мера справедливости в распределении социальных благ, опирающаяся на принцип равенства как равенства возможностей.

Далее встает вопрос: о каком равенстве возможностей идет речь? Ведь такое равенство всегда будет неполным, ограниченным. Конечно, равенство возможностей как формальное, а не фактическое равенство всегда ограничено, но в каждый исторический момент времени оно ограничено по-разному. Речь идет о максимально возможном равенстве возможностей (т.е. о мак-

⁴⁰ Ролз Д. Указ. соч. - С. 267.

⁴¹ Ролз Д. Указ. соч. - С. 61.

симально возможной свободе каждого) *на данный исторический момент времени*. Противники такого подхода говорят: "А кто определяет, какое равенство возможно на данный момент времени? На практике, считают они, решение этого вопроса "сводится к личному или институционально оформленному произволу, поскольку справедливым является то, что полагает таким конкретное лицо или надлежащая властная инстанция"⁴².

По этому поводу можно сказать следующее. Правовую меру равенства возможностей определяет не конкретное лицо, которое всегда будет субъективно, (т.е. произвольно), а надлежащая государственная инстанция. И если с точки зрения права эта инстанция действительно надлежащая, то ее решение не будет произвольным. И здесь мы возвращаемся к вопросу о *концептуальном единстве права и государства* в рамках либертарной концепции правопонимания. С позиций данного подхода право - это норма свободы в правовом государстве, где есть соответствующий природе этого государства механизм выработки, легитимации и реализации *правового закона*. На разных этапах развития человечества мера правовой развитости государства корреспондировала развитию права⁴³. В современ-

⁴² Варламова Н.В. Цит. соч. .

⁴³ Показательно, что подход, трактующий свободу воли лишь как возможность совершать действия, обусловленные своей, а не чужой волей выражает обновленческий пафос Нового времени, когда на арену политической жизни вышли энергичные, обладающие большим человеческим потенциалом представители зарождающейся буржуазии, которые отстаивали свое «право сильного», основанное на формальном равенстве без скидок на социобиологическую слабость субъектов правового общения. Иного равенства и не могла обеспечить в то время публичная власть, еще не вышедшая из сословно-феодалного состояния. Однако по мере правового развития общества и усиления демократических (т.е. правовых) начал государственности право все в большей мере переставало быть только правом сильного, поскольку в договор о праве включалось все большее число социальных групп, ранее бывших аутсайдерами политического процесса. Это приводило к расширению пределов свободы по субъектному составу и увеличению объема свободы с точки зрения ее содержания (т.е. возможности реализовать свободную волю без внешних ограничений). Все более полный учет все более широкого круга социальных интересов в рамках правотворческой деятельности демократического государства приводил ко все большему выравниванию стартовых возможностей индивидов в реализации ими своей правоспособности.

ном правовом государстве решение о том, что есть мера свободы, принимает парламент как орган, выражающий общую волю (а если он ошибается, то его волю может откорректировать суд или сам народ как суверен на референдуме или в рамках избирательных процедур). Очевидно, что такое решение государства как институциональной формы свободы не будет произвольным.

В пользу трактовки формального равенства в либертарной теории права В.С. Нерсесянца как равенства возможностей в правовой сфере говорит и следующее его положение, высказанное в связи с критикой концепции распределяющей и уравнивающей справедливости Аристотеля. "Восходящее к Пифагору, а затем к Платону, Аристотелю и вплоть до наших дней представление о двух видах равенства, - пишет он, - является ложным. Такое понимание равенства возникло в условиях неразвитого права. Правовое равенство (в каждое данное время в своем объеме и смысле) всегда одно. Деление же равенства на демократическое и аристократическое, уравнивающее и распределяющее, строгое и пропорциональное и т.п. является формой выхода за рамки правового равенства в сторону привилегий. ... Разные характеристики равенства (пропорциональное, распределяющее и т.п.) остаются равенством лишь в тех пределах, в которых они не выходят за рамки правовой компенсаторности. Всякий выход в процессе пропорционально-распределяющего уравнивания за границы *правовой компенсации* (курсив мой - В. Л.) ведет к появлению привилегий, т.е. к нарушению права". Правда, эту важную мысль он сформулировал в сносках к основному тексту последней редакции своих учебников "Философии права" (М., 2006. - С. 509, сн.1) и "История политических и правовых учений". (М., 2005. - С. 78, сн.1), когда правил верстку всего за несколько недель до своей смерти.

Если бы В.С. Нерсесянец был жив, он, конечно же, развил бы эту тему. Однако и сказанного им вполне достаточно, чтобы понять, что он различает правовую и неправовую (т.е. произвольно-благотворительную) социальную политику государства и что критерием разграничения правового и неправового начал в данной сфере является у него принцип компенсации. С позиций такого подхода можно сказать, что компенсаторно-правовой (т.е. соответствующий принципу формального равенства)

характер льгот, получаемых наиболее слабыми членами общества означает, что эти льготы компенсирует им их физическую или биологическую слабость, подтягивая их к уровню равной правоспособности или, что то же самое, к уровню равенства возможностей в правовой сфере. В остальных случаях предоставление преференций нарушает правовой принцип формального равенства, а, следовательно, ведет к привилегиям одних и к дискриминации других. Таким образом, с позиций либертарного правопонимания В.С. Нерсесянца равная мера как составная часть принципа формально-правового равенства - это, в конечном итоге, мера соответствия между личными волевыми усилиями людей (как абстрактных носителей свободной воли) и реально доступным для них набором прав на получение социальных благ. С позиций такого подхода формальное равенство - это не заданное раз и навсегда абстрактное равенство между деянием и воздаянием, а гораздо более сложная, исторически изменчивая модель равноправия, содержание которой уточняется по мере социального развития человечества⁴⁴.

Именно такое понимание правового принципа формального равенства позволило В.С. Нерсесянцу выдвинуть и обосновать идею цивилизма как нового общественного строя, в основе которого - право каждого гражданина на одинаковую долю от так называемой "общенародной социалистической собственности". Определенную роль в этом сыграло, по словам самого В.С. Нерсесянца, отсутствие у него коммунистических комплексов. Бывает занятно слышать, когда бывшие члены КПСС упрекают автора цивилизма в приверженности коммунистическому эгалитаризму. На самом деле идея цивилизма не имеет ничего общего с коммунистическим принципом фактического равенства в потреблении. Цивилизм предполагает такой принцип реформирования социалистической собственности, при котором за каждым гражданином как правомерным наследником признается равное право на свою долю. С юридической точки зрения эта цивилитарная (гражданская) собственность представляет собой идеальную (т.е. не изымаемую в реальности из общего фонда гражданской собственности) долю каждого в общей собствен-

⁴⁴ Подробнее см.: Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права, 2008. №3. - С. 72-80.

ности всех граждан. Каждый гражданин как собственник, в течение всей своей жизни получающий соответствующую его идеальной доле часть денежных доходов от всех форм товарно-денежного использования общей собственности, приобретает таким образом пожизненное личное субъективное право на свою долю собственности. Сверх этого минимума гражданской собственности допускаются и все другие виды собственности, функционирующие в правовом режиме частной собственности с присущей ему дифференциацией в распределении социальных благ.

Объективная возможность такого правового способа преобразования собственности обусловлена реальными итогами всего предшествующего социализма, а сама концепция постсоциалистического цивилизма выражает исторически более высокую ступень правового равенства, свободы и справедливости в социальной жизни. В рамках концепции цивилизма принцип формального правового равенства наполняется новым социальным содержанием: право предстает здесь не просто как абстрактная правоспособность (способность иметь право на средства производства), а как "уже приобретенное, наличное и неотчуждаемое субъективное право на реальную собственность"⁴⁵. Можно предположить, считал В.С. Нерсесянец, что и "видимый дальнейший прогресс права будет осуществляться по цивилитарной модели обогащения и дополнения принципа формально-правового равенства новыми, неотчуждаемыми субъективными правами"⁴⁶.

Конечно, время для реализации этой концепции в России в ее изначальном, теоретически чистом виде уже упущено. Однако ее научный потенциал позволяет и в сложившихся условиях найти параметры соглашения между обществом, властью и бизнесом, способного обеспечить ту меру легитимации власти и собственности, без которой невозможно нормальное развитие общества. "Если даже социализм XX в. упустит нынешнюю объективную возможность для перехода к цивилизму, - писал В.С. Нерсесянец, - то это вовсе не будет означать ни потери самой идеи цивилизма..., ни уже навсегда открывшегося пути к нему. Без перехода к цивилизму ни коммунистическую идеоло-

⁴⁵ Нерсесянец В.С. Философия права. - С. 423.

⁴⁶ Нерсесянец В.С. Право - математика свободы. - М., 1996. - С. 140.

гию, ни новые попытки ее реализации преодолеть невозможно"⁴⁷. Он рассматривал эту концепцию как итог творческого применения диалектического принципа единства и борьбы противоположностей к анализу социальных процессов. С позиций такого подхода идея цивилизма позволяет на новом витке исторического процесса диалектически "снять" противоречие между капитализмом и социализмом. "Ограниченная позитивная диалектика Гегеля, - писал В.С. Нерсисянц, - в действительности упирается в капитализм, радикальная негативная диалектика Маркса завершается антикапитализмом. Концепция цивилизма продолжает диалектику исторического процесса, преодолевая ограниченность гегелевской и негативизм марксовской версии диалектики исторического процесса"⁴⁸.

Идея цивилизма была сформулирована В.С. Нерсисянцем летом 1989 г., и уже в сентябре он сумел опубликовать статью "Закономерности становления и развития социалистической собственности" в "Вестнике АН СССР" (№9). Далее последовали статьи: "Концепция гражданской собственности" (Советское государство и право, 1989, №10); "Прогресс равенства и будущность социализма" (Вопросы философии, 1990, №3); "Капитализм. Социализм. Постсоциализм?" (Новое время, 1990, №4); "На путях к праву: от социализма к цивилизму" (Советское государство и право, 1991, №2); "Цивилизм - путь равных" (Коммерческий вестник, 1991, №21); "О неотчуждаемом праве каждого на гражданскую собственность (Государство и право, 1992, №12); "Продолжение истории: от социализма к цивилизму" (Вопросы философии, 1993, №4); "Цивилизм как русская идея" (Рубежи, 1996, №4) и др. Специально следует отметить статью "Постсоциалистическая Россия. Цивилизм как национальная идея", опубликованную в "Независимой газете" (01.11.1995). В 1992 г. вышла монография "Наш путь к праву" (М.: "Российское право", 1992), в 1995 г. - "Право - математика свободы" (М.: "Юрист", 1996). Позднее, при поддержке директора издательства "Норма" Э.И. Мачульского отдельной брошюрой вышел "Манифест о цивилизме" (М., 2000⁴⁹), переведенный за-

⁴⁷ Там же. - С. 152-153.

⁴⁸ Там же. - С. 152.

⁴⁹ Текст Манифеста о цивилизме см. далее.

тем на английский язык профессором В. Батлером. Но, пожалуй, самое важное - это то, что концепция цивилизма вошла во все учебники В.С. Нерсисянца. Более того, когда по инициативе помощника Президента РФ по правовым вопросам Ю. Батурина была организована встреча Б.Н. Ельцина с группой юристов, Владик сумел кратко изложить президенту суть своей идеи цивилизма. По его словам, Б.Н. Ельцин в целом был заинтересованно включен в разговор с юристами, явно хотел услышать от них слова поддержки и живо на них откликался, но когда речь зашла о цивилизме, то он как-то поскущел лицом и "закрылся" от собеседника.

Сделав все, что было в его силах, для популяризации своей концепции, Владик спокойно относился к тому, что идеи цивилизма не востребованы ни теорией, ни практикой, считая, что это уже не его проблемы. Он несколько раз с удовольствием рассказывал мне, что когда в начале 90-х годов на одной из лекций в Италии изложил свою концепцию цивилизма, какая-то студентка (а может быть, молодая преподавательница), очень осмысленно глядя на него, сказала: "Вы знаете, профессор, а я поняла Вашу идею. Но поймут ли ее в России?". Он тогда ответил, что раз понимают в Италии, то тем более поймут и в России, но ситуация для этого должна созреть. Пока что ситуация явно не созрела, потому что даже те немногочисленные юристы, которые считают себя сторонниками либертарной концепции права, не признают идеи цивилизма, а главное - правовую природу цивилистического строя. Те же, кто признают цивилизм (а это, как правило, не юристы), мало интересуются тонкостями либертарной концепции права.

Поэтому в последние годы В.С.Нерсисянц допускал, что идеи цивилизма, имеющие всемирно-историческое, а не только внутрисоветское значение, могут быть раньше поняты и приняты на Западе (кстати, он как-то получил письмо из Новой Зеландии, в котором эти идеи высоко оценивались). При этом он полагал, что Запад может придти к цивилизму своим путем и адаптировать эту концепцию к своим условиям. В этом плане показательно, что идеи, созвучные концепции цивилизма, в последние годы получают все большее распространение, в частности, в Германии. Здесь широко обсуждаются предложения ряда

экономистов о выплате каждому гражданину страны ежемесячной суммы в размере около 1,5 тыс. евро (за счет отмены иных социальных выплат и изменения налогообложения). Эти так называемые "цивильные деньги" или "деньги для всех" должны составить тот базовый доход, который обеспечит всем гражданам (независимо от их трудового вклада) материальные гарантии достойной жизни, избавит людей от страха перед будущим, а общество от социальных конфликтов⁵⁰. По сути дела, речь идет о наполнении формального правового принципа равных стартовых возможностей новым социальным содержанием, отвечающим реалиям постиндустриального общества. Разумеется, что подобные предложения в случае их реализации не приведут к смене общественного устройства, они станут лишь очередным шагом на пути к социальному государству в рамках буржуазной модели частной собственности. На Западе, в отличие от России, проделавшей в результате колоссальных усилий и жертв черную работу по социализации частной собственности, не созданы предпосылки для цивилитарного преобразования частной собственности отдельных лиц в индивидуальную собственность каждого гражданина. Поэтому там "цивильные деньги" - это всего лишь фиксированное денежное содержание, возможное как результат благотворительности собственников в пользу несобственников. У нас же гражданская собственность - это имущество, приносящее доход, которое должно быть получено в результате справедливого распределения социалистического наследства. Тем не менее движение западной общественно-политической мысли в сторону признания за каждым гражданином права на базовый доход, не зависящий от его трудовых усилий, демонстрирует всемирно-исторический потенциал концепции цивилизма, открывающей перспективы общественного развития после капитализма, который вовсе не является "концом истории".

Идея цивилизма как нового общественного строя могла появиться лишь в результате осмысления того краха социализма, который пришелся на наш отрезок истории. В этой связи В.С. Нерсесянц писал: "Новое в истории - это, вопреки поговор-

⁵⁰ Werner G. Das manische Schauen macht uns alle Krank // Stern. №17. 20.04.2006. S.177-181).

ке, не хорошо забытое старое, а до поры, до времени отсутствующее, невидимое и неизвестное очередное будущее ... Можно сказать, что историческое пространство, как и пространство физическое, искривлено, и увидеть, что нового за предстоящим большим историческим поворотом, можно лишь после того, как такой поворот уже реально исторически подготовлен и возможен. И на поверку оказывается, что говорящие о "конце истории", по существу, признают, что для них действительно предстоящее будущее еще не видимо..."⁵¹. То же самое можно сказать и о его либертарной концепции права в целом, которая вряд ли могла появиться у авторов, не имевших личного опыта жизни в условиях исторически беспрецедентного советского тоталитаризма.

Баллотировавшись в членкоры РАН в 1994 г., свой доклад на Отделении философии и права В.С. Нерсесянц посвятил именно проблеме цивилизма. Хотя, конечно же, он колебался, потому что философы, которые его поддерживали, знали и ценили прежде всего его работы по философии права и по истории политико-правовых учений. Доклад по этой проблематике прошел бы спокойно, а реакция на цивилизм была не предсказуема. Однако в режиме размеренного академизма он мог бы не получить нужного перевеса голосов. Поэтому Владик (вопреки всем советам) решил рискнуть - и выиграл. Более сложной оказалась ситуация выборов в академики (2000 г.). Кто-то заболел, кто-то не пришел, и на Отделении философии и права, которое давало рекомендации общему собранию академиков, голосовало всего шесть человек. Два голоса оказались "против", но свои две трети он все-таки получил. Там был забавный эпизод. Когда огласили результаты голосования, В.Н. Кудрявцев, как бы в шутку, сказал, что "против" был он с Борисом Николаевичем (имея в виду Б.Н. Топорнина). На что Владик в шутку ответил: "А я так и подумал, Владимир Николаевич". Хотя тогда он думал, что против был Топорнин и кто-то из философов, но потом поменял свою точку зрения.

С Б.Н. Топорниным у него были сложные отношения. Уже позднее, когда Б.Н. Топорнин уходил с поста директора Института, Владик был возмущен тем, что вопрос о кандидатуре ново-

⁵¹ Нерсесянц В.С. Право — математика свободы. - С. 150.

го директора решался за его спиной. Кроме того, ему не нравилась политика дирекции, идущая в общем русле с коммерциализацией науки и т.п. И он выставил свою кандидатуру на должность директора, будучи уверенным в поддержке Отделения философии и права РАН. Надо сказать, что у Владика был абсолютно мужской почерк отношения к жизни: он всегда чувствовал полную личную ответственность за ситуацию, в которой оказывался, начиная с семьи (в моей жизни с ним не было ни одной проблемы, которую он для меня не решил бы) и заканчивая страной, для которой в советское время он разработал либертарную концепцию правопонимания, содержащую критерии разграничения права и произвола, а в постсоветский период предложил ей идею цивилизма, помогающую освободиться от коммунистических комплексов. Именно чувство ответственности и заставило его (в ущерб собственным интересам, далеким от всякой административной работы) ввязаться в эту неприятную ему суету. Правда, он вскоре понял, что в его планах развития Института мало кто заинтересован, а ему самому эта должность и вовсе была не нужна. Владик быстро и легко отказался от этой идеи, но какое-то время не сообщал о своем решении, чтобы, по его словам, "держат ситуацию в напряжении". Все это, конечно, еще больше ухудшило отношения с Б.Н. Топорниным. Но я не могу не сказать и о том, что когда Б.Н. Топорнин уехал в Германию на операцию, то чуть ли не за день до своей смерти (сразу же после операции) он неожиданно из Германии позвонил Владиду. Позвонил, чтобы просто спросить о здоровье. Владиду тогда уже трудно было говорить (болезнь перешла на голосовые связки), он больше слушал, но я хорошо помню, какое у него при этом было светлое лицо. Он остался очень доволен разговором.

Владик всегда считал, что человек живет в меру своих задач. У него были самые разные задачи и планы. Его давно очень серьезно интересовала тема неологии (учения о новом, о механизмах познания, о природе творчества в целом и гениальности, в частности), он собирал мифы и сказки народов мира, планируя когда-нибудь проследить по ним зарождение идеи права (вообще он много думал о природе мифа, который, по его мнению, возникал в результате искажения в силу непонятости свер-

шившегося факта)⁵², он готовил материалы, чтобы написать о праве в творчестве А.С. Пушкина и т.д. Но я думаю, что после цивилизма все это в глубине души казалось ему уже не столь важным. По поводу же цивилизма и либертарного правопонимания он говорил, что живой автор большой идеи мешает современникам признать ее масштаб, обременяя абстрактную идею конкретной фактичностью своей личности и тем самым занижая ее значимость. Я не могу вспомнить ту более емкую и лаконичную формулировку, которую он при этом использовал (возможно, это была даже не его мысль, а какой-то известный афоризм). Меня не оставляет ощущение, что Владик ушел, чтобы не мешать своим концепциям жить самостоятельной жизнью.

Конечно же, он очень хотел жить. Владик любил жизнь и она, по большому счету, платила ему взаимностью. Когда прошел первый шок от поставленного диагноза (неоперабельный рак легкого), он как-то очень серьезно сказал мне: "Я ни о чем не жалею"⁵³. У него была хорошая жизнь и легкая смерть. Я долго колебалась, надо ли рассказывать здесь о последнем дне его жизни, но, в конце концов, решила сделать это, потому что все в тот день было настолько не случайным и так логично подводило итоги прожитой жизни, что не сказать об этом нельзя.

⁵² Его наброски к этим темам приводятся в конце книги.

⁵³ Право на такую фразу В.С. Нерсесянц заработал всей своей жизнью, в которой (как и у каждого советского человека) было много ситуаций, требующих усилий для сопротивления внешнему давлению. В этой связи я хочу привести один незначительный, на первый взгляд, эпизод, очень характерный для его жизненного почерка. В списке работ В.С. Нерсесянца обращает на себя внимание статья в ж-ле «Советское государство и право» за 1968 г. с необычным для того времени и места названием - «В защиту прав человека». Однако в журнале вместо фамилии Нерсесянца под статьей стоят лишь инициалы «В.С.». Дело в том, что в этом материале дан краткий обзор конференции, посвященной Международному году прав человека в связи с 20-летием провозглашения Всеобщей декларации прав человека (конференция была организована Институтом государства и права АН СССР, Институтом международного рабочего движения и Московским государственным институтом международных отношений). Судя по всему, В.С. Нерсесянцу как молодому сотруднику редакции было поручено подготовить обзор этой конференции. Добросовестно описав содержание произнесенных здесь докладов, он отказался поставить свою фамилию под этим чуждым для него текстом. Причем, я уверена, что название статьи - «В защиту прав человека» было предложено именно им.

Ни у него, ни у меня не было в этот день никаких предчувствий, и он даже отправил меня выяснить что-то по поводу своей пенсии. Недалеко от дома, около церкви меня застал очень сильный ливень, я зашла в церковь и, как умела, помолилась (чуждес я уже не ждала и молиться могла только о том, чтобы смерть Владика не была мучительной). После церкви вернулась домой, потому что вся промокла. Оказалось, что я пришла очень кстати, потому что у него начинался приступ удушья. Так уже было несколько раз, в этих случаях я давала лекарство и снотворное, и ему как-то удавалось проспать кризис. Когда он уснул, я решила съездить на велосипеде в лес (рядом с домом у нас Бицевский парк) - это меня всегда успокаивало. Дома осталась наша дочь Аня. Я доехала до поляны в центре парка и тут снова начался дождь. Он был очень мелкий, грибной, можно было бы ехать дальше, но мне показалось, что дождь опять гонит меня домой. И я не ошиблась. Оказывается, после моего ухода Владик неожиданно (чего никогда раньше не было так скоро) проснулся, захотел встать, умыться и поесть. Аня помогла ему встать и повела в ванную. Он шел с трудом, по дороге в коридоре Аня стелила ему на пол подушки, и он отдыхал, лежа прямо на полу. Потом она посадила его на стул в ванной, он сам умылся. Когда я вошла на кухню, он сидел на диване, обложенный подушками, и пил из чашки бульон. Он увидел меня, рука у него дрогнула, бульон пролился, и он с какой-то виноватой полуулыбкой сказал: "Извини". Это были его последние слова. Я докормила его с ложки, хотя чувствовала, что он не хочет есть. Тогда я думала, что он делает это для меня, но позже поняла, что он совершал некий ритуал, который он сам считал необходимым для себя в преддверии смерти. Затем, уже не в силах говорить, он поднял руку к лицу и пошевелил пальцами около губ. Сначала я подумала, что он пытается что-то сказать, но тут же догадалась, что он просит курить. Я держала перед ним сигарету, которую он жадно выкурил до основания, а потом наклонил голову набок и будто уснул. Позднее я поняла, что он с самого начала хотел не есть, а именно курить, но считал своим долгом, т.е. долгом перед самим собой (что очень похоже на него) заработать свое "обычное право" на послеобеденную сигарету. И вообще все, что он сделал перед смертью, он сделал из чувства ответственности пе-

ред собой, перед своей жизнью и перед своей смертью: последним усилием воли (думаю, что очень большим) встал, умылся, поел, дождался меня (иначе я не простила бы себе, что ушла тогда), покурил и умер.

Недавно в черновиках Владика, посвященных теме "Настроение" (в контексте различения понятий "обязанность" и "ответственность"), я нашла такие слова: "Ответственность есть контролирование своей смерти, распоряжение своей кровью, проживание *своей* жизни"⁵⁴. Когда я вспоминаю день его смерти, то помню эту сигарету, с которой он прошел свой последний путь, вижу темную пустую церковь и такую же необычно пустую большую поляну в послегрозовом парке и чувствую, что все эти картины внутренне как-то связаны. Необычность этого дня примирила меня с его смертью.

Меня всегда удивляло то, как спокойно Владик относился к смерти еще тогда, когда был полон жизни. "Любимцы богов умирают молодыми", - не раз повторял он за древними греками⁵⁵. А о себе написал так:

*Я обожаю жизнь мою странную,
С ней не дано закоснеть...
В самом конце
Как зарплату нежданную
Я получу свою смерть...*

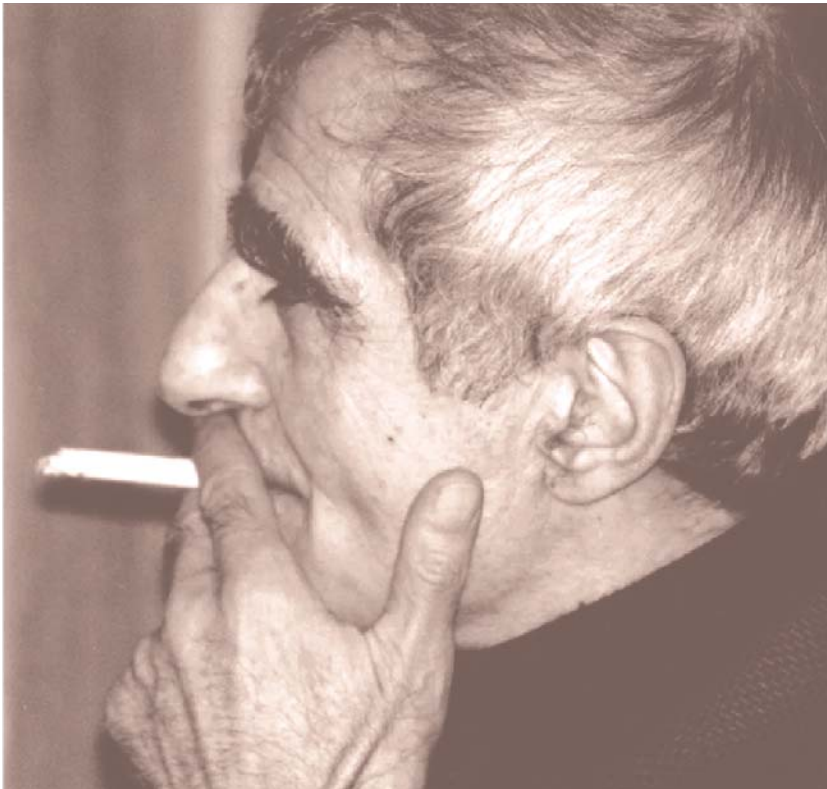
Любимой книгой Владика, которую он считал вершиной мировой литературы, был "Дон Кихот" Сервантеса (кстати, эту книгу очень любил и его отец). Я не понимала, что так "зацепило" его в истории безумного идальго, пока ни увидела в Мадриде,

⁵⁴ Текст приводится в конце книги.

⁵⁵ Я хочу привести здесь его четверостишие, которое сам автор в своем последнем сборнике стихов («Творемы». - М.: «Норма», 2001. - С. 132) не решился из уважения к долгожителям опубликовать в том виде, в каком оно было написано:

*Долго живущие с разных боков
К жизни, как мухи липнут
И только любимцы бессмертных богов
В звездный свой час гибнут...*

на площади Испании памятник Сервантесу. Меня поразило здесь изображение Дон Кихота. В его фигуре, а главное, в лице - такая трагическая смесь надежды и обреченности, такой трогательный порыв сделать что-то для этого мира при ясном (без всяких признаков безумия) понимании того, что мир будет отторгать и осмеивать сделанное. Думаю, что каждый, кто хочет сказать людям что-то важное, не рассчитывая на признание и одобрение, но все-таки надеясь на понимание, чувствует какое-то внутреннее родство с Дон Кихотом Ламанчским.

ВСПОМИНАЮТ ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ

В.Г. Графский
составитель

Эти материалы воспоминаний были подготовлены сотрудниками сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН и опубликованы в виде альбома, приуроченного к третьим философско-правовым чтениям памяти академика В.С. Нерсесянца в ИГП РАН 2 октября 2008 г.

*... И на голой глади моря
Скорпион и Водолей
Своим дальним светом спорят
С близким светом кораблей.*

Елена Андреевна ЛУКАШЕВА

*член-корреспондент РАН, зав. сектором
прав человека Института государства и права РАН*

В нашей жизни крайне редко встречаются люди, необычные по мышлению, установкам, отношению к миру и происходящим событиям. Владик Сумбатович был необычен, он выбивался из привычных стереотипов и вызывал удивление своими оценками, пристрастиями, увлечениями.

Поначалу он казался мне человеком, всецело поглощенным наукой, мало интересующимся всем, что за ее пределами. Но чем больше я узнавала его, тем многограннее выступала *Личность* во всем богатстве и многоцветии своего духовного мира, который с поразительной искренностью раскрывается в его поэзии, стихах, а именно поэзии, душевная боль и радость, разочарования и надежды, беспросветность жизни и вера, все-таки вера. Это поэзия мужества и одиночества.

Владик неизменно находился в центре любого сообщества: научного, дружеского, просто собрания случайных собеседников. Лидерство - неотъемлемая часть его личности.

И вместе с тем, я помню ситуации, тяжелые для меня, когда все эти качества проявлялись в участии, столь неподдельном и искреннем, что трудно вспоминать это без волнения и бесконечной благодарности.

Спасибо, Владик, за то, что ты был мудрым, великодушным, добрым. За то, что ты просто Был!

Сергей Владимирович КОДАН

*заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Уральской академии госслужбы*

Из многих встреч с Владиком Сумбатовичем вспоминаю два эпизода. Оба связаны с "защитными делами".

Первый. Конец 1986 г. В секторе, в Институте государства и права идет обсуждение моей кандидатской диссертации. Мне-

ния различны - много справедливой и "иной" критики. Ряд четких, поразительно емких и критических оценок дает Владик Сумбатович. И вроде бы тема далека от его интересов, но все поразительно правильно. Думаю: "Плакала моя ближайшая защита...". И вот итог Владика Сумбатовича: "Замечания мои и коллег нужно быстро устранить. У диссертанта есть научная интуиция, а получилось вполне неплохо...". А после заседания: "Не затягивай. Многое сказанное - на будущее. Представляй работу в совет...". Поразительная лаконичность и... поддержка. Это много стоило... Было общение и до, и после этого эпизода, но это исключительное качество поддержать и направить, прибавить уверенности и предупредить самоуверенность в жизни и в науке было крайне важным на годы вперед.

Второй. Конец ноября 2004 г. Защищаю диссертацию. Владик Сумбатович болен и на заседании не присутствует. Защита идет принципиально и благожелательно. Но мне явно не хватает Владика Сумбатовича. Он был прекрасно знаком с подходами к теме, поддерживал их, и при защите его одобряющий кивок много бы стоил. Защита завершилась. Исход благополучен. Прошло не более 15 минут. Звоню Владиду Сумбатовичу. Намереваюсь поведать об итогах рассмотрения работы в совете. Отвечает Владик Сумбатович. Здравуюсь, говорю, что защита состоялась. В ответ: "Я уже знаю. Все хорошо... Поздравляю милый...". И этого более чем достаточно... И этого обращения, которое часто слушал в довольно редкие посещения института, явно не хватает...

И в этом весь Владик Сумбатович - принципиальный Ученый и отзывчивый Человек.

У Владика Сумбатовича в стихах есть строки:

*Но лишь в больные времена
Величья зреют семена.*

И именно этого Научного и Человеческого величия сейчас, в эти больные времена, явно не хватает.

И хочется сказать о Владике Сумбатовиче:

*Ушел. Был чуть суров, чуть-чуть ершист,
но светел мысли четкий смысл...
Теперь ... из книжек только скажет,
и пищу даст нам для ума, либертарного слегка...*

Ася Николаевна ОСТРОУХ
доцент юридического факультета
Кубанского университета

Моё первое знакомство с В.С. Нерсисянцем было заочным. В библиотеке своего университета я прочитала автореферат его докторской диссертации "Политико-правовая теория Гегеля и ее интерпретации". Это было в начале 1990-х гг. Надо сказать, что тогда авторефераты и диссертации, написанные в советский период, во многом представляли уже чисто исторический интерес, была очевидной необходимостью для авторов учитывать требования, предъявляемые политическим режимом к научным исследованиям. Меня удивило то, что, в отличие от таких работ, автореферат Владика Сумбатovichа не потерял своей актуальности, там не было ни одного слова, которое выдавало бы политическую ангажированность автора, учёт особенностей эпохи.

Двумя годами позже я прослушала курсы лекций по философии права и по теории права и государства, прочитанных Владиком Сумбатovichем для студентов филиала Академического правового университета в г. Анапе. Это был замечательный лектор. На занятиях он блистал как общей, так и профессиональной эрудицией, свободно владел датами, пересказывал учения мыслителей, имена которых и в учебнике-то не всегда можно было найти. Владик Сумбатovich был в состоянии читать лекции три-четыре пары подряд, никуда не подглядывая, не имея никаких конспектов, никакого текста лекций. Даже когда он вёл занятия по философии права или теории права и государства, он всё равно возвращался к своей любимой науке - истории политических и правовых учений. Во многом именно талант Владика Сумбатovichа как учёного и как педагога, его умение пробудить интерес к теоретическим и историческим правовым дисциплинам повлияли на мой выбор научной специальности.

Известно, что одним из самых любимых мыслителей В.С. Нерсисянца был Сократ. В этой связи вспоминается высказывание дореволюционного философа права П.И. Новгородцева: "Сократ учил непоколебимо верить в добро и истину, а в его эпоху - эпоху скептицизма и критики всего труднее было ве-

рять". Подобно Сократу, Владик Сумбатovich тоже учил непоколебимо верить в высокое социальное предназначение права, его необходимость для выживания и прогресса социума.

Наталья Владимировна ВАРЛАМОВА
старший научный сотрудник
Института государства и права РАН

Мое знакомство с Владиком Сумбатovichем произошло еще до "знакомства" с ИГП. В конце 80 - начале 90 годов прошлого века я работала в журнале "Человек и закон". На волне перестройки и гласности в нашем журнале, как и в других средствах массовой информации, было принято проводить "круглые столы" с участием выдающихся ученых, где обсуждались актуальные политические вопросы. Среди приглашенных бывал и Владик Сумбатovich. Уже тогда он активно отстаивал свое понимание права и правового закона, удивляя всех не только оригинальностью концепции, но и быстротой реакции и искрометностью юмора. Часть этих материалов готовила к печати я. Таким образом оказалось, что прежде всего я познакомилась с той частью литературного наследия Владика Сумбатovichа, о которой сегодня, наверное, мало кто помнит.

Как-то застав нас с Л. Лаптевой и Т. Васильевой за подготовкой документов для присвоения звания доцента, Владик Сумбатovich не без лукавства заметил: "А знаете ли вы, что движение младогегельянцев началось с объединения трех приват-доцентов?". "Ну, Владик Сумбатovich, - парировала я, - в таком случае наши перспективы блестящи!".

Не знаю, насколько блестящими будут мои научные перспективы, но общение с академиком Нерсисянцем оказало на них определяющее влияние.

Леонид Соломонович МАМУТ
главный научный сотрудник
Института государства и права РАН

Те, кто на данных страницах делились своими воспоминаниями о В.С. Нерсисянце, много и верно сказали о разных гранях таланта этого незаурядного, выдающегося человека. Судьба подарила мне завидную возможность более тридцати лет близко знать его и работать с ним бок о бок. Сейчас, в рамках такой краткой заметки, хочу выразить свое мнение о том, каким я воспринял и поныне воспринимаю моего достойного коллегу и друга как ученого. Он действительно был не просто научным сотрудником, а большим ученым. Его характеризовал, прежде всего, неукротимый дух познания, дух творческого поиска. Он старался не повторять то, что говорили и писали наши выдающиеся предшественники, ему было чуждо эпигонство. В.С. Нерсисянец прокладывал новые пути в юриспруденции и государственоведении, опираясь на глубокие познания в истории мировой философской, политической и правовой мысли. Можно и нужно обсуждать проблемы, поставленные и решаемые в трудах Владика Сумбатовича. Но неоспорима их оригинальность, значителен содержащийся в них научный потенциал. В.С. Нерсисянец высоко поднял и твердо держал планку по-настоящему академической политико-правовой науки. Дело нашей чести достойно продолжать эту традицию. Еще я хочу добавить, что мой коллега был человеком глубоких гуманистически-демократических убеждений, которые во многом помогли ему внести значительный вклад в науку о государстве и праве. Не случайно вопрос о разделяемой человеком и обществом системе политических и правовых ценностей всегда чрезвычайно интересовал В.С. Нерсисянца. Наш долг сохранять, поддерживать и развивать такой интерес.

Валерий Васильевич ЛАЗАРЕВ
профессор Московской
государственной юридической академии

Приближаются очередные чтения по философии права, посвященные академику В.С. Нерсисянцу. И вновь соберутся те, кто хорошо знал Владика Сумбатовича, те, кто и сегодня живут его идеями, стараются донести их суть до инакомыслящих, обнажить новые грани в его либертарной теории. А, может быть, и отыскать в нашем обществе (настоящем или будущем) нечто от цивилизма. Сегодня все можно, сегодня мы раскованы, сегодня никто не опасается за идеологию и в союзники можно смело брать и материалиста, и идеалиста, утопического социалиста или откровенного приверженца дикого капитализма, ортодоксального приверженца одного течения правовой мысли или всех и вся, соединяя их взгляды в угоду сокрытым целям. А я припоминаю, как все обстояло в не столь уж и отдаленные времена. Владик Сумбатович руководил отделом в журнале "Советское государство и право", а молодой Лазарев решил покорять это недоступное тогда издание. В 1966 г. пришел с рецензией на книгу фэргешного автора Клауса Вильгельма Канариса. Мало того, что это Канарис, еще и Вильгельм. И хотя работа его была посвящена сугубо правовым, в большей степени даже техническим вопросам выявления пробелов в праве, передо мной была поставлена задача доказать отсутствие родственных связей. Думаю, была общая установка - буржуазных авторов подавать в критическом аспекте. Рецензию отклонили (она вышла в "Вестнике МГУ", 1967, №3), но Владик Сумбатович проникся симпатией и к ее автору, и к теме и предложил подготовить статью, которая и была потом опубликована в четвертом номере журнала за 1967г. Эпизод говорит о многом. Кстати, по отношению ко мне симпатии сохранились на все последующие отношения: по его просьбе много раз выступал рецензентом, всякий раз приглашался на соответствующие мероприятия, банкетировал в качестве официального оппонента на защите Валентины Лапаевой....

В том возрасте, которого многие из нас достигли, тянет на

воспоминания, на размышления, и правильно заметил Владик Нерсисянц:

*Мы все - мгновенья вечности,
Мы все - ее гонцы,
Мы ищем человечности
Начала и концы.*

Хочется надеяться, чтобы на философских форумах мы хотя бы не забывали о человечности.

Людмила Евгеньевна ЛАПТЕВА
*ведущий научный сотрудник
Института государства и права РАН*

В 1991 г. по приглашению Норбера Рулана мы с В.С. посетили университет в Экс-ан-Провансе в качестве приглашенных профессоров. Там мне посчастливилось увидеть его в разных ситуациях, включая общение с семьей профессора Рулана. Двое маленьких сыновей - пятилетний Франсуа и трехлетний Гийом - сразу подружились с В.С. несмотря на то, что общего языка у них не было (дети пока говорили только по-французски). Тем не менее, им удавалось как-то выстраивать самые настоящие разговоры и даже шутить.

Лекции Нерсисянца, посвященные либертарному правопониманию и незадолго до того предложенной В.С. концепции цивилизма, вызвали большой интерес не только у студентов, но и среди местной профессуры. Порой во время и даже после лекций разворачивались ожесточенные дискуссии, причем речь не всегда шла непосредственно о правопонимании, либертаризме и цивилизме. Вернее, вопросы эти тесно увязывались аудиторией с оценками текущей ситуации, тогда еще в СССР. Ответы были не менее жесткими, чем вопросы. Как-то раз, возвращаясь домой после очередной удачно завершенной "битвы", В.С. вспоминал разговор Санчо Пансы с герцогом, где тот

рассуждал о необходимости держать под рукой палку, чтобы никому не пришло в голову тебя побить. В данном случае в качестве "палки" служили глубокое знание предмета и обширная эрудиция профессора. "Побить" его не удалось.

Евгения Анатольевна ЮРТАЕВА
*ведущий научный сотрудник Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ*

Каким вспоминается Владик Сумбатович Нерсисянц нам, тогда - аспирантам, совсем молодым и только вступающим в научную жизнь исследователям? Стремительным. Почти всегда чуть-чуть спешащий, он неизменное приветствие - "Добрый день!" произносил не на ходу, не скороговоркой, а выразительно и адресовал его исключительно вам. Припоминаю даже какую-то неловкость. Завидя в Институте скоро идущую фигуру Владика Сумбатовича, приходило в голову: как не хотелось бы отвлекать от мыслей, становиться невольной причиной переключения внимания на частности.

Владик Сумбатович ценил настоящее даже в малом. Сохранял пристрастие к естественному и несинтетическому всегда. Когда в самом начале неожиданно нагрянувшей поры бакалейного разнообразия коллеги-дамы пытались приманить отведать новоприобретенный сдобренный диковинными цветами Поднебесной чай, давал понять: нет, примесей быть не должно.

Дженевра Игоревна ЛУКОВСКАЯ

*зав. кафедрой теории и истории
государства и права юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Когда мне предложили поделиться воспоминаниями о моем друге Владике Сумбатовиче Нерсесянце, первое, что я сделала, - решила перечитать стихи Владика. Хотела перечитать "новыми глазами", но вскоре обнаружила, что вновь и вновь останавливаюсь на строках, отмеченных мной еще в сборнике начала 90-х, который автор подарил мне и мужу "с поэтическим приветом".

Вот эти строки:

*- "Я сам себе альтернатива,
Я сам с собой - на вы, на ты..."*

*- "Свободы вечный современник
И несвободных - соплеменник"*

*- "Но лишь в большие времена
Величия зреют семена"*

В 90-м я выделила особо:

*- "Творю свои я предложенья,
Где смысл предшествует значенью,
Как солнце - светоощущенью"*

Открыв сборник "Творемы" 2001-го года, вдруг обнаружила на "врезке" к текстам, что и сам автор считал свои стихи творемами, "где смысл предшествует значенью...". Еще раз убедилась в том, что Гегель не был для академика В.С. Нерсесянца только "темой" докторской диссертации. Впрочем, темой - тоже: "Мы диалектику учили и по Гегелю, И, либертарно отрицая коммунизм...".

Владик Сумбатович всегда с готовностью и живым интересом обсуждал с учениками и коллегами вечные проблемы юриспруденции. Он был прекрасным спорщиком ("диалекти-

ком"), остроумно и с блеском отстаивал свои идеи и воззрения. Не раз я была тому свидетельницей. Хотя и не участницей. Как-то так получалось, что правоведческие дискуссии оставались "за кадром" нашего дружеского общения - семейно-домашнего во всяком случае. Но как насыщены были эти не слишком частые, хотя и длиной в десятилетия, домашние встречи - в Москве и реже в Питере - незабываемыми впечатлениями, эмоциональными событийными рассказами.

Смею думать, что беседы с Владиком все же всегда предполагали участие в них идеи права. А не спорили просто потому, что не было расхождений в главном - в понимании права в его отличии от бесправия. И еще - по взаимной благорасположенности, за что я искренне благодарна судьбе, обстоятельствам, общей профессии.

Анисим Иванович ЭКИМОВ

*заведующий кафедрой теории и истории
Московской финансово-промышленной академии*

Впервые я встретился с Владиком Сумбатовичем Нерсесянцем в июньские дни 1985 г. в Ленинграде, куда он приехал в качестве официального оппонента на защиту моей докторской диссертации. Перед защитой он порекомендовал мне: "Не спеши соглашаться во всем с оппонентами, помни о случае, который произошел в Зальцбурге на международном конгрессе по естественному праву. Участники конгресса подвергли столь сокрушительной критике "чистую теорию права", что ее автор - Г. Кельзен, поднявшись на трибуну, публично отказался от отстаиваемых им взглядов. Получив аплодисменты довольных критиков, Г. Кельзен вернулся в США, где ученики убедили ученого в том, что он напрасно признал ошибочность своего учения. После этого Г. Кельзен опубликовал работу, в которой вновь вернулся к прежней своей концепции".

Владик Сумбатович был исключительно последовательным в отстаивании своих взглядов. На одном из банкетов после очередной оживленной дискуссии его colega, известный отечествен-

ный правовед, обращаясь к нему, сказал: "Все наши правовые теории, как бы они не были разнообразны, в общем-то, стоят друг друга. В конце концов, важны не столько теории, сколько личности, которые их отстаивают". Владик Сумбатович на эту полушутливую фразу ответил очень даже серьезно: "Как раз не личности важны, а взгляды, концепции. Без поиска научной истины правоведение обречено на жалкое существование. Но и без яркой личности, отстаивающей новые взгляды, самая правильная теория может затеряться среди словесного мусора".

Отстаивание подлинно демократических взглядов, основанных на всесторонней реализации принципа справедливости, было неизменной особенностью всех его публичных выступлений и научных работ. Он остро откликался на всякого рода новации в науке и законодательстве постсоветского периода. Главное, говорил он, чтобы вход в демократическое правовое поле не оказался чрезмерно узким - только через Спасские ворота Кремля. Необходимы свободные дискуссии, истина не должна прятаться в идеологию, как куколка в шелковичный кокон.

Заветы ученого - надежный ориентир для юридической науки.

Надежда Николаевна ЕФРЕМОВА
*ведущий научный сотрудник
Института государства и права РАН*

В 2008 году исполнилось бы 30 лет моего знакомства с Владиком Сумбатовичем Нерсесянцем. С первых дней обучения в аспирантуре я всегда чувствовала его поддержку и участие в моем становлении как ученого. Достаточно сказать, что на завершающем этапе моего кандидатского труда он стал моим научным руководителем, за это я ему благодарна бесконечно и горда своей принадлежностью к его школе.

Владик Сумбатович - кладезь народной мудрости: каждый раз, когда он узнавал о моих кризисных ситуациях, сомнениях, трудностях в выборе, он приводил поговорку, пословицу или афоризм, которые я воспринимала как руководство к действию, и это мне помогало. В аналогичных ситуациях и сейчас я помню:

"и камень мхом обрастает"; "не преувеличивай роль "X" в истории"; "нельзя объять необъятное"; "это наш крест"...

Талантливый человек талантлив во всем. Жизненные советы, кулинарные рецепты, рассказы знатока коньяка и вин, пушкинская поэзия, биографические подробности античных философов и мн. др. - все вмещалось в энциклопедический багаж Владика Сумбатовича. Даже коллективный поход на овощную базу для разборки, мягко говоря, некондиционной капусты он мог превратить в познавательную увлекательную научную дискуссию, находя подходящие иллюстрации из истории жизни и творчества мыслителей-философов и юристов.

И еще один эпизод. Во время научной командировки в Лондонский университет, члены делегации Л.С. Мамут, В.С. Нерсесянц и автор воспоминаний сидели вечером на берегу Темзы. Коллеги мужчины, между которыми сидела я, эмоционально жестикуюли, спорили о судьбах российской демократии, а было это в 1990г. Проходящие мимо итальянские туристы, по-видимому неправильно оценили происходящее, поскольку предположить, что два господина и одна дама вряд ли в таком месте могут вести научную дискуссию трудно, а потому с веселой иронией стали приветствовать и поощрять нас словами: "Bella signora"... "Bravo"... Владик Сумбатович ответил им по-итальянски.

Мария Ильинична ЛЕВИНА
*старший научный сотрудник
Института государства и права РАН*

Воспоминания о человеке - вещь хитрая. Очень трудно не сбиться на такой юбилейный тон "я и юбиляр". Вспоминая Владика Сумбатовича, ощущаешь ту теплую и душевную атмосферу, которая была в секторе, милые пустяки и шутки, живые длительные научные споры, чаепития, шахматы, с невероятным стуком по часам, дым коромыслом, в котором едва различались человеческие фигуры. Изложить все это на бумаге трудно.

Я проработала с Владиком Сумбатовичем почти 7 лет в качестве секретаря-референта. Я с удовольствием вспоминаю эти го-

ды. Работать с ним было счастьем, хотя он был очень требовательным человеком. Требовательность сочеталась с такой добротой, душевностью, теплотой, что на работу я ходила как на праздник. Его обычное обращение "милая" или "милый" никогда не звучало фамильярно, а отличалось особой сердечностью. Один из сотрудников Института, узнав о моем переходе в сектор, сказал, что был бы счастлив мыть полы в секторе Нерсисянца.

Когда не было никаких заседаний, то часто большую часть дня или весь день в секторе никого не было, кроме нас. К приходу Владика Сумбатовича обычно уже был готов чай. Чаше всего он приходил в хорошем настроении, но даже когда был не в духе, то после чая обретал хорошее расположение духа. Владик Сумбатович был настолько деликатен и щепетилен, что никогда не позволял мне налить ему чай или помыть его кружку. Зато, если у меня было много работы и я не выходила из-за машинки, он сам мог налить мне чай. Чай для него был напитком священным и почитаемым. Сам пил чай постоянно. Всем проходящим (зашел ли человек по делу или заглянул "на огонек") сразу же предлагал выпить чай. Если же человек отказывался, то Владик Сумбатович смотрел на него с каким-то подозрением.

Мне приходилось перепечатывать много работ Владика Сумбатовича. Я никогда об этом не жалела: это было безумно интересно. А Владик Сумбатович всегда спрашивал, что я думаю о написанном, пояснял, комментировал. Когда книга издавалась, всегда дарил с доброй надписью. Это дало мне больше, чем все годы в университете.

Когда Владик Сумбатович разрабатывал свою теорию цивилизма, он, можно сказать, обкатывал свою теорию на мне. Много рассказывал, объяснял, приводил аргументы, задавал вопросы (не мне, себе), отвечал на мои вопросы. При этом говорил: "Никому не рассказывай, придет время - сам расскажу".

Владик Сумбатович был человеком очень порядочным, тактичным, сердечным и ...вспыльчивым. Вспылив, быстро отходил, если был неправ, всегда извинялся. Он был человеком необыкновенного обаяния. Мне кажется, мог обаять любого. Он создал в секторе ту удивительную атмосферу тепла, дружелюбия, живого научного спора и мысли, которая теперь вспоминается и которую мы стараемся сохранить.

Наталья Михайловна ЗОЛУХИНА *профессор Российской академии правосудия*

Владик Сумбатович имел необыкновенно креативный ум и огромную гуманитарную и юридическую образованность. Каждая беседа с ним была для меня источником нового знания и поводом для размышлений. Но кроме того, что он был действительно большой ученый, он был и прекрасным добрым, искренним и участливым человеком, всегда готовым протянуть руку помощи каждому, кто по каким-либо причинам терпит бедствие. Такие бедствия в прежние времена часто обрушивались на голову тех, кто не мог мыслить в фарватере господствующих доктринальных положений. В частности, мне он не только сочувствовал, но и всегда помогал и словом поддержки, и активными действиями. Он умел проявлять теплоту и заботу о людях, качество редкое и, я бы сказала, трогательное.

Академик С.Б. Веселовский, перефразируя отзывы современников о митрополите Макарии (XVI в.), написал: "Безупречный в личной жизни, всегда и ко всем доброжелательный, образованнейший книжник своего времени, много сделавший для успехов церковной и летописной литературы, Макарий принадлежал к тем немногим натурам, которые одним своим присутствием облагораживали и поднимали окружающих его людей...". Эти слова в полной мере могут быть отнесены и к Владиду Сумбатовичу и, хотя прошло более шести веков, лучше не скажешь. Действительно, В.С. много сделал для развития юридической науки (и не только, он писал прекрасные стихи, свидетельствующие о тонкости его натуры), внес существенный вклад в подготовку молодых ученых, несомненно повысил уровень написания учебной литературы. Действительно, в его присутствии хотелось быть и лучше, и умней. Таков, как отметил еще летописец XVI в., был удел избранных натур, к которым несомненно относился и В.С.

Владимир Георгиевич ГРАФСКИЙ

*заведующий сектором истории государства,
права и политических учений
Института государства и права РАН*

Владик Сумбатович был человеком постоянной и высокой интеллектуальной мобилизованности. Всегда был готов к творческому обсуждению самой неожиданной или, напротив, поднабившей оскомину, привычной проблемы (и никогда не выглядел в таком предприятии утомленным). Всегда стремился к обнаружению самой фундаментальной характеристики любого шумно обсуждаемого предмета. Всякое другое мнение выслушивал с уважением, не перебивая, но на твоих глазах подвергал неторопливому и тщательному взвешиванию возможные "за" и "против" и только после этого формулировал итоговое суждение. И, конечно же, был всегда открыт острому слову или шуточному экспромту. Помню, обсуждали как-то трудно разрешимую проблему, и я, будучи тогда парторгом сектора историков, по привычке к коллективным действиям и не без внутреннего воодушевления озвучил такой призыв: "Надо, чтобы каждый бросил свою ветку в костер истины". На что последовало: "Сидим мы тут, сидим. Сыро, холодно и голодно. И надо бы бросить по ветке в тлеющие угли, чтоб совсем не оконечить".

Запомнился и такой случай. Идет методологический семинар всего института, разговор о понятии права. Один авторитетный истолкователь вопроса театрально недоумеает: "И как же это получается, что право и закон не одно и то же". Владик Сумбатович, не теряя ни секунды, отвечает: "А вот так!". И далее воспроизводился с необходимыми поправками очередной виток уже озвученных выводов и доводов.

О происхождении третьей ипостаси в своем определении права - справедливости (наряду с равенством и свободой) рассказывал, что осенило его на эту часть триады в ходе невольного выслушивания продолжительного невнятного повторения одного и того же довода участницей судебного разбирательства (а было это в период его работы адвокатом в г. Иваново). В ответ на вопрос "Как же это все произошло?" она повторяла к месту

и не к месту: "Соответсно... соответсно... соответсно ...". Вероятно, имела в виду, что все участники спора поступали в согласии со своим интересом и ожидаемым благом, то есть в меру своего понимания меры справедливости, подлежащей учету и исполнению в данном конкретном конфликте.

В день успешной защиты докторской диссертации по теме гегелевской философии права я сочинил и прочитал в присутствии сотрудников сектора истории дружескую эпиграмму с такими словами: "Пора призвать к ответу Нерсесянца - полколлектива ходит в гегельянцах!". На что получил молниеносный отклик: "Да это же форменный донос!". Происходило это в 1973 году.

Сергей Федорович УДАРЦЕВ

*г.ю.н., профессор, ректор Казахского
гуманитарно-юридического университета
Казахстан, г. Астана*

С Владиком Сумбатовичем я впервые встретился в конце 1970-х гг. Этот человек оказал значительное влияние на судьбы отдельных людей и эпоху в целом. Приведу лишь один эпизод.

Этапное обсуждение. 23 марта 1984 г. в Казахстане, в Алматы, на юридическом факультете КазГУ им. С.М. Кирова (ныне - Казахский национальный университет им. аль-Фараби) прошло обсуждение статьи В.С. Нерсесянца "Право: многообразие определений и единство понятия" и его книги "Право и закон". Мнения разделились, фактически, определились группы поддержки будущих идей перестройки и правовых реформ (умеренных и активных), а также их противников. Это обсуждение было подробно описано в моей вступительной статье в книге "Салык Зиманович Зиманов", изданной спустя почти двадцать лет⁵⁶. В этой

⁵⁶ См.: Ударцев С.Ф. Академик С.З. Зиманов (из истории правовой мысли и юридической науки Казахстана) // В кн.: Салык Зиманович Зиманов (библиографический справочник) / Автор-сост. Г.М. Алимжанова. Вступ. ст. - С.Ф. Ударцев (Сер. «Классики юридической науки Казахстана»). - Алматы: "Дарын", 2003. - С. 9-153 (на русском, казахском и английском языках).

статье, в частности, говорилось об идеях В.С. Нерсисянца: "Концепция различения права и закона, впоследствии вошедшая в различные учебники по истории политических и правовых учений и теории государства и права, сыграла позитивную роль на последнем этапе советской и первом этапе постсоветской теории права и государства. Концепция не только расширила, но и углубила правопонимание, восстановила естественную связь современной правовой теории с исторической правовой мыслью, содействовала восприятию естественно-правовых идей, идей о естественных правах и свободах человека как фундаментальных правовых ценностях. Эта, в целом, достаточно политически сдержанная философско-правовая концепция составила основу критики и переосмысления тоталитарной политико-правовой системы и ее идеологии. Она послужила формированию новых политических и правовых концепций на постсоветском пространстве, явилась одним из элементов обоснования современной теории правового государства и во многом предопределила некоторые методологические основания современных фундаментальных конституционных идей, составивших основу конституций постсоветских стран. Через конституционные идеи о правовом государстве, о естественных правах и свободах человека и гражданина и т.д. она оказала влияние на формирование новой правовой системы независимых государств"⁵⁷. Данную книгу я послал В.С. Нерсисянцу, и он в письме поблагодарил за нее. Тогда уже шло осмысление современной истории юридической науки, в которой В.С. Нерсисянц был одним из главных лидеров и двигателей.

⁵⁷ Там же. - С. 36-37. И соответствующие страницы в переводе на казахский и английский языки. Об истории юридической науки в Казахстане и ее связях с российской юридической наукой см. также: Тлепина Ш.В. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е - 1991 гг.). Отв. ред. и авт. вступит. ст. С.Ф. Ударцев. - Алматы, 2005. - 540 с.; Государственно-правовая наука в Казахстане. Библиографический указатель. 1930-е гг. - 1991 г. / Авт.-сост. Ш.В.Тлепина, отдельные подразделы - Ш.В.Тлепина и С.Ф. Ударцев. - Алматы: КазГЮУ, 2005. - 416 с.

С малых лет я собирал редкие вещи, предметы реликвии, а также "коллекционировал" (очно и заочно) умных и интересных людей. Мне посчастливилось общаться со многими мудрыми людьми, имеющими большой жизненный опыт и высокое общественное положение. Со временем я даже перестал удивляться впечатлениями полученным от такого общения, пока не познакомился с Владиком (по его просьбе так его звали близкие люди).

Он был родственником моего друга, и мы периодически встречались в разных ситуациях. Владик был широкий эрудит, его умение разьяснять и комментировать самые разные вопросы каждый раз поражало меня. А еще он был очень добрым (как добрый герой из доброй сказки) и жизнерадостным, как ребенок. Владик имел тонкое чувство юмора, знал много анекдотов, любил цитировать Ларошфуко, Бернарда Шоу, Зоценко, Козьму Пруткову и др. В разных кругах, обстановках (сборы, встречи друзей и др.) он выделялся своим юмором и огромной эрудицией, но никогда не давил этим на окружающих. Особо следует отметить его скромность, не показную искренность, великодушие и простоту. Как-то в автомашине, на которой вместе мы куда-то ехали, внезапно обнаружилась неисправность и без применения физической силы невозможно было двинуть её. Пока мы "раскачались" и рассуждали, академик уже толкал машину.

Умер Владик. Это словосочетание, произнесенное в июле 2005 г. его супругой Валентиной, для меня звучит как эхо непрерывно повторяющегося тревожного звона церковного колокола, набата. Преждевременная смерть академика Нерсисянца была большой потерей для Армении, России, для мировой науки. А для всех знавших его людей это еще и большая личная потеря.

В.Г. Графский

СТИХИ ЕГО - СВИДЕТЕЛИ ЖИВЫЕ...

*Любое не поэтическое раскрытие
реальности не может быть полным.*

Дж. Д. Барроу

*Не пиши, скажи все устно,
Писанина - это яд...
Не писали Заратустра,
Моя мама и Сократ*

В.С. Нерсесянц

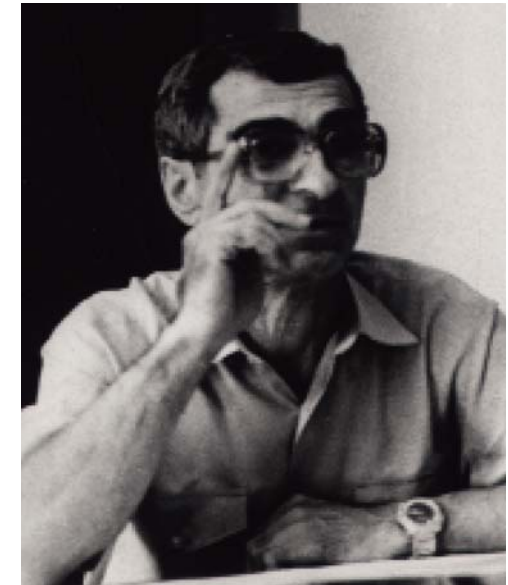
*Сократ есть акушер.
Ему ты возражаешь -
Но Истину рожаешь
Из бреда и химер,
И музыкою сфер
Себя же поражаешь!*

В.А. Леванский

(Апология Сократа, посв. В.С. Нерсесянцу)

Поэтическое творчество Владика Сумбатовича выглядит органическим продолжением его философских размышлений о жизни и судьбе и наиболее полно воплощает его незаурядный дар "смотреть и видеть". Особенно заметным становится в его стихах ощущение иных, на первый взгляд, запредельных возможностей живого и не стесненного профессиональными рамками слова. Об этом с присущим автору задором сообщается в часто цитируемом четверостишии "Не пиши, скажи все устно...". Свободно выбираемое образное сравнение или сближение отда-

ленных смыслов расширяют привычное представление о свободе и приобщают читателя к ее новым возвышенным ценностным смыслам. Так происходит в размышлениях о "стихотворенческой" свободе: "Стихи нуждаются в свободе, - Стихотворенческой погоде, - В попутном ветре для творца - Их духа, сына творца... - Во мраке жизни лишь творящий - Живой, реальный, настоящий, - Свободы вечный современник - И несвободных - соплеменник". В творческом поиске выразительных средств автор склонен отдавать предпочтение не одному, а многим приемам и средствам, и все они, как свидетельствует память, обычно воспроизводились с неизменным декламационным упоением. Вот живописуется "Бег реки замедленный - И туман над ней, - Листья медно-красные - Предоктябрьских дней", вот идет звукопись прощального приветствия - "Привет тебе, пришедшая, - Привет, меня нашедшая...". Восхищение перед выдающимися современниками - будь то писатель Солженицын, хоккеист Харламов, шахматист Бобби Фишер или поэтесса Цветаева - всегда предельно искреннее, соразмерно масштабное и выразительное. "В саду поэзии Российской, - В траве высокой и росистой - Цветет Цветаева - Неувядаемо...". Внимательный читатель обратит внимание на темы и сюжеты не только русские и европейские, но и восточные: Кто не знает цели вечности, - Тот жует или мычит - Изощренное человечество - Размышляет и молчит".

**СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ
В.С. НЕРСЕСЯНЦУ**

*Н.Ю. Козлова
К шестидесятилетию юбилею
В.С.Нерсесянца*

Полет ума, изысканный, искристый,
Парадоксальный и кристально чистый,
И шахматный задор, с полночи до утра!
Союз горячей Вашей южной крови
С прохладною славянской
Вам принес
Покой и счастье в Вашем доме!
Бог его храни!
Да будет так, вовеки, навсегда!
Мы, почитая Вас,
Желаем от души - здоровья, мира, счастья!

2.10.1998 г.

*Р.А. Ромашев
Стихотворение, прочитанное на философских
чтениях памяти В.С.Нерсесянца*

Есть люди, которые не умирают. Они просто уходят.
Они улетают
Без нас в неизвестные дали, откуда
Не пишут, не звонят и грязной посуды не оставляют
В напоминанье, что с нами они.
Беспольны страданья. Лишь в памяти образ запечатлев,
Успев сделать то, что успел, не успев, не докурив,
не долюбив
И оборвав, не закончив мотив песни, что сам про себя
сочинял...
Смерть не всегда означает финал.
Жизнь продолжается в жизнях живых -
далеких и близких, знакомых, родных.
Закономерен конец бытия: каждого в срок принимает
земля.
Время заранее обречено. Но все равно, все равно,
все равно
Жизнь продолжается в жизнях живых, вечность
дарующих для дорогих...

2.10.2008 г.

В.С. Нерсисянц

СТИХИ

*Представленные здесь стихи были
отобраны самим В.С. Нерсисянцем по просьбе журнала
"Право и экономика" (2005. №8) для рубрики
"Кто есть кто в юридическом мире". Журнал вышел
в июле, буквально за несколько дней до смерти автора,
и Владик успел прочесть этот номер
(его прислали домой с курьером).*

*Я очень признательна редакции журнала за эту инициативу.
Стихи публикуются в порядке, обозначенном автором.*

Вы читали?
Таает таемое...
Жизнь - последнее
Вычитаемое

За песками в полудреме,
Что-то сонно бормоча,
Под луною зябнет море
И мерцает, как свеча...

Волны нехотя сползают,
Как с огарка талый воск,
И, сползая, отмывают
С тела моря лунный лоск.
И на голой глади моря
Скорпион и Водолей
Своим дальним светом спорят
С близким светом кораблей.

В однообразии мотива
Происходящей суеты
Я сам себе - альтернатива
Я сам с собой - на вы, на ты.

И я вхожу в себя на время,
Как время входит в циферблат,
И ощущаю снова бремя,
Которым мучился Сократ.

Так называемая жизнь
Кого из нас не чаровала...
И если разочаровала,
Прости ей все и удержишься.
В согласии на неуспех
Проверь к полету оперенье
И ориентиры новых веков.
В прохладных сумерках познания
Найди покой и примиренье...
Забудь все прежние названья.

Гераклит

Происходящим измучен,
Будущему закрыт,
"Все лучшее в мире - худшим", -
Тихо шептал Гераклит.
"В суетном беге сущего
Логос крепко спит,
Если худшему - лучшее", -
Тихо шептал Гераклит.

Весенний бред моей бессонницы
Роднит все памятью одной,
И скачет жизнь подобно коннице,
В поход отпущенной ордой

Надежда губит наши дни,
Откладывая жизнь на завтра,
И мы шальными лошадьми
Зимою чуем запах марта.

И мы уже торопим миг
И рвемся вдаль, минуя время, -
Нам неприятен жизни лик
И ненавистно ее бремя.

Но неминуемо и властно,
Не унижаясь до старанья,
Нас держит цепко и бесстрастно
В своих тисках существованье.

Алые маки -
Юность моя -
Светят во мраке,
В дали маня.

Поле под склоном
В буйных огнях,
Под небосклоном
Бег на конях.

Нету преграды
Жизни в седле,
И как награда -
Маки тех дней...

Здравствуй, жизнь моя пустая -
Книга судеб без страниц!
Я прошел тебя, сметая
Вехи пройденных границ.

В белой пене твоя грива,
Как игристая волна.
Мы с тобою пилигримы
Без пристанища и сна

И жизнь, как трудная задача,
И жизнь, как яркий фейерверк...
Порою мучил страх собачий,
Порой кричал сам: руки вверх!

На перекрестках безвременья
Свершалось древнее реченье...
И, путая свободу с волею,
Размерно лаял пистолет,
Диктуя миру слабозлому
Свой кровью писанный сонет.

Какая жуткая стихия
Таится в мирном слове "жизнь",
И шепчут буквы, не стихая,
Нам обреченное "держись"...

Не пиши, скажи все устно,
Писанина - это яд...
Не писали Заратустра,
Моя мама и Сократ

Есть времена,
Когда некому нравиться
И нечему слагать здравицы.
Но лишь в больные времена
Величья зреют семена

Мне хочется лета,
Мне хочется Вас -
Мне тихо об этом
Щебечет тот вальс...

Мы были чужие,
И в сумерках дня
Вы с кем-то кружили
Красиво и зря.

Но ночь, догорая,
К утру нас свела
И, нами играя,
Опять развела.

Нам только хотелось
Слегка пригубить
Страстей мягкотелость
И терпкость любви.

И вечно об этом
Щебечет мне вальс -
Мне хочется лета,
Мне хочется Вас...

Я поэтическим заходом
Владею, словно Бог восходом
Дневного нашего светила
Или набегам - Аттила.
Порою очень я везучий,
И для меня сорваться с кручи -
Простая детская забава,
Но я умею мыслить здраво.
За силлогизмом силлогизма
И за причиной причины
Претерпевают пароксизм
Во мне сквозь призму чертовщины.
И по оттенкам настроенья
Творю свои я предложенья,
Где смысл предшествует значенью,
Как солнце - светоизлученью.

Я снова у себя,
Устал, как Бог к субботе,
Творенье разлюбя,
Оставив мир заботе.

Себя другим в толпе увидеть
И как чужого ненавидеть,
Потом понять, в конце простить,
Войти в себя и снова жить.

В.С. Нерсесянц

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Фрагменты философских эссе

Далее приведены некоторые черновые наброски

В.С. Нерсесянца, которые, по замыслу автора, могли бы лечь в основу философских эссе. Многоточие означает, что какие-то фрагменты текста, которые не удалось прочесть, пропущены.

Предисловие к Книге

Эта книга посвящается всем безвестным теориям (...). Я ее носил в себе, как носят сердце или дыхание, - и все это могло оборваться, и это было бы естественнее, чем то, что книга появляется.

Все то, что стоит за этой книгой, настолько значительней того, что в ней есть, что пропастью этой разницы я отворачивался от письма. Так легко и естественно прожить, пропить, промучиться и передумать, ..., обессилеть, забыться, не успеть и уйти, не написав об этом и не обнаружив вовне, что только случаю я приписываю авторство книги.

Этой случайностью отмечен набор авторских имен в истории, но предрассудок их закономерности так силен, что отсутствие одного из них воспринимается как пробел. Эта книга против предрассудков. Хотя великие люди выступали против предрассудков, а неизвестные жили в предрассудках, авторами предрассудков являются именно великие. И смена времен есть смена предрассудков.

О настроении⁵⁸

Текст 1. Между физиологией и психологией в человеческом есть *сфера настроения живого*.

Чем настроение отличается от интуиции Бергсона? А чем "интуиция" отличается от понятия "Eksistenzerhellung" "структура личности" (М. Рубель?) и наоборот?

Настроение раскрывается в таком теоретическом (творческом) окружении, как различие обязанности и ответственности, гений жизни. Интуиция и экзистенциальное озарение, а тем более структура личности - это общие слова, которые в одном из углов зрения конкретизируются в более глубинном слове "настроение".

Настроение есть начало психогенеза творчества⁵⁹ (идеи, теории - в том числе).

Поскольку все творческое есть человеческое, а человек - существо живое, постольку такой вопрос, как учение о живом творящем, о компоненте живого в творчестве включает в себя: 1) учение о жизни (человеческой, par escelans) и 2) генезис творчества.

Идея как ословесование оригинального настроения.

Культура как конгломерат настроений ...

Наука есть сфера утилитарного; главный вопрос науки - пределы использования (когда, где, как, почему)... Фрейд думает (молчаливо предполагает, т.е. не знает своих предпосылок), что рациональным языком можно адекватно передать иррациональные процессы, сознанием понять, охватить бессознательное. Это - условие и условность фрейдизма.

У Канта: априорно и апостериорно. Необходимо найти то настроение, которое показало бы действительный смысл этого деления (психологический и логический смысл этого деления). Только исходя из предпосылки, что мышление внечеловеческое, нечеловеческое дело (т.е. *неживое* дело), можно говорить об априорности, т.к. мысль живого человека (мысль как ословесло-

⁵⁸ О значении и смысле, который В.С. Нерсесянц придавал теме настроения, говорит тот факт, что второй сборник своих стихов он назвал «Настроения».

⁵⁹ В одном из своих стихотворений автор писал: «И по оттенкам настроения творю свои я предложенья, где смысл предшествует значенью, как солнце - светоизлученью».

ванное настроение живого человека) не может быть априорной, т.е. вне связи с живым.

Настроение конкретно. Конкретность настроения не есть настроенность. Расхождение настроенности и поведения.

Поведение по настроению - черта и привилегия гения жизни. Оригинальность и самобытность настроения. Поведение по настроению (их совпадение) есть само-бытие, у себя бытие, *самобытность*. Отличие самобытности от оригинальности, индивидуальности (в обычном словоупотреблении).

Гений жизни - человек настроения. Люби свое настроение, береги его. Цензура за настроением.

Слово, отражающее данное, конкретное, самобытное настроение, аккумулирует аналогичное (близкое, похожее, но не тождественное!) настроение того, кто услышал - и последний (*услышавший* - В.Л.) попадает в кабалу настроя первого, кто в этих словах выразил это настроение. ZB: почитатели поэтического слова и *почтительское* рабство. Это - механизм почитания, его психология.

Но так как настроение каждого самобытно, то нахождение аналогии своему настроению в чужом слове есть эпигонство и фальсификация своего настроения, есть легкий путь не искать своего слова для своего настроения, есть путь от ... тяжести ответственности за свое настроение и действие по нему. Это эпигонство основано на страхе и боязни ответственности. На стремлении к безответственности, на обвязывании себя чужим поведением-настроением - на *обязанности*. Человек (обычный) бежит от ответственности к обязанности. Гений жизни бежит от обязанности к ответственности. Стереги свое настроение. Стереги настроение письма.

Все идет на пользу числу, массе - и это судьба цивилизации. Гений жизни безразличен к различению природы и общества, а поскольку все-таки различает - его симпатии на стороне природы⁶⁰. Гений жизни есть существо, возмущенное так называемой "цивилизацией".

Что есть настроение? (От ratio- к само-бытию).

⁶⁰ Отсюда и настроение стиха: «Жить и гаснуть тихо, как природа...», - В. Лапаева

Текст 2. К этике настроения. Люби свое настроение. Слушай свое настроение. Будь самим собой (делай свое дело) - это значит: будь в своем настроении. Следовать своему настроению - значит быть самим собой, делать свое дело - в противоположность унижающему личность призыву "усовершенствоваться", "стать лучше" и т.п., смысл которого (призыва) в том, чтобы быть другим ("лучше").

Возраст и настроение. Относится ли эта этика к морально-взрослым или ко всем? История этики под углом зрения различия обязанности и ответственности.

Обязанность как чужая ..., чужое распоряжение твоей жизнью. Обязанность может сколь угодно искренно казаться и считаться своей внутренней (в кантовском смысле этики или по Фрейдю) индивидуализированной обязанностью, но это будет эпигонство и адептство, но не самобытная ответственность. Ответственность есть контролирование своей смерти, распоряжение своей кровью, проживание своей жизни.

Сам собой - это есть свое настроение.

Настроение неделимо, нерегулируемо, неконтролируемо, непланируемо, необразуемо.

Доверие своему настроению есть ответственность.

Гений - это настроение. Каждый, следующий своему настроению, - гений жизни.

Величие действия по настроению проявляется и обосновывает гегелевскую идею о преступнике как свободной личности, имеющей право на наказание ... История столкновения признанных, вошедших в историю гениев с уголовным законом (Сократ, ... и др.) ...

Дурное настроение как "ложное состояние"? Я - это настроение, дурное настроение - это тоже я, моя жизнь. "Пробуй все, не отказывайся от хорошего". Нет хорошего и плохого настроения, есть настроение на то или иное, т.е. та или иная настроенность. Настроение есть жизнь.

У неконкретизированной ... мысли, темного, непроясненного слова-предложения (как это в мифах, притчах, Библии и т.д.) больше жизни, потенции на контакт на уровне настроения. Слушающий эту неконкретизированную мысль пусть сам найдет адекватное настроение. Конкретизация - есть отход и утра-

та первоначального настроения, заложенного в темном слове.

То, что можно в одном настроении, нельзя - в другом.

Гений - это самопризнание, а не признание тебя другими. Гений - это не есть известность, слава. "Помоги себе, человек, сам". Проживи свою жизнь сам. Люди бегут от своего гения, своей жизни, своего настроения. ... Величие последнего поступка по настроению - самоубийство.

Ответственность гения жизни - самоопределение.

Текст 3. Бремя ответственности. Ответственность есть мера причастности. Ответственность - качество свободного человека. Для свободного человека мера причастности к какому-нибудь делу есть мера ответственности за это дело.

Человек не исчерпывается ни одним своим определением - он многопределен, как мир, и знаемый мир человечен.

Обстоятельства отводят человеку определенное место с соответствующими обязанностями.

Отвечать - значит заведовать. Ничем не ведущий ни за что не отвечает. (Есть в моральном опыте века такой феномен - безответственность примкнувших, которые считают, что каша заварена другими, они и будут отвечать...).

Что бога нет - это ведь не только антирелигиозный тезис. Во всяком случае ясно, что никто не может быть богом или каждый есть бог. Если бога нет - человек становится последней инстанцией правды и истины. Нет никакой другой высшей правды, кроме человеческой. И человеческое мнение - ошибочно оно для другого человека или верно (это безразлично!) - есть последний счет человеческой реакции (высшего суда нет). Нет никакой высшей, чем человек, правды. Почему же человек бежит от ответственности? Ответственность - это бремя.

Текст 4. Настроение и воля. Бойся быть сосчитанным, изученным, взятым на учет. Знание есть форма использования. И познающий может питать иллюзии, что он сам, познавая, использует других, но других больше, и даже в этом отношении он используется больше, тотальнее, чем другие...

Но кроме того и прежде всего познание есть потеря, выбалтывание себя, своих тайн и слабостей.

Надпись на полях: бессилье знания.

Молчи о себе.

Поэзия есть выбалтывание себя⁶¹.

Но что такое сама воля? Воля есть следование настроению, принятие бремени ответственности за настроение.

Надпись на полях: Право есть воля как ответственность перед собой, а не как установленная для других обязанность.

Поведение вопреки настроению и ответственности за него есть безвольное (как марионетка) следование обязанности.

Волевое и марионеточное - это две реакции поведения по отношению к своему настроению. Измена настроению делает человека безвольной дергающейся марионеткой.

Текст 4. Ситуацию как сцепление вещей, явлений и предметов я противопоставляю состоянию настроения (состояние, характеризующееся тем или иным настроением).

Состояние и ситуация. Настроение не знает ситуации, но знает состояния.

В ситуации (ЗВ: психологическая ситуация) есть взаимосответствие внутреннего с внешней предметностью. Настроение свободно от внешней предметности, оно есть чистое направление жизни, *вектор* жизни. Настроение есть вектор жизни. Состояние настроения дает ответ о направлении вектора жизни.

Т.н. "забота о детях" свидетельствует о пустоте жизни взрослых, об их проекции себя через детей в будущее. Поощрение многодетности есть способ содействия бездумию взрослых, поощрение ... бездумия.

⁶¹ Этой мысли созвучно следующее стихотворение автора:

*Жить и гаснуть тихо, как природа,
В дуновенье переплавить крик,
Обновляться в переменах года
И таить свой сокровенный лик
Молча знать и немо ошибаться,
Сотворяя слово, цепенеть,
До истоков так и не добраться
И о смысле бессловесно петь*

К теогонии

Наивно-атеистическое представление о происхождении "богов" (странные, неведомые силы природы - как сверхъестественные - названы были богами и т.д.) является ошибочной ретроспекцией рационально-научного взгляда в прошлое (в том числе, и на первобытное мышление). Дело в том, что там, где молния, дождь и т.д. воспринимается как явление природы, там *оно естественное, а не сверхъестественное явление*. Иначе говоря, первобытное мышление не знает понятия сверхъестественной силы - в том смысле, в каком об этом говорит рациональный атеизм. Кроме того, само по себе сверхъестественное явление не тождественно богу, божественной силе и т.д. - это возможно лишь как последующая интерпретация, для которой уже нужно наличие феномена "боги".

Отношение "естественное - сверхъестественное" - это иная плоскость восприятия, нежели отношения "земля - небо", "люди - боги" и т.д. Отношение "естественное - сверхъестественное" - это соотношение факта и интерпретации (поскольку есть *естественное*, ничего сверхъестественного нет и не может быть - по истине; *естественному противостоит* по истине, с точки зрения истины и факта! - *лишь неестественное, но никак не сверхъестественное*). Сверхъестественное возможно в принципе лишь как интерпретация (обязательно *ложная*, неистинная ...) естественного факта, явления. Тут, кроме всего прочего, следует учесть, что изменяется смысл "естественного" - ведь для первобытного мышления "естественное" имеет узкие пространственно-временные границы (ограниченный космос). С развитием ума и практики все (весь знаемый космос) есть естественное (все галактики и т.д.) - и влияние всех естественных неземных объектов - тоже естественные, а не сверхъестественные силы. "Боги" - это тоже неизвестные факты и силы (миф - это свидетельство их становления известными как факта, как фактических, хотя и не до конца понятных сил!). Но не все неизвестные факты, явления, силы есть боги, т.е. "боги" - это особый, специфический род фактов. "Люди - боги" и "земля - космос" - это сопоставление естественных фактов (мы здесь с точки зрения мифов, в границах естественного, фактического), но с недоразу-

мением, неистинной интерпретацией, с пониманием, не соответствующим естеству, естественному положению дел и фактов. Т.е. здесь встречается неестественная (возможно, сверхъестественная) интерпретация естественных фактов и явлений. Но интерпретацию (оценку и т.д. как сверхъестественных) не следует смешивать с интерпретируемым объектом (фактом). Человек, согласно мифам (как и другие ... естественные явления, объекты и феномены), - тоже сверхъестественное (т.е. создание богов-творцов и т.д.). Но разница между людьми и богами принципиальна как различие фактов. Даже промежуточное звено между ними - герои (дети богов и землян) - четко отличаются своим особым статусом специфических фактов.

Прежде чем стать атрибутом и характеристикой чего-то как сверхъестественного, нечто (боги) должны быть естественным фактом. Неизвестное никогда не отождествляется при попытке понимания через другое еще более неизвестное, но аналогизируется с известным⁶². Рассмотрим следующие суждения: гром - это дело неведомой силы; гром - это дело богов; гром - это что-то непонятное. Все это совершенно различные положения и представления, имеющие нечто общее: их источник общий - это недоразумение, с нашей современной точки зрения - незнание действительного механизма возникновения и функционирования такого явления, как гром. Но некоторое знание (причем, для каждого суждения разное) в этих суждениях всегда подразумевается. Что же именно? Прежде всего, гром дан изначально как факт (один из тех фактов, которые в дальнейшем образуют естественное в его отличии от неестественного. Возможно, что когда первобытный человек начал сознательно обращать внимание на гром как специфическое явление, отличное от других, гром еще не был принят в его "естественный мир" и был в этом смысле неестественным или сверхъестественным; возможно, гром был хотя и не неестественным, но сверхъестественным. Для нас важно отметить, что уже с самого начала гром никогда не был для людей *абсолютно неизвестным*, он был лишь относительно неизвестным (кстати, NB: абсолютно неизвестное - не

⁶² Именно поэтому В.С.Нерсесянц не раз говорил: «Если бы Бога не было, его нельзя было бы выдумать», оппонируя известной фразе Вольтера: «Если бы Бога не было, его надо было бы выдумать» - В.В.Лапаева.

известно абсолютно!). Если нечто *обозначается как неизвестное*, о нем уже что-то известно: это нечто (X уравнения) дано в сопряжении и некоторой связи с уже известным (вопрос об истинности или ложности понимания этой связи - это другой вопрос!). Всякое представление, мышление, познание, понимание и действие имеет место в границах уже известного (некой суммы знаний), а неизвестное остается вне этих границ. Само подразумеваемое остается в этих границах-скобках известного. Абсолютно неизвестное (на данный момент и для данной суммы знаний) - это не X, а возможность X в будущем ...

Абсолютно неизвестное - тайна ли это? Ясно, что секрет находится в ... сумме знания (*секрет* - это неосведомленность некоторых, многих, но не всех); *тайна* - это тайна абсолютно для всех, она вне круга известного. Когда тайна становится секретом, это значит, что абсолютно неизвестное стало в принципе известным, сумма знания увеличилась, круг знания расширился. Можно сказать: ранее абсолютно неизвестное прорвалось в сферу известного!

Кстати сказать: таинство (магов, жрецов, церковников, светской власти и т.д.) - это имитация (через обряд, процедуру и т.д.) превращения тайны в секрет (это обстоятельство удачно передано в светском слове "секретарь").

Фраза "Тайное становится явным" имеет два значения: а) секрет раскрывается; б) известное подразумевает абсолютно неизвестное (как свою подоснову, ... границу, направление интереса и движения, поле гравитации, подразумеваемое). Какая же разница между относительно неизвестным (обычным X в сфере знания) и абсолютно неизвестным, тайной? Видимо, в частности, и в том, что X подразумевает уже наличное знание, сумму известного, тогда как *абсолютно неизвестное* само есть подразумеваемое всякого (и всего!) знания - то, что делает его всегда неполным, относительным, стремящимся к чему-то новому, выходящему за свои границы. Это подразумеваемое как раз и лежит в основе того, что, не зная тайны мироздания, мы почему-то убеждены (верим, полагаем, допускаем), что она есть. Можно ли ее познать, или нет - другой вопрос, с данной точки зрения непринципиальный: если объект - тайна мироздания - формулируется в гносеологической плоскости и поле, то сам аг-

ностицизм выступает как форма познания и отличие агностицизма от признания познаваемости непринципиально!

Ошибка научного познания (одна из ошибок) в смешении тайны с обычным X (икс), оперирование тайной как обычным неизвестным; ошибка мифологического, религиозного познания - оперирование относительно известным, познанным - как абсолютно неизвестным, тайной (отсюда религиозно-мифологическое таинство, секретничанье, гносеологический скептицизм...). Ошибка же научного познания влечет за собой открытость, самоуверенность, гносеологический оптимизм, прогрессизм, открывательский пафос науки (при всем том, что абсолютно неизвестное как тайна не снимается, научное знание окружено таким же мраком незнания, как и всякое другое знание). В этом смысле можно сказать, что тайное никогда не становится явным: познание всегда оперирует лишь обычными X (где X - это то, что в прошлом было тайной). Эмпирическое, таким образом, в гносеологической иллюзии подставляет себя на место части прошлой тайны и создается иллюзия, будто сфера известного расширяется за счет сокращения сферы прежней тайны. Но это в действительности не так. Тайна - это не набор абсолютно неизвестных объектов будущего познания (не перечень каждого неизвестного), а принципиальная невозможность абсолютного знания, невозможность преодоления границы между знанием и незнанием, указание на развивающуюся (а, следовательно, неабсолютную, несамодостаточную, ограниченную) природу человеческого знания и познания, указание на то, что *знание* - результат познания и сознания. Т.е. тайна изначально не есть незнание. С увеличением знания тайна не убывает; наоборот, именно вследствие накопления знания стало возможным почувствовать наличие абсолютной тайны. И действительное знание разделяет судьбу сократовского знающего незнания: "Я знаю, что ничего не знаю". Тайна - это не то, что "открывается", а то, что побуждает к "открытию". Тайна - всегда контекст и подтекст знания; но не сама отрицательная (мобильная) граница знания, а непреодолимость такой границы вообще, т.е. обреченность познания на новое знание. Поэтому-то гносеологический факт наличия тайны и девальвирует наличное знание, и провоцирует его к суете дальнейшего познания: сизифов труд познания (но

не потому, что камень суммы знания скатывается в пропасть незнания, а потому, что такая пропасть расширяется, а ... у суммы знания принципиально отсутствует ...).

В этом смысле *тайна* (для познающего субъекта и вообще для познания как процесса) - это вечная недостижимая гидра; прогрессирующее познание имеет дело не с ней, а с ее мнимыми обликами; причем сама тайна не истощается на творчество своих обликов - творения познающего субъекта (это X в системе суммы знания, а не абсолютное незнание). В этом смысле лишь *истощение* самого познания, его остановка и вырождение может, конечно, "*открыть тайну*", а "*закрывать*" ее, перестать ею интересоваться означало бы возврат от человека к животному миру, гносеологический *регресс*.

Тайна - это не совокупность или часть абсолютного или относительного неизвестного и не объект познания, а следствие неизбежности незнания, неизбежности неизвестного (это, в свою очередь, оборачивается характерной чертой самого познания - его направленностью на известное и неизвестное). Почему вообще что-то неизвестно человеческому сознанию? Т.е. почему человеческое знание неполно? Этот вопрос принципиален. Мифологическая точка зрения (древних), т.е. их ответ на этот вопрос таков: потому что человек ограничен, он - не бог. Но такое приписывание богу всезнания (т.е. знания тайны), гносеологического всесилы (преодоления границы между знанием и незнанием, когда для бога нет тайны) - это экстраполяция всемогущества богов и на область познания (а не только физической силы и т.д.). Сама такая экстраполяция (возможная лишь после того, как боги стали уже известны в какой-то мере людям как существа, их сильно превосходящие!) - это попытка фактического преодоления (гносеологическая фикция!) тайны. Абсолютное знание богов - такая же фикция (гносеологическая), как и их абсолютная сила (физическая фикция). В этих фикциях отражено лишь то, что возможности (физические, интеллектуальные и т.д.) богов явно находятся за порогом человеческих возможностей...): слишком большая разница с точки зрения практической предстает как абсолютная (отсюда естественная для первобытных или древних людей *абсолютизация* способностей богов).

Современная рационально-научная точка зрения: знание не абсолютно, потому что познание исторично, развивается от незнания ко все большему знанию (приближается к абсолютному, хотя и без возможности достигнуть абсолютное знание); но в рамках относительного знания есть моменты абсолютного знания, есть *истины* и т.д. Эта точка зрения исходит из того (подразумевает), будто тайна - это набор проблем и лишь пока неведомая пространственная среда (*terra incognita*), которая сужается с прогрессом знания. Но тайна не имеет пространственную привязку, она повсюду там, где есть знание, подразумевающее незнание; тайна - не в неведомых галактиках, но тут, под рукой. Когда говорят, что открыта (или открывается) "тайна атома" (и т.п.), тут как "открытие", так и "тайна", так и "атом" - все иносказание, образное выражение. "Атом" не имеет никакой тайны.

Надпись на полях: *Понятие силы введено в астрономию Кеплером - в отношении планет (сила притяжения). Так и в человеческих отношениях есть притяжение любви.*

К мифам

Текст 1. Мифическое не есть символическое. Символ как средство и форма фиксации информации применяется там, где информатор знает и понимает то, о чем он информирует, тогда как информативные средства мифа свидетельствуют о том, что мифоинформатор не понимает то, о чем он сообщает. Следовательно, *символизм* сокрывает понятие, *мифологизм* раскрывает (доступными средствами) непонятое (но известное, виденное, слышанное, реально бывшее, произошедшее, случившееся). Символ - средство иносказания, иноизображения, иновыражения, в мифе же - максимально доступное прямосказание, прямовыражение (до детскости рисунка) и прямо изображение (ритуал как пример наглядного изображения и передачи пластичными средствами, знаками и ...) непонятого.

Миф - свидетельство примитивности информатора, символизм - его изошренности. В первом случае непонявший все же пытается постигнуть, раскрыть, сообщить, рассказать; во втором случае - уже понявший и посвященный вуалирует понятие и известное ему под символами - условным языком знающих и посвященных. Информативные средства мифа (язык мифа) бе-

зусловны, взяты из арсенала данной суммы знаний, данного об- щего языка, но *неадекватны* тому, о чем сообщает мифоинфор- матор (так как для адекватности тут необходимо больше знания, а этого нет, поэтому нет и понимания; следовательно, мифообъ- ект непонимаем в принципе, не понят вообще), тогда как сим- волы (язык, средства символизации) условны, что вообще сни- мает вопрос об их адекватности.

Как обстоит дело с наукой в сравнительной схеме: *миф, сим- волизм*? Язык науки символичен (язык условных обозначений), а допущения (гипотезы, предпосылки и т.д.) науки мифичны. Кро- ме того, общее у мифа и науки в их интенции - не скрывать не- известное. Но тут и различие: задача мифа - лишь сообщить о непонятом факте, зафиксировать его как имевшее место (и, сле- довательно, значимое) событие; сообщить о непонятом в понят- ных словах и средствах (ритуал); тогда как цель науки - понять непонятое, точнее, сделать непонятое понятным и используе- мым, увеличить сумму известного. Цель философии - увеличе- ние суммы неизвестного (интерпретация тайны и знания).

Надпись на полях: *Наука продолжает дело мифа, считая, что занимается другим делом (не понимая этого)*

Символическое уравнение = уподобление:

<первичная реальность - вторичная реальность>

Это - чтобы в смыслообразующем контексте вторичной ре- альности *осмыслить* первичную реальность. Первичная реаль- ность без вторичной реальности бессмысленна! Если же пер- вичная реальность обозначается без вторичной и без символи- ческого уравнения, то это наука.

Текст 2. Религия - та стадия обращения к *непонятому пер- воначальному факту*, когда содержание зафиксировавшего этот факт мифа спиритуализируется. Религия, следовательно, еще дальше от понимания факта, чем миф. Символика и средства (понимания и выражения) у мифа и религии: мифологическое - иносказание через эмпирическое, религиозное - через символи- ческое и спиритуализацию.

К неологии

Текст 1. В том смысле, в каком психоанализ - это психоте- рапия (в метапсихологической плоскости), в том же ключе иде- ология - это идеотерапия (в метаидеологической плоскости). Суть дела всегда и повсюду: поскольку есть слово (так называе- мая вторая сигнальная система, точнее - вторая, т.е. культур- ная натура), - постольку все человеческое должно быть (и есть!) вербально (и психологически, и идеологически, и теологически, и религиозно и т.д. - все это лишь формы вербального, культур- ного, словесного бытия, точнее - формы духовного опосредова- ния первичной природы человека, его природно-физической жизни) опосредованно). *<К теме реалии и вербалии>* . С те- чением времени вторая натура (дух) берет верх над природой (ес- тественной натурой) все естественное должно приобрести духовный мотив, чтобы смочь реализоваться (так называемый дух - цензура натуры).

Суть терапии - найти то, что есть место в том, как должно быть ("должно" тут в смысле необходимо и желательно одновре- менно!). *<К тезису: "Все не просто хочет быть, но хочет быть по необходимости - это и есть момент духовного опосредования.>* Иначе говоря, происходящее (то, что есть, наличное челове- ское бытие), поскольку оно всегда открыто времени, будущему, т.е. незакруглено, незавершено, негармонично, т.е. имеет нега- тивные (мучительные, неудовлетворительные, трагические: ли- цом к старости, болезням, потерям, мукам, трудам, неудачам и смерти) характеристики, это происходящее всегда дано челове- ку не только и не столько как факт и фактичность, но как интер- претация (и, следовательно, как духовная версия бытия): на всем человеческом лежит печать слова (вербализованность чело- веческого бытия), все человеческое заключено в словесные скобки, все человеческое протекает в пространстве слова, на вербальной сцене.

Неизбежность человеческой культурности (вербализации человеческого бытия) и есть корень ее *необходимости*. Причем, эта неизбежность *естественна* (**homo sapiens**), *необходимость* - духовна (**homo sapiens**).

Надпись на полях: *homo verbalis*.

Жить и означает ориентировать происходящее по словарю современности, переводить происходящее в уже данные и наличные слова. Но поскольку *словарь* всегда *предшествует* этому происходящему, то *жизнь* предстает как реализация словаря, движение в ... этого словаря (движение в предложениях). Происходящее осмыслено уже *до того*, как оно имеет место, наступает.

Надпись на полях: *Против Сартра, который говорил, что существование предшествует смыслу.*

<Это к неологии: "уже было!"> - Отсюда и рутинность жизни, человеческого бытия. Смысл предшествует действию, значение которого предопределено вербальным контекстом бытия.

Суть любой вербальной конструкции (... , мифической, теологической, религиозной, идеологической, философской и т.д.) - выразить *неизбежное* (то, что есть, происходящее, человеческое бытие) как *необходимое*, т.е. дать интерпретацию происходящему. А это означает вербализацию реалий. Новая концепция - это новая вербализация старых реалий, которые тем самым переводятся в другой (новый) смысловой (словесный, духовный) контекст, получают новую ориентацию. Поэтому-то новая концепция сопровождается как будто бы новым действием, обновляя жизнь и освобождая ее от прежней рутинности. Действительно новый момент - в перспективе нового словесного контекста. Старые действия приобретают новое значение (поскольку попадают в поле тяготения нового, другого смысла), плюс новая перегруппировка суммы сил старого действия, что сопровождается связыванием одних сил и развязыванием других (т.е. новых, ранее связанных, табуированных, запретных) сил.

Собственно новые действия (индивидуальные, групповые, общественные) - это различные усилия для приведения происходящего в соответствие с его новым смыслом (новой вербальной схемой, новой концепцией, новой его интерпретацией). Поведение (больного) начинает предопределяться диагнозом. *История* как самолечение человечества на основе предложенных диагнозов. Время копит недовольства, которые с точки зрения некоего здоровья необходимо (т.к. неизбежно) квалифицировать как болезнь. Диагноз этой болезни всегда интер-

претация. Спор решается силой. Недовольство рутиной пути плюс муки недуга - глобальные факторы, способствующие появлению новых концепций, их ... и реализации (Ницше: новое дают больные; болезнь ...). Новое - всегда терапия старой болезни не потому, что оно вылечивает, а потому, что оно интерпретирует ее как необходимость. В этом вся тяга к смыслу жизни и смерти: бессмысленное должно быть осмыслено - и тогда то же самое бессмысленное акцентируется как не просто неизбежное и случайное, могущее не быть (что и гложет страдающего!), а как необходимое - в свете новой интерпретации старой ситуации, что по-новому переосмысливает старое. Когда накопившиеся недуги (и вообще происходящее!) не может быть объяснено (и диагностировано) в границах старого мифа, старой концепции, в смысловых связях и предложениях старого словаря (словарь - это не словник, а смысловник, связь словесно обозначаемых смыслов), тогда творится новый миф. История - это знахарство.

Неизбежность так называемого исторического прогресса и вместе с тем его необходимость отражена в смене мифов и концепций о счастье. Их теория состоит в том, что сама болезнь интерпретируется как момент движения к здоровью (к "счастью"!). Резче: болезнь интерпретируется как необходимый момент здоровья. Проще говоря, старые болезни лечатся (новой концепцией) тем, что загоняются вовнутрь. Старые проблемы (и болезни, недуги) заменяются новыми - вот и все их решение (и лечение). Человечество лечится сменой диагнозов своих болезней (и переформулировкой своих проблем).

Текст 2. Тезис "*То, чего не было, не будет*" не отвечает за тезис "*То, что было, будет*" (вечное возвращение). Другими словами, первый тезис не подразумевает второй. Только тут встает вопрос: что есть новое как возможность в будущем? Ответ: *действительность* (в прошлом, настоящем и будущем) *возможна*, а потому *новое* - вне необходимости. Новое - вневнеобходимое.

Текст 3. Соотношение между потребностями и дозволенностями в различных исторических типах обществ, видимо, едино (идентично) в следующем: запрещено (не дозволено и, может быть, невозможно) как раз то, что преодолело бы недостатки,

ограниченность этого типа общества и тем самым удовлетворило бы его *видимые потребности*. Но гораздо более существенные внутренние потребности всякого типа общества (потребности выживания целого, целого в виде единой автономной системы) заставляют все функции этого целого работать в тех старых параметрах, которые обеспечивают сохранение и консервацию этой системы - в этом смысле всякая целостная система враждебна новому. Удовлетворение потребностей в улучшении, совершенствовании и т.д. - уступка внецелостным моментам системы.

Ницше говорит, что новое прививается на больных элементах всякого общества, другими словами, на тех элементах системы, которые являются предшественниками гибели всей системы (по Г. Маркузе - *на аутсайерах ...*).

Когда то, что есть (т.е. система) теряет черты всепоглощающей, всеудовлетворяющей и всезакрывающей тотальности, и миф этого общества, следовательно, стареет и начинает приходить в негодность (превращаться в сказку), тогда между нуждой и потребностью появляется *цель возможности*. Это порыв к новому мифу и новой действительности, которая возможна.

Текст 4. История как ряд современностей (в гносеологическом плане) есть ряд кругов знания; каждый такой круг (комплекс знаний) есть система информации. Эти круги, системы информации *замкнуты по своему значению*, а именно - значимости лишь для данной современности. Теперешнее суждение о прошлом (прошлой ситуации) имеет значение лишь для теперешней современности, но не той, о которой судят, так как та прежняя ситуация как круг и комплекс знаний со спецификой своего понимания и своего нового исчезла, ее нет. Значимо, адекватно судит о себе лишь свое время. У каждого объема знания (комплекса информации), т.е. у каждой современности свое подразумеваемое и свое новое.

Тут возникает несколько вопросов: какое значение (или смысл) имеет для теперешней современности прошлое знание? прошлое подразумеваемое? прошлое новое?

Есть несколько вариантов ответов:

1. ZB, теория аккумуляции знаний (все прежние знания ко-

пятся, знание увеличивается, совершенствуется, идет прогресс знаний).

2. Будущее лучше судит о прошлом, вернее, точнее, адекватнее, истиннее.
3. В прошлом люди в чем-то ошибались, а в чем-то ориентировались правильно. Прогресс в том, что относительно верное в знании наращивается в сторону абсолютного знания, которое недостижимо.
4. Есть принципиально верные и принципиально неверные, ошибочные формы познания, мышления, отношения к действительности. Соответственно, есть линия прогресса знания, продолжающая верные, правильные аспекты познания и знания, и есть линия продолжения искаженного знания и познания (ZB, материализм и идеализм и т.д.).

Четкая позиция и ориентация во всей этой проблемной группе вопросов требует уясненности в том, что есть знание, понимание, подразумеваемое, новое, развитие, прогресс и т.п. применительно к нашей постановке вопроса.

Очевидно, что в совокупном знании каждого времени (каждой современности) есть *maximum* и *minimum*, условно говоря, индивиды, обладающие *max* знаний своего времени (их носители), и есть индивиды, обладающие *min* знаний своего времени. Но совокупное знание каждого времени имеет свою структуру и свои функции. Знание данного времени есть система аспектов и элементов знания, направлений знания (эта структура подвержена дифференциации, спецификации, дроблению, выделению новых аспектов и т.д.): магия, алхимия, ZB, уступает место новым разделам химии, психологии и т.д.).

Очевидно, что *max* и *min* знания каждого времени представлены в том или ином направлении совокупного знания. (Некоторые индивиды могут быть носителями *max* знания нескольких или многих направлений - так называемые энциклопедисты; носителями основных направлений знания - ZB, шаманы, жрецы и т.д.). Кстати, здесь встает вопрос: есть ли основные направления знания и какие они у каждого времени? ... Есть ли опорные, постоянные направления знания и какая преемственность и связь между структурами знания различных времен?

Знание значимо именно как структурированное знание, т.е. специальное знание, а не знание вообще. Знания "вообще" нет, есть специальные знания (в том числе о самых общих вопросах жизни, смысла, быта, обыденного и т.д.).

Прошлое знание сохраняет свой смысл, но не значение. Всякая современность перед лицом последующего обнаруживает свою незначимость и свой смысл. Всякая современность беззащитна перед лицом будущего, которое есть конец ее значения.

... От каждой современности остается предшествующий смысл. Смысл есть знание без актуального значения. *Значение* есть актуальное знание. Смысл есть вообще значимость в человеческом общении и ориентировка знания. Смысл и осмысленная жизнь - это вообще человеческая судьба. Но на арене этой судьбы человек ориентируется *по значению*. Лишь освобождение от значения позволяет понять смысл. Чтобы уяснить, понять смысл, необходимо редуцировать значение. Но знание каждого времени в целом и в структурных частях *означено*, дано в значениях. Девальвация значения обнаруживает смысл.

Каждая современность работает со своим значением, по-своему означает прежний смысл. Каждая современность, работая со своим значением, не знает, каков его смысл и какое значение придадут этому смыслу в будущем.

Но нет ли в истории знания продолжающейся линии значений? И что есть завещание, переход смысла от прежнего к смыслу теперешнему времени?

Ничего нового нельзя сказать по прежней ситуации, т.к. новое есть атрибут именно этой суммы знания, ... неизбежно порождает новое "новое", а не что ново для прежней ситуации.

Надпись на полях: *О том, что ... к прошлому и будущему не значимо.*

Каждое время открыто на свое значение и чужой смысл (прежний и будущий).

Разум как творчество

Всякая внешняя данность (в природе, обществе и самом человеке) по внутренней необходимости дает качество и статус осмысленной заданности и занимает свое место в системе и структуре осознанного и упорядоченного разумом мира и человеческого бытия в мире.

По своей сути *разум* - это творчество, бесконечное творчество разумного. Познавательная способность разума (и вообще способ его существования) - это мысленное сотворение познаваемого объекта, определение его свойств и постижение его смысловой определенности. Эта творческая природа разума присутствует во всех формах, сферах и направлениях его проявления - от рационализации быта до постижения тайн природы, общества и мироздания, от опытного знания (эксперимент как искусственное сотворение естественных процессов) до теологии (познание мира как божественного творения) и философии (философское постижение истины мира как творчество истинного мира, как созидание разумом).

К футурологии

*Этическое решение как момент
в прогнозировании будущего*

1. Всякое будущее и прошлое - *теоретично*, лишь практика - современна (это не исключает ни фактической значимости теоретизирования, ни теоретического осмысления практики). Теоретичность будущего и прошлого не означает сведения прошлого и будущего лишь к знанию. Речь идет не о том, что прошлое и будущее могут быть неразумны, а о том, что разум не есть единственный компонент теории.

2. Будущее уже давно началось. Оно не впереди, а позади. Это обнаруживается в нескольких направлениях, аспектах:

а) обращенность в будущее как модус человеческой жизни;
б) ... еще не решенных задач, уже обозначенных (в прошлом);

в) прошлое как материал для конструирования будущего.

При все фактической текучести, неразрывности, поточном

характере времени - методологически, чтобы справиться с задачей прогнозирования будущего, необходимы определенные допущения, условности.

Первое допущение дано в делении времени на прошлое, настоящее и будущее (способ временного человеческого ориентирования). Тут есть модус обращения со временем вообще, но нет еще овладения частями времени. Но поскольку логическое ударение делается не на времени вообще, а на той или иной части, то необходима дифференциация допущений-условностей, конкретизация. Возможно, исходным пунктом этой конкретизации является настоящее. Отметим в скобках двойной смысл понятия "настоящее": хронологический и оценочный. Второй аспект смысла распространеннее, о чем свидетельствует язык, словарь. С этой второй точки зрения, прошлое и будущее - не только не настоящее, но они и ненастоящи, неподлинны, недействительны.

Второе допущение: приравнивание (подмена, эквивалент) настоящего к современности. Практика человеческих общений ориентируется не на настоящее как уходящее мгновение, а на более или менее практическую длительность - современность. Как ни условно это, в нем - неизбежность человеческого способа ориентации. Неизбежность этой кажущейся условности коренится в конечности человеческой жизни (независимо от того, ... 40, 70 или 250 годами). До сих пор известные способы ориентации обусловлены конечностью человеческой жизни. Оптимистические обещания врачей о жизни без смерти - если они реализуются - в такой мере переиначат модусы человеческой жизни, что сделают неправдой все догадки смертного человека.

Современность есть тот единственный способ (форма) жизни, которым действительно живет человек: о прошлом можно знать, о будущем догадываться (здесь становится возможным уяснение смысла, значения будущего и прошлого для человека).

Третьим допущением является понимание современности как целостности (мы говорим не о современном человеке, а о современности человека). Как бы ни были радикальны изменения в жизни (сознательного) человека, все они включены в его современность. Принципиально различные эпохи (двадцатый век до и после революции) - есть лишь различные эпизоды единой современности человека.

Современность эпохи и человека не совпадают.

Это, с другой стороны, означает, что в одну современную эпоху существуют люди с *различной современностью* (а, следовательно, с различным прошлым и будущим).

Различение способа общественной и личной жизни влечет, в частности, различие и способов их ориентации. Совпадающей современности (прошлого и будущего) нет не только между различными обществами, между обществом и человеком, но и между людьми.

Будущее - это неизвестное, встреча с которым никогда не состоится. Будущее - это то, что не современность, оно всегда впереди, контакт с современностью у будущего через *прошлое*.

Хотя современность есть прошлое тех, кого нет, но это *не их современность*. Современность - это будущее тех, кто остался в прошлом, но для них это никогда не стало современностью.

Современность с точки зрения прошлого есть миф, подобно тому, как будущее есть миф современности. Для современности будущее, поскольку оно реально, есть миф. Реализация прогнозов не означает осовременивания будущего.

Будущее есть способ человеческой ориентации, безразличный к тем конкретностям, какими заполнено настоящее и чем начинается объем ожиданий на будущее человеческая фантазия.

Говорят: предсказывают "возможное будущее", а не будущее. *Но действительность по сути своей возможна*, так что тут разницы нет.

Будущее - как скульптура из материала современности. Современность - материал для будущей скульптуры.

Добавление: футурология, как впрочем и иные формы теоретизирования, создает *новое* лишь о *современности*, но не о будущем.

Так называемое прогнозирование - это результат экстраполяции *известных* параметров современности, т.е. ничего нового не дает не только для будущего, но и для современности (бесплодно, как умножение в уме зарплаты на три). Лишь будучи для современности чем-то *новым*, можно что-либо значить для будущего. Но делать новое невозможно, только потому, что ты футуролог или кто там еще.

Кант и Сократ: концепция морали

Мораль по своему генезису и правовой сути - это свобода человека от бога и государства, это человек вне бога и государства, меж богом и государством.

Моральная свобода - свобода индивида от небесной и земной власти.

Мораль - это такая свобода (такое представление о свободе, и ее принципах, нормах, ценностях), автором которой (точнее: автором представлений о которой - о свободе) является индивид. У Сократа этот автор-индивид появляется еще в компромиссной форме индивида-бога, личного демона (даймония) - властного голоса внутренней совести. У Канта автором морали является самозаконотворитель индивид, но это самозаконотворение индивида осуществляется (должно по Канту осуществляться) по принципу всеобщего законодательства, т.е. правовому принципу, по принципу хорошего, должного, правильного (свободного) законодательства. Тут у Канта моральный индивид является по сути правовым индивидом (не просто законопослушным, но *законоопережающим* индивидом), атомарным правовым государством. В ситуации искомого и обосновываемого Кантом правового государства правовая трактовка морального принципа (правовой характер принципа категорического императива) по сути означает отрицание морали как чего-то отличного от права. Кантовское различие между моральностью и самозаконотворением (буквально - авто=номией!) и легальностью как соблюдением (исполнением, осуществлением, реализацией) уже существующих норм не есть отличие морали (как якобы самоустановления норм) от легального права (как якобы создания и применения норм), потому что и морально самозаконотворитель индивид должен соблюдать свои же моральные установления, т.е. быть не только моральным, но и легальным.

Кроме того, моральное самозаконотворение (по правовому принципу, как у Канта) как чисто моральный акт (в отличие от легальности как соблюдения уже установленных норм) возможно и уместно лишь там, где есть пробелы в сфере регуляции правовым принципом - принципом всеобщего законодательства. Вне этих пробелов все поведение может быть лишь легальным

(или противозаконным), но не моральным в кантовском смысле. Иначе говоря, кантовский индивид может быть моральным лишь в сфере пробелов в законодательстве правового государства, лишь опережая законодательные установления правового государства. Но поскольку принципы законодательства правового государства уже преданы любому индивиду, то кантовскому моральному индивиду остается в его моральном самозаконотворении лишь дублировать эти принципы законодательства правового государства (или применять их применительно к объекту своего законодательства, т.е. заниматься в моральном законодательстве именно легальностью). Самозаконотворение кантовской моральной личности оказывается не только моральным актом, но и легальностью, так что различие между моральным и легальным и вовсе исчезает (поскольку в основе как моральности, так и легальности у Канта лежит формальный правовой принцип - всеобщности и равенства).

У Канта - идеальная (предельно желательная для правового государства) концепция морали. В ситуации социально-политических реалий, где нет правового государства и правового законодательства, кантовская концепция морали означает, что именно морально свободный индивид является носителем, источником и творцом правового принципа и правовых норм общения, могущих и долженствующих стать нормами официального государственного законодательства. Но до того как нормы морального самозаконотворения кантовского индивида (точнее: правовые нормы) станут нормами официального законодательства, между ними остается конфликт, конфронтация. Согласно Канту, прежде всего это конфликт между моралью и политикой, в том числе и государственным законодательством как политикой. Хотя это частный случай конфликта между моралью и правом, моралью и позитивным (официальным) правом (т.е. государством, законодательством) как неправовым законодательством, неправовой политикой. Но по существу это конфликт между правом (правовым принципом) и законом (неправовым законом, неправовой политикой, политическим законом).

Моральная воля индивида у Канта - это свободная воля, разумная воля, это практический разум, способность человека (свободной, разумной воли индивида) к самозаконотворению.

... Тут внешне необходимое, принудительное становится субъективно необходимым (самозаконным... - стр. 118 по О.Г. Дробницкому). Это и есть по Канту свобода. Отступление человека от такого самозакона, полагаемого разумом, - это его повинование не разуму, а чувственности, это по Канту объективная необходимость, но субъективно будет случайностью, т.е. актом несвободы. Но человек - двойственное, разумно-чувственное существо и у него остается способность и возможность выбора (негативная свобода) между велениями разума ... и чувством (велениями, влечениями чувства).

Закон (разумная воля), разум, закон сам по себе, абсолютно необходимый (для разума), не определяет волю человека полностью, и "она часто отклоняется от него, будучи влекома чувственностью" (с. 118 по О.Г. Дробницкому). Поэтому закон (моральный, разумный закон) выступает для человека как двойственного (разумно-чувственного) существа лишь как "долженствование, определяющее волю не однозначно, а через выбор" (с. 118 по О.Г. Дробницкому). Но эта способность выбора - лишь негативная свобода, моральная же свобода - это способность выбирать только то, что разум ...признает добрым" (Кант. Соч. Т.4. с.250). Тут радикальный рационализм Канта (а la у Сократа!): у разумной воли нет выбора, точнее нет альтернатив. "Свобода предполагает отклонение от закона (т.е. разумной, но свободной воли), но если эта возможность осуществляется, то человек становится несвободным" (с. 118 по О.Г. Дробницкому).

Отсюда ясно, что источник и причина отклоняющегося поведения, согласно моральной концепции Канта, - это отклонение индивида от разума к чувственности, от велений разума к позывам чувств, от требований морального закона к чувственным влечениям. Воля индивида, следовательно, по Канту имеет как разумный, так и чувственный элементы (компоненты), воля индивида определяется как разумом, так и чувствами. Свобода воли тут - способность выбора между велениями разума и велениями чувства. Эта возможность выбора (со стороны воли) делает моральный закон (веления разумной воли) лишь долженствованием, а не неизбежной, однозначной, слепой необходимостью. А сама возможность выбора - это негативная свобода. Выбор велений чувств - отклонение от разумной свободы к

несвободе. Выбор требований разума (способность выбора добра по разуму) - моральная свобода; возможность выбора добра по чувственному влечению - это несвобода.

Если человек подчиняется разуму (разумному, моральному закону), т.е. если он, согласно Канту, *морально свободен*, то это ситуация реализации категорического императива (с его правовым, всеобщеравным принципом). Это по Канту абсолютно необходимое для разума (т.е. для индивидуальных разумов всех людей), отклонение к чувству является с точки зрения разумного субъекта случайностью, несвободой.

Тут несколько подразумеваемых допущений: 1) все люди разумны; 2) все люди одинаково разумны; 3) разумность обладает способностью законотворчества, регулятивной силой, нормотворческой способностью; 4) принципы и нормы разума (разумного самозаконотворчества) всех людей не просто однотипны (один принцип), но и одинаковы, тождественны (поскольку нормы законодательства индивидуального разума отдельных людей годятся в качестве норм всеобщего законодательства). Т.е. разум, разумная, свободная воля для всех (различных) индивидов - одно и то же (а именно - это разум законодателя правового государства).

Почему же это так? Кант не приводит убедительных доказательств этого. То, что в разуме люди могут сходиться, поскольку все они разумны, это ясно со времен Аристотеля, но это вовсе не означает, что разумные индивиды в одинаковой мере и в одинаковом смысле разумны. Каждый индивид разумен (и чувственен) по-своему. Даже если собрать всех лишь разумных (по Канту) индивидов, то и в этом случае, говоря языком Руссо, их "общая воля" ... будет отличаться от "воли всех", а нормы индивидуального самозаконотворчества будут отличаться друг от друга, даже если все будут исходить из одного принципа - правового равенства. Это необходимое различие норм морального законодательства различных индивидов обусловлено уже тем, что норма как формулирование принципа применительно к конкретной ситуации всегда будет отличаться творческим разнообразием формулирующего ее разума (который, кстати говоря,

не априорен, а исторически изменчив). Если бы априори существовал бы равный себе разум морального самозаконодательства, то все нормы морали, разума и законодательства уже давно были бы сформулированы. Если же Кант признает момент отличия в моральном законодательстве разума в зависимости от эмпирической (исторически изменчивой) ситуации и обстоятельств места и времени, то это означает признание расхождения между нормами морального законодательства различных индивидов и невозможность их одинаковой ... и равенства.

Правовой принцип (равенства, всеобщности) выступает в кантовской концепции морали (в категорическом императиве) в качестве критерия верности выбора, ограничительного признака этого выбора между добром и злом.

Кант и Сократ: оба - рационалисты. Уже Сократ говорил, что знание обладает силой, оно может руководить и показывать (т.е. регулятивная, руководящая, направляющая роль и функция знания) - это для немногих мудрецов, философов; а действиями обывателя управляют чувства, влечения.

Согласно Сократу (в отличие от релятивизма Пифагора, у которого человек - мера всех вещей), человек как мыслящее, разумное существо - мера всех вещей, т.е. разумный человек - это регулятивное начало и нормотворческая инстанция.

У Сократа (во многом как и у Канта) по сути для разумной воли, для разумного человека нет морального выбора: выбор предопределяется знанием (у Канта разумной волей), поскольку добродетель - это знание, а пороки и зло творятся по незнанию, неведению (у Канта - отступление при выборе от требований разума к чувственным влечениям, т.е. к несвободе). У Канта и Сократа сходная, однотипная ... отклоняющегося поведения. Тут следует учесть, что Сократ различает знание (эквивалент кантовскому практическому разуму) и мнение (чувственное влечение - у Канта). Знание и добродетель, согласно Сократу, - это божественный разум, доступный, и то не полностью, лишь немногим (мудрецам, философам...). У Канта же этот разум - человеческий разум, он не только доступен всем и у всех в наличии, но и у всех одинаковый (по ступени, качеству, содержанию и даже по морально-законодательному нормотворческому результату - продуцированию норм всеобщего законодательства!).

Надписи на полях:

- У Канта и Сократа человек имеет бессмертную душу, есть загробное воздаяние за добро и зло.

- У Сократа человеческий разум - божественный разум.

К праву (о происхождении равенства)

Вольтер прав, что равенство - самая естественная вещь и химера. Он ... склоняется к равенству перед законом, отклоняя остальное, им не проясненное (в этом остальном - и так называемое фактическое равенство, потребительское равенство, утилитарное равенство уравниловки и т.п.).

Все в реальном мире различно, все и все (люди, животные, вещи, явления, предметы и т.д.) отличаются друг от друга. В мире нет двух одинаковых вещей. Откуда же равенство и что это такое?

Иначе говоря, в противоположность Руссо, мы ставим **вопрос о происхождении равенства**.

Для Руссо в естественном состоянии все равны и свободны, а с появлением частной собственности возникает неравенство и гражданское состояние (законы и т.д.) Но естественное состояние как противоположность искусственному состоянию, как и всякое фактическое, природное состояние, характеризуется фактическим различием, природной неодинаковостью. Равенство - это условность (искусственность), а не естественность; равенство - это условное допущение того, что различное - это одинаковое (неразличное), что это одно и то же по какому-то основанию, по какому-то критерию, принципу. В зависимости от различий и вариаций этих оснований (критериев) можно проследить историю происхождения и развития равенства и построить типологию равенства (тут интересна связь исторического и логического).

Основание (и критерий) уравнивания (т.е. принцип построения равенства) различных фактических объектов - это такая характеристика этих объектов, для которой фактические различия условно безразличны (по данному основанию, критерию). Равенство - это процедура условного снятия различий (их принципиального игнорирования, редукции) и условного отождествления. От фактического (с его различиями и т.д.) происходит переход

в условную плоскость, в некую *новую форму* соотношений, к формальному, *принципиальному*: каждая форма - это условная форма; ее условность (т.е. условие перехода к этой форме отношений и действия этой формы) - это и есть соответствие принципу равенства. **Принцип каждой формы равенства** - это условность и условие перехода от фактических различий к условному равенству, т.е. это условие уравнивания, *условие безразличия к различиям*.

Здесь встает вопрос: берется ли это основание (критерий, принцип) из самой фактичности и трансформируется в новое качество (принцип) или оно привносится откуда-то в эту фактичность? Т.е. фактичен принцип или формален, задан или привнесен? Два различных дерева, или зверя, или человека условно уравниваются и предстают как два одинаковых объекта; в математике как 1 и 1, дающие в сумме 2. Если бы в природе не было больше одного объекта, их нельзя было бы уравнивать (хотя бы по числу). Следовательно, одно из необходимых условий уравнивания и вообще возможности равенства - это наличие *множественности* объектов - не для того, чтобы их считать, а чтобы вообще возникла *идея равенства*. Для *возможности равенства* необходимы *различия*. Счет (и арифметика) - частный случай равенства и *исторически*, видимо, не исходный, не самый ранний. Этому равенству должно было бы предшествовать более глубокое, социально-биологическое, да и собственно человеческое. Что же именно?

Прежде чем сложить двух медведей как $1 + 1$, необходимо было понять и увидеть, что оба они - медведи, а чтобы сложить медведя и волка как $1 + 1$, надо было пройти еще больший путь *абстрагирования от различий* - на пути к чистому числу.

Надпись на полях: *Т.е. на пути человека к равенству была организация окружающего его мира (космизация - движение от хаоса к ...), т.е. сокращение мира - по видам, родам объектов - равенство по родам, видам объектов, т.е. генетическое равенство.*

Идентификация объектов предшествовала их уравниванию.

Числовое (арифметическое) равенство - более абстрактное равенство, чем все остальные типы равенства, поэтому оно возникло позже. Поэтому же внутри математики в целом числовое (арифметическое) равенство (оно адекватно "демократическо-

му" представлению о равенстве - согласно Платону и Аристотелю) возникло позже геометрического равенства, которое менее абстрактно (и адекватно "аристократическому" представлению о равенстве - согласно Платону и Аристотелю).

Род, вид, счет, весы, деньги - первые воплощения и инструменты (средства) измерения равенства в социальной жизни; с ними тесно связано **право**: у греков (об этом говорил и Аристотель) законы (*nomos*) того же корня, что и денежная монета (*nomisma*).

Всякая организация, всякое упорядочение различий (в природе и социальной жизни) требует абстрагирования от несущественных (с точки зрения данного типа организации и данных целей упорядочивания) различий и, следовательно, включает в себя момент *уравнивания* различных объектов. Принцип уравнивания (безразличия ко всем различиям, кроме *одного*, которое становится *мерой* и масштаб измерения, *критерием* построения и функционирования) данной организации, данного порядка) является принципом *экономного* отношения к различиям. Чтобы овладеть хаосом различий (бесчисленным множеством различных объектов), надо отвлечься (абстрагироваться) от второстепенного и сосредоточиться на главном; это главное (для данной организации и данного порядка) есть его принцип и критерий *уравнивания*. Процесс уравнивания - это перевод хаотических различий в упорядоченное состояние неравенства по какому-то *одному основанию*. Это основание - принцип (масштаб и мера) равенства. Уже различия в животном стаде и вообще в животном мире *упорядочены* опытом соотношения сил. Т.е. хаотические различия переведены (по принципу силы - физической и психической) в неравенства. **Равенство - это не состояние, а лишь средство перевода различий в неравенства.** Т.е. **равным является лишь мера измерения**, взвешивания и т.д., т.е. равенство состоит лишь в том, чтобы различия измерять одними и теми же весами с одними и теми же гирями. И ничего больше.

Принцип равенства как раз и состоит в том, чтобы различия упорядоченно представить (упорядочить) как *неравенства*, иначе имела бы место простая *ошибка* или *обман*.

Но в историческом движении есть и отказ от различий - увеличение оснований равенства и уравнивания.

Принцип всеобщности равенства перед законом вовсе не означает равенства всех в их правах, а наоборот, означает неравенство их прав. Равенство перед законом означает равную правоспособность, т.е. формально равную возможность фактически приобретать права и нести юридические обязанности, что, конечно, зависит не только от *дееспособности* (которая уже различна у разных людей), но и от фактических различий людей. Нет двух людей с одинаковыми правами (одинаковым, идентичным объемом прав) даже при равной правоспособности и дееспособности: у каждого - свои (неравные с другими) права (права на свое имущество и т.д.).

Неравенство прав формально отражает (на одних и тех же весах) фактические различия людей - в этом принцип равенства, равная мера правового опосредования, "взвешивания" и измерения фактических различий людей и их реальных положений.

Равенство - это момент унификации (точнее было бы сказать - *униформации*) разнообразного, различного множества по классам, родам и видам, *придание множеству различий ограниченного числа значений*, чтобы привести эти множества различий к виду, удобному для социального логарифмирования, т.е. для овладения и управления им. Управление невозможно без уравнивания, поскольку оно имеет дело не непосредственно с каждым, а с группами, типами классификации множеств. Управление - это социальное логарифмирование. Тут важно соблюсти следующие условия: успешность (и эффективность) управления, его адекватность управляемому объекту зависит от того, насколько принцип уравнивания (т.е. единообразия, униформация) не мешает проявлениям и функционированию, словом, жизни фактических различий и многообразий (не губит их). Хорошее управление - это то, при котором его принцип равенства в чем-то одном не губит разнообразие в остальном.

Надпись на полях: *Т.е. правовая классификация множеств по группам и статусам: принцип самоидентификации целого должен быть преломлен и представлен в признании классификации по видам группового статуса. Самоидентификация целого и структурирование его по группам - это один принцип равенства.*

Принцип равенства, имеющийся в любой организации уп-

равления обществом, структурирует управляемую систему. Сам *принцип равенства* имеет иерархическую структуру, т.к. любое общество - это хаос фактических различий и космос форм (...) неравенств. Прогресс принципа равенства (исторический и логический) - это движение (историческое и логическое) от хаоса к космосу; это выявление все новых и новых сфер для приложения и экспансии принципа равенства, всех новых оснований, вариантов и методов для социального логарифмирования. Этой тенденции к унификации (монолизации) и к единообразию (уровню, т.е. фактическому равенству), кажется, противоречит тенденция к индивидуализации и многообразию фактических различий (т.е. тенденция к плюрализации). Монолизации противостоит плюрализация. Можно сказать: тенденция к эгалитаризации противостоит тенденции к плюрализации (разнообразия различий). Но это не противоположные тенденции, т.к. любая плюрализация (и разнообразие различий) протекает в рамках определенного единообразия, одного определенного эгалитарного принципа, определенной униформы, в границах определенного равенства.

Важно:

- 1) разнообразие в рамках какого равенства (какой униформы)?
- 2) насколько то или иное равенство дает пространство для разнообразия и в чем?

Ясно, что чем натуралистичнее критерий ("принцип" в кавычках, т.к. принцип всегда сверхнатуралистичен, условен, теоретичен, в той или иной степени абстрактен, логичен и т.п.) уравнивания, тем он жестче против фактических различий, тем он жестче за единообразие, тем меньше плюрализма он допускает, тем более он *произволен* в отношении к живой жизни. Например, равенство по полу при матриархате или патриархате (все равны как женщины, все равны как мужчины), или все равны как охотники, рыболовы, пастухи и т.п. И, наоборот, чем абстрактнее критерий (и принцип) уравнивания, тем больше простора остается для разнообразия. Например, все равны как члены этого рода, приверженцы этой религии, как члены человеческого рода (т.е. как люди). Но что значит это равенство? Оно значит безразличие к одним различиям и внимание к другим. Равенство

- это средство и принцип упорядочивания *иерархической* системы неравенств. Иначе говоря, равенство - это всеобщий принцип (... , основание) легитимации хаотических различий в виде всеми признаваемых неравенств на основе генерального принципа самоидентификации целого - в этом справедливость этого равенства. Когда хаотичность различий грозит войной и анархией, всегда находится *новый критерий (более абстрактный?)* для равенства, чтобы "преодолеть", "снять" наиболее острые, конфликтобразующие различия (ЗВ, исторически: различия между членами различных родов и религий, между свободными и рабами, между различными сословиями, между имущими и неимущими и т.д.)

Надпись на полях: *Новый принцип самоидентификации целого.*

Основная характеристика и, следовательно, крайний предел человека - это его характеристика как разумного существа. Поэтому в крайне перспективе возможен принцип равенства между умными и глупыми (чтобы снять противоречие, различие между ними). Видимые признаки тенденции к этому: рост роли общественного мнения и вообще мнения (право на выработку всеми своего мнения, свободу слова и т.д., словом, равенство мнений.

- Сравни: уравниловка Платона с его господством философов, противопоставлением знания и мнения) и современная уравниловка (с безразличием к различиям между мнением и знанием). Дело, как будто, идет к тому, о чем говорили другие философы XVIII в.: мнение правит миром. Раз все равны, то и мнения их равны - такой исход уже давно готовится и зреет. Но не идет ли уравниловка дальше этого, когда говорит о равенстве людей как просто потребителей (не обязательно даже имеющих свое мнение)? Этот натуралистический принцип равенства является регрессом по отношению к прогрессу абстракции в новеллизации и модернизации равенства.

Надпись на полях: *Сейчас люди равны перед законом, но своего государства, а не другого. Т.е. как члены человеческого рода они пока здесь не равны. Это правовой аспект.*

Общая схема происхождения равенства:

- множество различий, хаос фактического множества;

- идентификация и дифференциация объектов;
- самоидентификация целого, т.е. общества, рода и т.п. (генеральное равенство, принцип всеобщего равенства для данного целого)⁶³, когда все являются членами данной группы и в этом смысле равны друг другу и отличны от других групп (рода, племени, общества, государства);
- равенства и неравенства внутри и в рамках этого всеобщего, генерального принципа самоидентификации.

В этой всеобщности принципа самоидентификации - корень справедливости (соответственно, равенства и неравенства). Отсюда и роль самоидентификации (целое) равенства в качестве общезначимого справедливого средства легитимации остальных фактических различий в виде правомерных (правовых) неравенств. Самоидентификация целого - это равенство всех как членов целого "Мы", противостоящих всем остальным ("не-Мы", "Они" - см. работу Поршнева). В этом членстве всех в "Мы", в равном соучастии в "Мы" - момент всеобщего равенства и момент права, основание справедливых, равных и общеобязательных норм для данного сообщества, включая признание всех остальных различий и, соответственно, неравенств внутри "Мы". Принцип самоидентификации дифференцирует (дистанцирует) от внешних "не-Мы" и структурирует внутреннее состояние "Мы".

Диалектика соотношения и взаимосвязи внутреннего и внешнего моментов (сил) внутри "Мы" и между "Мы" и "Они": "Мы" возникает в дифференциации и противоположности к "Они", но это формально (формальный характер групповой самоидентификации и равенства), при этом материал "Мы" и "Они" с их фактическими различиями уже *преддан, задан*, и принцип лишь легитимирует и модифицирует структуру различий этого предданного материала.

Надпись на полях: *Новое и старое.*

Универсальность принципа идентификации и дифференциации проявляется в следующем:

- в неживой природе - элементы таблицы Менделеева (т.е. классификация элементов), притяжение и отталкивание;

⁶³ Например, все члены тотемной группы равны перед тотемом и т.п.

- в растительном мире - опыление (оно происходит по родам и видам как своего рода бессознательная самоидентификация);
- в животном мире - стадность, борьба видов и т.д.;
- в человеческом мире - организация различных форм общезжития ("Мы", "Они" и т.д.).

При этом только в человеческом мире происходит сознательная самоидентификация, результатом чего является возникновение формального момента, абстрактного принципа и идеи равенства (и, следовательно, неравенства) - в отличие от различных фактически данного. Руссо, говоря о происхождении неравенства, упускает из виду, что: 1) происхождение неравенства - это и есть по сути и по времени вместе с тем и происхождение равенства (идеи и принципа равенства) и 2) до принципа равенства и неравенства были фактические различия; неравенство же есть признаваемое и легитимируемое различие, ... различие, увиденное с точки зрения принципа равенства.

С возникновением частной собственности появляется новый принцип самоидентификации общества (расколотого на собственников и несобственников), новый тип равенства и неравенства. Но и до этого были принципы самоидентификации, равенства и неравенства, а не просто различия; были типы легитимации этих различий; было правовое равенство и неравенство прав. Определенный тип самоидентификации общества (*соответствующий периоду появления частной собственности - В.Л.*) с определенным принципом равенства и неравенства не следует считать ни исходным, ни тем более единственным. Суть этой стадии и этого принципа самоидентификации и равенства (индивидов) - легализация и защита частной собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями - отсюда и соответствующее законодательство. А до этого не было собственности (был ... принцип общего доступа ко всему), хотя исподволь уже появлялась личная собственность. Новая самоидентификация привела принцип в соответствие с реальностью *в пользу собственников* - и это был прогресс, поскольку была преодолена первобытная уравниловка. Собственность появляется как частная собственность (когда стали производить больше, чем проедать - см. Энгельс об этом).

В чем состоит логика прогресса (и изменения) принципа са-

моидентификации равенства в реальной истории и правовом выражении? Чем этот принцип отличается от Grundnorm и конституирующего принципа Г. Кельзена? Собственно, этот *конституирующий принцип* и есть критерий и принцип равенства, *правовой* принцип, и все общеобязательные нормы соответствуют этому принципу, являются нормами закона, соответствующими праву данного общества. Возможно существование законодательства, продиктованного разными конституирующими принципами (случай *смешения разных принципов равенства*).

Принцип и подразумеваемая им фактичность - важный аспект темы.

Элементы, моменты, аспекты социальной жизни, определяющие выбор конституирующей нормы: принадлежность к роду (с его тотемом), возможность иметь собственность (частную собственность), сословность, личная независимость, общая собственность и т.п. Национальное своеобразие правовой системы - наличие изменчивого момента этно-национального "Мы" для данного общества (в противоположность к "Они") наряду с новым конституирующим принципом ...

Для первобытного общества важно не отсутствие частной собственности или наличие общественной собственности ... Конституирующий принцип этого типа общества состоит в том, что *все равны как члены данного рода* (кровно-родственное единство "Мы"). Здесь естественная кровно-родственная самоидентификация (*сознательная стадность*) "Мы" (все - члены рода "Мы") совпадает с формальным (искусственным) конституирующим принципом. Культурный принцип естественной стадности ... *Погрывает:* отсутствие у членов стада чего-то такого, что нарушало бы стадность, и поощрение всего стадного. Фактические различия признаются в рамках иерархии, продиктованной задачей и целью естественного выживания рода; в соответствии с этим и неравенство членов рода (пол, возраст, вид занятий и т.д.). Фактические различия в доступе к средствам пропитания, орудиям труда и т.д. - естественно прогрессирующий и легальный процесс, ведущий к поляризации богатства и бедности, к *увеличению личного* (лично-семейного) *имущества*, личного владения, пользования, распоряжения. Принцип рода

прямо не запрещает увеличение личного имущества, но не знает частной собственности и форм ее легализации.

Это главное: *новое* (личное богатство) появляется в рамках подразумеваемых и даже прямо допускаемых *старым принципом* легальных форм жизнедеятельности, труда, накопления, и прогрессирующие средства производства позволяют увеличить *личное богатство* (и, следовательно, *личную бедность*) до степени *нового качества*, требующего легализации, т.е. нового принципа самоидентификации рода (раскол на богатых и бедных) и нового принципа равенства по новому основанию. Старое "Мы" отчасти сохраняется (в вылинявшем виде - этнический элемент и момент, второстепенно значимый, в семье, государстве и т.д.), отчасти раскалывается на новые "Мы" и "Они" (богатые и бедные). Признание личного богатства как частной собственности требует разрыва родового принципа, независимости от кровнородственных отношений общественной жизни, требует другой (государственной) организации социальных отношений. *Главное здесь* - легализация личного богатства как своего, т.е. частной собственности. Это требует развития производительных сил и производительности труда, отхода от работы на род по уравниловке без частного интереса. *Тут главное* не частная собственность как таковая, поскольку род (и коллективность родовой жизни) не знает вообще никакой собственности (Демокрит: "в общей рыбе нет костей").

Принцип последовательного развития и нового равенства - легализация наличного богатства и новых приобретений в виде права всех на наличное и приобретаемое имущество как на собственность (индивидуальную, семейную, групповую, общую). Таким образом вводится новая форма легализации приобретения, владения, пользования и распоряжения имуществом - *статус собственности вообще* (а не индивидуальной частной собственности): в древности как раз превалируют семейные, групповые и даже общегосударственные формы собственности, а не сразу - индивидуальная частная собственность в позднеримском или буржуазном смысле абстрактной частной собственности (которой, кстати, никогда не было, поскольку социальность, целое всегда ограничивали пределы частной собственности). *Появление собственности* означает распад родовой стадности и кол-

лективности как достаточного целого. Необходима реорганизация целого, которая соответствовала бы наличию собственности и собственников.

Принцип равенства здесь: всякое имущество имеет хозяина (одного или нескольких), все могут быть собственниками, за всеми признается (и защищается) право собственности на то, что у них есть и что они впредь приобретут. Эта свобода (право) собственности не ликвидирует, конечно, принципа кровнородственных связей, но отодвигает его на задний план, т.е. старый принцип сохраняется в ситуации нового принципа в качестве второстепенного момента. Самоидентификация целого здесь - *общество собственников* (и, следовательно, возможность наличия и тех, кто не имеет собственности, несобственников, бедных и т.п.).

Легализация собственности подразумевает возможность рабства и неизбежно ведет к нему бедных и слабых, которые становятся объектом собственности. Исторически дело шло к тому, чтобы "своих" (т.е. членов прежнего кровно-родственного "Мы" данной этнической группы) освободить с течением времени от рабства, запретить долговое рабство и т.п. (ЗВ, афиняне при Солоне и т.д.), сохранив рабство "чужих" ("не-Мы"). В этом проявлялись роль и значение старого принципа самоидентификации. Впрочем, рабство как форма собственности противопоставлялось параллельному росту поляризации богатства и бедности и развитию форм зависимости бедных от богатых. Появление *института собственности* лишь формализовало и легализовало уже сложившиеся наличные формы личной и имущественной зависимости одних от других в виде определенного вида собственности - собственности на рабов, которые даже для Аристотеля и римских юристов были лишь видом имущества ("говорящее орудие" труда).

Другая важная предпосылка равенства в том, что человек в родовом строе *не был свободен как индивид*: раньше он служил роду (хозяину всего), теперь - собственнику (группе, индивиду, чужой семье, государству и т.п.). По сути человек здесь меняет лишь хозяина и работодателя; он не теряет свободу, которой у него как индивида и не было (он еще не лицо, не личность, не свободный индивид - ни в родовом строе, ни при рабстве), он

пока еще не становится свободным, каковым он может стать *лишь как собственник*.

Раньше человек был свободен (равен и прав) *лишь как член рода*, не как индивид, т.е. отдельное самостоятельное лицо. С появлением собственности появляется *возможность* личной свободы в качестве собственника (в древнеримской семье ... в качестве индивида, личности, юридического лица, т.е. в качестве собственника выступал лишь глава семьи (*pater familia*), остальные так или иначе были несвободны). Аристотель ставит семейные отношения, как и отношения господства и рабства, вне политики и права как отношений *равных*, отношений по принципу равенства. Как индивид, как отдельное лицо достигает личной независимости и свободы лишь в собственности (все равно - индивидуальной, групповой или коллективной). Например, члены полиса, т.е. свободные индивиды, - собственники общеполитического имущества, а члены рода - не собственники общеродового имущества, а лишь потребители и пользователи его.

Гегель не прав, когда говорит: 1) что собственность исторически появляется как *частная собственность*; 2) что свобода (и право) находит свое первое выражение в частной собственности. Дело в том, что: а) была и групповая, и коллективная, и индивидуальная собственность (во всей античности и даже в средние века); б) *исторически* с появлением собственности (и параллельным разрывом с родовой коллективностью, стабильностью и зависимостью) появилась одновременно и индивидуальная *независимость* собственника (от рода, других и т.д.), свобода человека как индивида, отдельного лица, а до этого - *свобода и право человека лишь как члена рода*. С появлением *личной свободы* (у собственника) появляется одновременно и личная несвобода (у несобственников - в виде тех или иных форм личной зависимости одних от других, т.е. *рабство*). Постепенно, исторически все "свои" (члены "Мы") стали свободными (за счет богатых "своих", а также коллективных форм собственности (в чем проявилась социальная функция целого "Мы", т.е. государства).

Феодализм - это период перехода от *строю собственности с личной зависимостью* в виде рабства, т.е. собственности на производителя, на человека (Маркс о внеэкономическом при-

нуждении) к *строю собственности с личной независимостью* (экономическое принуждение). При феодализме сохраняется собственность (еще не совсем частная собственность), сопряженная с различными формами личной зависимости: от неполной собственности на человека (крепостничество), до различных форм сюзеренства, вассалитета, отношений мастера и подмастерья и иных форм внутрицеховой личной зависимости). Многообразие форм собственности при феодализме - свидетельство разнообразия форм личной свободы и несвободы членов различных сословий, показатель ослабления, размывания и постепенного преодоления жестких форм личной зависимости в виде предшествовавшего рабства. Прежние рабы (в виде ... и т.д.) оказались в деревне более зависимыми (вплоть до крепостничества, очень близкого к рабству), а воздух городов делал людей свободными. Сословия феодального общества - это формализация и легитимация реальных форм общественных отношений, сложившихся на предшествующем этапе *функционирования собственности*, умножения форм собственности, приобщения (в той или степени, в том или ином виде) к собственности все большего числа людей, освобождения "своих" от рабства, сокращения резерва рабства из "чужих", размыва противоположности рабовладельцев и рабов, промежуточной ... полусобственников-полузависимых (лично) людей.

Это - свидетельство кризиса первичного ("рабовладельческого") типа собственности, в основе которого - незаинтересованность раба в повышении производительности труда и развитии производства, в работе на собственника. Прежняя собственность (с резким делением на собственников и несобственников и, соответственно, свободных и рабов) перестала нормально и эффективно функционировать.

Надпись на полях: *Правда, уже некоторые богатели и откупались на свободу.*

Феодализм - это форма привилегий и приобщения к: 1) частной собственности или 2) результатам хорошего труда на чужой собственности прежних несобственников (рабов, полусвободных и т.д.) в рамках сословной организации общественной жизни - при смягчении форм личной зависимости.

Подразумевается: *будущее* имущество сверх определенного размера (= плата за личную зависимость) станет *собственностью* хорошо работающего работника. Иначе говоря, феодализм предоставляет *экономическую возможность* (в той или иной мере) стать собственником (правда, при жестком крепостничестве ...). Главное тут - интерес работника (лично зависимого) в результате труда и *возможность стать собственником*, но в границах сословия. В конце капитализма разбогатевшие члены третьего сословия могли получать дворянские титулы (об этих "мещанах во дворянстве" хорошо писал Мольер). Феодализм - это сложный тысячелетний путь к *сословности с личной свободой* и независимостью, проба форм и вызревание условий для всеобщей свободы.

Буржуазный строй - принцип *личной свободы* с собственностью или без собственности (правда, как говорил Маркс, собственность на свою рабочую силу - это тоже собственность). Здесь все свободны, лично независимы, равны перед законом. Всеобщая личная свобода и независимость - индивидуализм - частная собственность (которая никогда не является абсолютной, поскольку *есть социальная функция целого*). Принцип равенства тут - *равенство всех перед законом*, формальная свобода всех, независимость друг от друга. Но неверно, что буржуазное право (равная мера для неравных) основная и единственная форма права и единственный принцип равенства (иначе "буржуазное право"...). Тут впервые всеобщее равенство людей как индивидов, (... перед законом), экономическая зависимость, т. е. *частная собственность*. Подразумевается: все равны *в возможности* приобретать собственность (в пределах равного для всех закона, его дозволений и запретов), этого нет при феодализме и рабстве (нет и при родовом строе).

Далее, ликвидируется частная собственность ... личная свобода и независимость, равенство всех перед законом (... равенство всех трудящихся перед законом). Главное тут - отсутствие частной собственности, эксплуатации одними *индивидами* других, отсутствие экономической зависимости *индивидов друг от друга*. Принцип: от каждого по способностям, каждому по труду в рамках общественной (государственной) собственности.

Личная собственность - потребительская собственность (это

не есть частная собственность на средства производства, т.е. производительная собственность).

Право не равно уравниловке.

Уравниловка и потребительское равенство. Производительное равенство (уровень производительности труда).

Потребительная собственность (потребление) и стимулирование производительности труда. Равенство и дифференциация в потреблении (потребительная собственность). Право на потребительский минимум (из всеобщего равенства по отношению к средствам производства, отсутствия частной собственности и ликвидации эксплуатации) плюс возможность потребления более необходимого минимума (до максимума) *по труду*.

Всеобщее право (и обязанность) на труд, потребление больше минимально необходимого (до максимально возможного) за лучший труд. ... В отличие от ... здесь есть собственность и собственник (общество, государство).

Индивидуальная трудовая деятельность и проблема потребительной и производительной собственности.

Групповая кооперативная и колхозная собственность как формы негосударственной производительной собственности...

"Право как *воля господствующего класса*" = правовое значение принципа *самоидентификации* (принципа равенства для данного общества).

ПРАВО И ЗАКОН: ИХ РАЗЛИЧИЕ И СООТНОШЕНИЕ

*сокращенный вариант статьи В.С. Нерсесянца⁶⁴,
подготовленной в 1977 г. для журнала "Советское
государство и право", но не опубликованной⁶⁵*

Соотношение права и закона (законодательства) этих двух ключевых и наиболее употребимых понятий юридической науки и практики, относится к числу проблем, недостаточно исследованных в общей теории права.

В работах советских юристов 20-ых и начала 30-ых годов (Е.В. Пашуканиса, П.И. Стучки, И.П. Разумовского и др.), не потерявших в целом ряде отношений свою значимость и для современного этапа развития юридической науки, в связи с исследованием проблем сущности права, общего определения его понятия и т.д. были освещены и некоторые аспекты соотношения права и закона⁶⁶, но их трактовка данной темы, наряду с несомненно позитивными моментами, отмечена в заметной мере теми же недостатками, которые в целом были присущи теоретико-правовым исследованиям тех лет и уже подробно обсуждались в нашей литературе.

К сожалению, плодотворные и рациональные моменты их подхода к названной проблеме, как впрочем и вся эта проблема в целом, остались вне поля зрения исследователей в последующие десятилетия. В определенной степени это связано с тем, что получившее в юридической литературе с конца 30-ых годов широкое распространение определение права по сути дела под "правом" имеет в виду результат государственного нормотворчества, "позитивное право" и, следовательно, сводит право к закону (законодательству), отождествляет их.

⁶⁴ Старший научный сотрудник ИГПАН СССР, доктор юридических наук.

⁶⁵ Отрицательные рецензии на статью приводятся далее по тексту.

⁶⁶ Работа П.И. Стучки "Революционная роль права и государства" содержит даже специальный раздел "Право и закон". См. П.И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, - Рига. - С. 162-179.

Известно, что с критикой этого определения права в нашей и зарубежной социалистической правовой литературе выступили ряд исследователей. При всем различии их позиций приверженцы более "широкой концепции права" видят главный недостаток ныне господствующего в литературе определения права в его "узконормативном" характере, для преодоления чего и предлагается включить в понятие права, наряду с нормами, также и правоотношения (С.С. Кечекьян, А.А. Пионтковский и др.), правоотношение и правосознание (Я.Ф. Миколенко и др.), субъективное право (Л.С. Явич и др.) и т.д.⁶⁷ Эти и другие схожие предложения по своему смыслу и целям продиктованы интересами дальнейшего развития социалистической теории права, повышения практической действенности права, его реализации в жизни, усиления юридических гарантий прав и свобод личности, расширения профиля общеметодологических исследований в правовой науке, преодоления имеющихся недостатков в определении понятия права и т.д.

Всю эту несомненно важную и актуальную проблематику, на наш взгляд, плодотворнее обсуждать в перспективе различения права и закона. Поэтому, отдавая должное большой научной и практической значимости усилий приверженцев указанной "широкой концепции права", мы вместе с тем полагаем, что их полемика против сторонников распространенного определения права носит непринципиальный характер, поскольку и те, и другие, не различая право и закон, по сути дела в своих теоретических построениях остаются в рамках "позитивного права", т.е. государственного нормотворчества, зако-

⁶⁷ Подробный обзор различных вариантов подобной "широкой концепции права" см. Лукашева Е.А. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений ("Советское государство и право", 1975, № 4. - С. 29-36). Здесь уместно обратить внимание на двойственность позиции Я.Ф. Миколенко: его определение права ("право - это закрепленный и охраняемый государственной властью порядок общественных отношений в качестве волевых") не согласовано с его же суждением о том, что "понятием права охватываются не только нормы права, но и правоотношения, и правосознание" (см. Миколенко Я.Ф. Право и Формы его проявления// "Советское государство и право", 1965, № 7. - С. 52). Более того, это определение права создает впечатление, будто "волевое качество" придается "порядку общественных отношений" впервые лишь благодаря государственной власти.

нодательства. Недостаток существующего определения права, на наш взгляд, не в его "узконормативности", как это полагают сторонники "широкой концепции права", а в "узкогосударственно", трактовке истоков, смысла и характера этой правовой нормативности, что в равной мере присуще позициям обеих спорящих сторон. Более того, в этом споре сторонники ныне господствующего в литературе определения права занимают логически более последовательную позицию, когда вполне обоснованно подчеркивают неверность включения в понятие права одновременно и нормы, и таких ее производных, как правоотношение (С.Ф. Кечекьян, А.А. Пионтковский) или субъективное право (Л.С. Явич)⁶⁸, и тем более такого ненормативно трактуемого феномена, как правосознание (Я.Ф. Миколенко).

... Указание на нормативность права является достоинством, а не недостатком распространенного ныне определения права. Недостаток же его состоит, по нашему мнению, в неразличении права и законодательства и в связанной с этим "узкогосударственной" трактовке нормативности. Различение права и закона (законодательства), из которого мы исходим, включает в себя также и различение правовой нормы и нормы закона (законодательства).

Целью нашего обращения к концепции различения права и закона является попытка более четкого понимания смысла правовой нормативности характера и механизма ее связи с государством (государственным признанием, санкционированием, формулированием соответствующей правовой нормы и обеспечением ее официальной защитой и т.д.), а вовсе не отрицание нормативности права им закона (законодательства) или роли го-

⁶⁸ Позиция Л.С. Явича, на наш взгляд, именно такова, ибо субъективные права он признает лишь постольку, "поскольку они зафиксированы в правовых нормах, в объективном праве". - См. Явич Л.С. Гносеологические вопросы общего учения о праве. "Правоведение", 1976, № 1. - С. 21. Поэтому предлагаемое им "широкое" понятие права, включающее в себя одновременно объективное и субъективное право, во всяком случае не выходит за рамки "позитивного права". В свете позиции самого Л.С. Явича, а тем более сторонников существующего определения права остаются непонятными его слова о том, что в советской общей теории права "время от времени все же встречаются случаи отождествления права и законодательства" (там же, с. 18).

сударства и его связи с правом и т.д. Правильный подход к данной проблематике требует, на наш взгляд, принципиального и последовательного различения таких разных (не только по своей этимологии, но и по предметному содержанию, смыслу и назначению) понятий, как право и закон (законодательство)⁶⁹.

Теоретико-методологическая обоснованность и плодотворность подобного различения очевидна в свете огромного опыта истории правовых учений и особенно истории формирования и развития историко-материалистической концепции права и законодательства, марксистской общей теории государства и права. Конечно, указанное различение, как и вообще всякая концепция, - не панацея от недостатков, но в качестве теоретически осознанного принципиального положения оно может, на наш взгляд, содействовать более ясному пониманию и верному решению ряда актуальных и дискуссионных проблем юридической науки и правовой практики.

В рамках данной статьи, где по необходимости приходится ограничиваться беглой и фрагментарной аргументацией, представляется целесообразным остановиться прежде всего на некоторых главных моментах историко-теоретического введения к тематике "право и закон".

... История правовых учений показывает, что в концепциях, различающих право и закон, под "правом" (все рано, обозначается ли оно как "естественная справедливость", "естественное право", "естественный закон", "естественный разум", "природа вещей", "разумный закон", "идея права" или просто как "право") по сути дела имеется в виду нечто и по времени, и по смыслу предшествующее и определяющее (первичное, безусловное, необходимое, обуславливающее, имеющее приоритет и т.д.) по отношению к "закону" (официальным установлениям, законода-

⁶⁹ Даже при отрицании подобного принципиального различия сплошь и рядом по необходимости приходится различать эти понятия, что особенно ярко проявляется, например, во всеобщем признании отличия системы права от системы законодательства и т.д.

тельству, позитивному праву). "Закон" в его соотношении с "правом" трактуется как нечто вторичное и обусловленное, как верно или неверно, хорошо или плохо изготовленный, сконструированный (т.е. искусственный) продукт человеческого творчества.

... Различение права и закона как теоретическая конструкция выполняет две основные функции: оценочную и объяснительную. Существо оценки при этом состоит в характеристике закона в качестве правового или неправового (антиправового) установления. При этом право выступает в качестве основания и критерия для суждения о ценности закона, его соответствии своему назначению и т.п. ... В своем оценочном отношении к закону право предстает как концентрированное выражение всех тех требований, без соответствия которым закон дисквалифицируется: закон, не соответствующий праву, - это произвол.

Оценочная функция концепций различения права и закона тесно связана с объяснительной функцией и опирается на нее. Требования к закону ("каким должен быть закон?") представляют собой лишь следствие соответствующей трактовки права (что есть право?). ... Рассмотрение того, что есть право в его соотношении с законом, по сути дела, представляет собой анализ как объективной природы и специфических качеств самого права, так и той совокупности факторов (природного, социально-исторического, духовного, психологического и т.п. характера), которые определяют и обуславливают правовые свойства закона, его надлежащее место и значение в человеческой жизни.

... Основоположники марксизма, подвергнув принципиальной критике идеалистические воззрения на общество, государство и право, вместе с тем не отрицали ни самой проблематики различения права и закона, ни рациональных моментов в предшествующей разработке данной темы, ни того реального общественно-политического содержания, которое стоит за этой проблематикой.

...Материалистический смысл положения о первичности права перед законом (и, соответственно, правовых норм перед

нормами законодательства) состоит, в частности, в том, что само право трактуется как форма материальных (экономических) отношений, как обусловленное их содержанием социальное явление. В этом, в частности, - принципиальное отличие материалистической концепции первичности права перед законом (в контексте различения права и закона и диалектической взаимосвязи: "материальные отношения - право - законодательство") от разного рода идеалистических трактовок как естественно-правового, так и позитивистски-нормативистского плана, которые вообще отрицают обусловленность права материальными жизненными отношениями. С точки зрения исторического материализма определяющим началом не только в отношении законодательства, но и применительно к праву как форме материальных отношений являются сами материальные общественные отношения.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ К ПРОЕКТУ "НАЦИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ДОКТРИНА РОССИИ"

Название проекта неудачное. Возможные варианты названия документа: "Доктрина развития науки России" (или "российской науки"); "Возрождение и развитие российской науки".

В целом, однако, более целесообразным представляется вести речь не о доктрине (с ее неясным смыслом и неопределенным статусом), а о федеральной программе "Развитие науки в России", которой следует придать государственно-правовой статус (федеральным законом или указом Президента РФ).

2. В Преамбуле следует, в частности, указать, что данный документ - это программа спасения и выживания российской науки, система принципов и норм, определяющих место и роль науки и ученых в российском обществе, стратегические цели, задачи, формы, средства и направления организации и развития науки в России в условиях современных преобразований.

3. В Преамбуле (для обоснования последующих более конкретных предложений) необходимо в той или иной форме отразить, в частности, следующие положения:

- Российская наука в современных условиях находится в состоянии глубочайшего кризиса и деградации. Старая система жизнеобеспечения науки и ученых разрушена, новой нет. Страна (во всех своих основных потребностях в науке) держится на научных запасах прошлого. Это "проедание" прошлых достижений науки - без ее непрерывного воспроизводства и развития - чревато невосполнимыми, катастрофическими последствиями для страны, общества и государства. К сожалению, реальное положение дел в этой области еще не осознано нашими государственными институтами и должностными лицами, ответственными за формирование и реализацию государственной политики по отношению к науке и ученым.

- Национальная наука великой державы имеет смысл, ценность и значимость только как современная мировая наука, как наука, стабильно находящаяся на самом переднем крае развития мировой научной мысли. Без такой передовой науки, строго говоря, и невозможно остаться в реальном статусе великой державы. Отсюда очевидна определяющая роль фактора непрерывного и прогрессирующего развития всех направлений фундаментальной науки как необходимой основы для развития прикладной науки и в целом для надлежащего удовлетворения актуальных и долгосрочных научных потребностей страны.
- Выживание, восстановление и развитие российской науки в современных условиях реально возможно лишь в случае безотлагательных экстраординарных мер государства по ее материально-технической, организационной и финансовой поддержке.
- Все крупные реформы и преобразования в отечественной и зарубежной истории сопровождались первоочередными мерами государственной власти по укреплению и повышению роли и значения науки, ученых, специалистов. Такой подход, к сожалению, полностью игнорируется в условиях современных российских преобразований.
- Науку делают люди, ученые. В современных условиях этот самый образованный и квалифицированный слой людей оказался по уровню жизни, размерам зарплаты и т.д. на крайне низких ступенях общественной структуры. Труд ученого стал самым дешевым в стране трудом. Сфера науки и научной работы потеряла свой прежний высокий официальный престиж и привлекательность. Этим во многом обусловлены такие негативные тенденции, как уход специалистов из науки в другие сферы, их эмиграция из России, примитивная и разрушительная коммерциализация науки, резкое уменьшение притока молодежи в науку. Все это дает основание для однозначного вывода: без коренного изменения государственной политики в этой сфере российская наука на многие десятилетия потеряет прежние позиции и потенциал.

4. В пункте 1 (начало абзаца 2) отметить: В современных условиях наука стала основой производства и самой мощной производительной силой. От уровня развития науки зависят благосостояние общества, положение и значимость страны в мире.

5. В пункте 2 следует снять критику "охвата всех направлений"; наряду с "задачей реорганизации сферы науки", нужно сказать и о задачах радикального изменения государственной политики в отношении науки и ученых.

6. В пункте 3 (абзац 2) снять положение о приоритете исследований общечеловеческого значения.

7. В пункте 4 (абзац 2) снять слова об "общественно значимых областях".

8. В пункте 5 (конец) сказать: "Региональная наука как необходимая и равноценная составная часть всей российской науки должна развиваться на базе и уровне достижений мировой науки".

9. В пункте 6 снять абзац об общественных академиях.

1995 г. (ориентировочно)

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

В процессе обсуждения и нормативно-правового закрепления (посредством Указа Президента РФ или иного нормативного акта) правового положения, задач и функции аналитических центров при Президенте РФ с точки зрения Института государства и права РАН принципиально важно различать две группы вопросов: 1) общие для всех аналитических центров и 2) специфические для Института государства и права РАН. Смысл этой специфики состоит в следующем: Институт государства и права РАН выполняет (будет выполнять) определенную работу по юридико-аналитическому обеспечению деятельности Президента РФ (по направлениям и проблемам, обозначенным в соответствующем Указе), будучи вне президентской структуры, аппарата и государственной службы вообще, вне рамок действующих исполнительно-распорядительных отношений и служебного подчинения, оставаясь, как прежде, в системе РАН (т.е. без двойного подчинения).

Работу Института по юридико-аналитическому обеспечению деятельности Президента РФ следует трактовать (в том числе и в возможных последующих документах и актах) как выполнение платного заказа на договорной основе.

Представляется, что все основные вопросы по определению, конкретизации, обеспечению и реализации такого заказа (содержательные, процедурные, технические, информационные, финансовые и т.д.) должны решаться лишь руководителями сторон (заказчика и исполнителя) - директором Института государства и права РАН и руководителем Администрации Президента РФ. Порядок этих отношений (включая все основные вопросы по постановке, реализации и оплате заказов) должны быть в той или иной обязательной для сторон форме документально закреплены.

В целом применительно к Институту государства и права РАН речь должна идти не об аналитическом центре при Президенте РФ, а об академическом институте, выполняющем (по соглашению) определенные функции юридического аналитического центра для обеспечения деятельности Президента РФ.

При регламентации общих для всех аналитических центров вопросов их правового статуса и т.д. представляется необходимым, в частности, конкретно определить:

- место и функции аналитических центров в процессе принятия президентских решений, включая подготовку соответствующих указов, законопроектов и т.д.;
- порядок, процедуру и т.д. формирования, получения и реализации аналитического поручения;
- права и обязанности участников отношений, складывающихся в сфере аналитической деятельности;
- правовой статус аналитического документа (результата аналитической деятельности);
- вопросы авторских прав лиц, подготовивших аналитический документ.

10.02.1995 г.

ТРУДНАЯ ПАРТИЯ БОББИ ФИШЕРА

Предисловие

Статья "Трудная партия Бобби Фишера" была написана В.С. Нерсесянцем в 1973 г. и отправлена в журнал "Шахматы", который издавался в Прибалтике. Вскоре им был получен ответ от главного редактора журнала (по-моему, это был Л. Рошаль), который очень сожалел, что не может напечатать статью. Позднее у автора было немало возможностей опубликовать этот материал в разных журналах, поскольку статья написана в жанре философского эссе. Однако он не стал этого делать (отчасти потому, что в тексте слишком много личного и откровенного, но главным образом потому, что поставленная здесь тема перестала его волновать).

Статья, конечно же, не о Фишере и его шахматной карьере. Она написана человеком, уже понимающим силу своего собственного дарования (автору было тогда тридцать четыре года) и размышляющим о долге человека перед своим талантом и призванием, о выборе между самоценностью творчества и тем жизненным успехом, который принято измерять славой и деньгами. Выбор, сделанный им тогда в пользу творчества, вовсе не был простым. Ведь людям, говорил он, как и армиям, нужны победы. И все же, обращаясь к самому себе, в одном из стихов этого времени он писал: "Преодолей в себе героя, преодолей - интригам баб, интригам строя воды не лей. И пусть останется пустое то бытие, где сложное и где простое - одно твое". Думаю, что точку для себя в этом вопросе автор поставил словами другого, более позднего стихотворения: "Вечная слава безвестным героям, так и не взявшим ненужных высот".

В.В. Лапаева

Роберт⁷⁰ Джеймс Фишер внес в шахматы, наряду со своими уникальными достижениями и партиями, также и свою личность. Он в заметной мере оживил интерес, и не только у себя на родине, к шахматам - не как к игре, спорту или искусству, а вообще как сфере жизни и области проявления человеческой личности. Большинство людей следивших за его шахматной карьерой последних лет с вниманием, которое обычно уподобляется остросюжетному детективу или мировой сенсации, и вовсе, вероятно, не разбираются в шахматах. Дело доходит до курьезов.

Во время матча в Рейкьявике одна старая русская женщина, перенесшая тяжелую операцию, спросила навестившего ее сына: "Ну, как играет наш Фишер?". Многих интересовала и продолжает интересоваться прорвавшаяся вместе о Бобби в шахматы жизненная сторона дела, своеобразная драма претензий, борьбы и успеха. Этический интерес к шахматной жизни несколько даже оттеснил на второй план спортивную сторону дела.

Бобби привлек к себе всеобщий интерес и интригующе скрылся с шахматного горизонта, невольно инспирируя разного рода слухи, версии и догадки вокруг своего имени.

Отваживаясь на некоторые субъективные суждения о нем, я вижу их оправдание в том, что Фишер заслуживает серьезного отношения не только со стороны профессиональных шахматистов. По совести говоря, интересных людей мало. Быть интересным трудно и печально. А Бобби Фишер, несомненно, интересный человек, что, другими словами, означает его подверженность страданию. Его теперешнее духовное смятение видится мне как пик его интересности и тупик славы.

Партии Фишера порой да очевидности светлы и ясны; сам он, напротив, скрытен, непрозрачен, темен, непроницаем. Подобное расхождение - хорошее свидетельство огромной работы по переводу личных, первоначально интуитивно-жизненных, установок и прозрений в общезначимое и общедоступное творчество. Таков собственно путь культуры в любой сфере человеческих достижений.

Я бы даже рискнул провести следующую параллель: ясное и

⁷⁰ Сам он просит себя называть Бобби.

темное у Бобби Фишера соотносятся в принципе так же, как внешне кристально прозрачные афоризмы Гераклита к их темному внутреннему смыслу. "Вечность - ребенок, забавляющийся игрой в шахматы: царство ребенка". Эта, видимо, несколько модернизированная передача мысли античного автора VI-V вв. до н.э., когда место шахмат занимало нечто другое, представляется конгениальной внутреннему характеру и личности Бобби Фишера.

И вообще современный чемпион мира, занятый поисками смысла своего существования в мировом потоке жизни и смерти, был бы приятно удивлен, встретив у знаменитого грека много созвучного себе. А глубоко присущий Бобби тип жизненного настроения, как мне кажется, вряд ли описан кем-либо глубже и точнее, чем датчанином Сереном Кьеркегором в "Страхе и трепете". После катехизиса "Всемирной церкви Господня" Бобби просто отдохнул бы на нескольких страничках из Гераклита и Кьеркегора, встретив, как говорится, родство душ.

Было уже подмечено, что Бобби Фишер не просто посвятил свою жизнь шахматам, но сами шахматы превратил в собственную жизнь. Подобная редкая по своей однозначности целеустремленность, доходящая до отождествления своей жизненной цели с достижением какого-то определенного успеха (в случае с Бобби - завоевание шахматной короны), неизбежно чревата последующим духовным кризисом и переоценкой ценностей, даже если (точнее сказать: тем более если цели реализуются). Как элегантно сказал поэт, "очарованья ранние прекрасны, очарованья ранами опасны". Бобби сегодня драматически наглядно иллюстрирует эту истину.

Дело в том, что жизнь больше и выше любой определенной и, следовательно, ограниченной цели, какой бы притягательной и возвышенной она ни казалась перед штурмом. И какой бы всеохватывающей ни была цель, жизнь все равно оказывается шире ее. Жизнь ведь и есть тот источник, из которого вытекают и вычитываются разные цели. Но за вычетом разнообразных целей у жизни остается свой собственный остаток. В этом смысле жизнь сама - последнее вычитаемое.

Конечно, цели в жизни неминуемы, однако сама она не сводима к ним: отдельный человек выше того или иного призового

или почетного звания. Слава, почести, отличия, звания и т.п. оказываются ловушками для талантливых людей. Невозможно иначе проявить свои способности (в том числе и уникальные, скажем, шахматные), как подчиняясь уже устоявшимся институтам и каналам, стандартам и канонам официального функционирования данного рода умения. Реализация уникального умения творить или играть сопровождается обрастанием отличиями и званиями. Публичное подтверждение способности оказывается своего рода стандартизацией творческого начала.

Субъективно людям кажется, что именно они творят почести и звания и завоевывают их, объективно же дело обстоит наоборот: люди добиваются тех званий, которые уже есть, подчиняясь тем правилам, которые тоже налицо. Звание, говорят, обязывает. И чем выше и почетнее звание, которого домогаются люди, тем меньше значат они без этого звания. Эта магическая сила звания, отличия и т.д. действует к счастью, лишь для тех, кто считается со всеми этими почестями и рвется к ним.

Имеются выразительные примеры и их игнорирования. Такой, например, остро переживающий проблему свободы человек, как Жан-Поль Сартр, в свое время отказался от присужденной ему Нобелевской премии, справедливо полагая, что быть Сартром - лучше и больше, чем быть лауреатом той или иной премии, которая ограничивает, урезывает и связывает человека как гораздо более разностороннее существо.

Бобби, конечно, не Сартр, да и спортивная специфика объективации шахматного умения такова, что без соблюдения необходимых официальных правил не дойти до шахматной короны. Но, судя по его шахматной биографии, он уже давно почувствовал наличие конфликта между творческим началом и правилами официального признания. Его война против этих правил, его претензии на экстраординарный путь к шахматному трону, его постоянные стычки с организаторами турниров и т.п., хотя внешне нередко оставляют впечатление вздора, неуживчивости и поглощенности личной выгодой, однако внутренне коренятся в ориентированности на творческое начало.

Правда, Бобби никогда не был полностью свободен от той внутренне противоречивой установки, которую можно выразить в виде неофициального пути к официальному званию. Времена-

ми он, видимо, склонялся к мысли вообще отказаться от борьбы за официальное звание, полагая, что быть Фишером больше, чем быть чемпионом мира. Но эти моменты внутреннего творческого порыва сменялись, как известно, официальными спортивными выступлениями, пока, наконец, официальный путь не привел к официальному званию.

Титул, таким образом, завоеван. Но, во-первых, не так, как ему хотелось бы. А, во-вторых, и это более существенно, завоеванное оказалось не тем, за что собственно велась борьба. Титул сам по себе ведь - лишь приз за спортивные достижения, он был уже и еще будет у многих, он не отражает ту творческую уникальность, на которую всегда претендовал Бобби. Иначе говоря, завоевание титула не решило и не могло решить внутреннюю проблему Фишера.

Всякое творчество (в том числе шахматное) - прежде всего самооценность, а не средство к другой цели, его смысл - в нем самом; и никакими официальными отличиями невозможно выразить творческую уникальность. Дело не в том, что приобретение титула не улучшает игру, а в том, что качество игры и титул в принципе вообще находятся в разных плоскостях, а их совмещение - лишь официально-спортивная условность по сравнению с безусловностью творческого начала. Это различие Бобби чувствовал всегда, а сейчас, видимо, острее, чем когда-либо.

Как ни парадоксально, но именно реализация цели ввергает человека, особенно такого, который всецело поглощен ею, в весьма грустную ситуацию, поскольку выясняется, что под целью подразумевалось несравненно большее, чем фактически получилось. Итог меркнет по сравнению с замыслом. Всепоглащающая творческая энергия, потраченная на пути к успеху, предстает в виде ограниченного и ограничивающего результата. Неповторимый и уникальный порыв, привлекательная неопределенность и живость творческого умения гаснут в тишине официального признания и шуме славы. И ни в одну из 64 клеток шахматной доски не уйти от той прозы жизни, которая для людей, сознательно отгородившихся от нее, проходит вместе со славой. И сейчас Бобби, оказавшись в тупиках разочаровывающей его славы, может про себя повторить слова мольеровского героя: "Ты сам этого хотел, Жорж Данден!".

Как ни трудно завоевывать славу, справиться с нею все же труднее. Именно эту разницу Бобби теперь переживает.

Слава, по существу, - это публичный язык (слова и мероприятия) широкого признания личности, и, следовательно, ее использования, эксплуатации. Публика вообще не может иначе признать чью-либо славу, так или иначе не используя ее. И если цели знаменитой личности не выше и дальше славы, она просто пускается в широкое потребление как очередной модный продукт. Это неминуемая и непреодолимая сторона славы. Поэтому действительно великие люди сторонились славы, считая ее вынужденной данью публичной значимости своего дела. Не застревая в этой ловушке, они преодолевали притягательное завихрение славы, нехотя, но твердо оставляя на долю публичного потребления то, что не удастся унести с собою дальше.

За все надо платить. Создается впечатление, что Бобби усвоил эту житейскую максиму в том смысле, что платить должны лишь ему, отмеченному славой. Но час славы означает как раз противоположное: это время оплаты публичных, а не личных счетов.

Строго говоря, у великого человека нет оплачиваемых счетов. Жизненные блага, которые достаются ему, прямо пропорциональны публичной эксплуатации его славы, что, другими словами, означает его прямую измену собственному призванию. В этом смысле скромность и бескорыстие - те ангелы-хранители гения, которые спасают его от кухни славы. Касаясь публичной эксплуатации славы, я имею в виду публику вообще, человеческое окружение и среду признания личности, а не только тех специальных организаторов и распорядителей славы, которые дирижируют массовым потреблением и снимают пенки с публичных блюд.

Любовь Бобби к славе и деньгам и острая неприязнь к тому, чтобы его использовали и на нем наживались разного рода проходимцы по эксплуатации чужой славы, - естественные и понятные чувства. Наивно, правда, рассчитывать на реализацию этих установок. Хотя Бобби и показал себя цепким защитником своих интересов и умелым выжимателем денег из ситуаций своего успеха, но ему все же не переиграть асов бизнеса. Однако суть дела состоит вовсе не в том, удастся ли Бобби свести к минимуму (или, ус-

ловно говоря, даже вовсе преодолеть) барьеры бизнесменов его славы. В конце концов, это всего лишь вопрос грамотного ведения бизнеса в сфере славы. Принципиальный вопрос состоит в том, что, отстаивая свои интересы в сомнительных закоулках бездорожья "слава - деньги", Бобби изменяет своему таланту. Он отождествляет творчество со славой, пахнущей крупными деньгами. Бобби так однозначно, целеустремленно и ослепительно шел к славе, что не успел приобрести столь необходимый иммунитет против нее. А одаренный человек без подобного иммунитета - грустное зрелище.

Нынешняя ситуация Бобби парадоксальна. Если он хочет, чтобы на нем не наживались, он сам должен перестать наживаться на своих шахматных способностях. Чтобы преодолеть чужую эксплуатацию своей славы, ему необходимо преодолеть для себя эту славу, выскочить за ее материально-денежный горизонт, оказаться по ту сторону ощущения славы как источника удовольствия и почестей.

Но это означает отказ от присущих ему с детства установок на славу и богатство. Последние - могучие стимулы, которые, видимо, ему здорово помогли, но ложные цели.

То, что Бобби сегодня разочарован, естественно, поскольку деньги, почести и т.п. вообще относятся к тем объектам, которые никогда не кажутся их любителям чрезмерными; напротив, их всегда недостаточно - такова их природа. В суетном и тщетном стремлении восполнить эту недостаточность есть нечто не только глубоко ошибочное, но и недостойное для одаренного человека.

Тупик славы, в котором оказался Бобби, может быть преодолен лишь той же силой, которая завела его сюда, - творческой энергией великого шахматиста. Бобби достиг славы, теперь ее надо преодолеть. Добиться славы может и просто талантливый человек, но преодолеть ее и быть свободным от ее оков может только творческий гений. Это собственно и означает идти дорогой своего творческого призвания, делать свое дело - делать то, что неповторимо только ты сам и можешь делать. Если уж так не повезло, что слава застала тебя живым, остаток жизни надо бросить на освобождение себя от ее бремени для нового творчества.

Бобби Фишер, конечно, не должен ориентироваться на чьи-

то ожидания и отвечать за их разочарования. Ему хватает своих. Он волен раздуть свою славу и обжигаться ею, требовать нереальные экстрагонорары, домогаться почестей или даже организовать сбор средств на собственный памятник. Уже то, что он успел сделать в шахматах, - уникально, неповторимо и, можно сказать, пахнет историей. Но очаровываться самому мраморным холодом этой историчности как раз и означает застрять на успехе и славе, тихо отходить в прошлое, гася огонь живой творческой активности и порыва к новому.

Нынешний тайм-аут Бобби после долгой серии решающих побед не кажется пока чрезмерным. Исполнение прежних целей требует их переосмысления и нахождения новых ориентиров, иначе некуда двигаться. В случае с Бобби, кроме того, есть свои специфические трудности. Сейчас, если я правильно понимаю существо его духовной ситуации, Бобби Фишер ведет наиболее трудную партию в своей жизни, творческое начало в нем борется против достигнутых успехов, талант, против славы, поэзия игры против прозы почестей, жизнь против истории. Чем бы дело ни кончилось, случай весьма поучительный.

В.С. Нерсисянц

ПРАЗДНЫЕ ФРАЗЫ

Приведенные ниже выражения и афоризмы, обозначенные самим автором как "Праздные фразы", в свое время (где-то в 70-80-е годы прошлого века) были частично напечатаны в "Литературной газете"

Поэтами рождаются, критиками умирают.

Людям, как и армиям, нужны победы.

Суровой, чем за истину в вине, карают за вину в истине.

Краткость - сестра таланта и мачеха гонорара.

Иногда кажется, что стоит только хорошенько подумать, как все прояснится, но, хорошенько подумав, убеждаешься, что это только кажется.

Войти в курс дела - уметь делать из слона муху.

Крайности сводятся.

Чтобы устроить рай в шалаше, нужны адские усилия.

Свобода - это незнание необходимости.

Не подсказывай Гамлету - быть или не быть.

Мужчины стали сексуально господствующим классом. Это взваливает на них бремя - как на тех, с кого спрос.

Бог с ним, с Цезарем, дайте жену вне подозрений!

Андромаха была тяжелей шапки Мономаха, но Гектор на это не жаловался, он, говорят, просто баловался.

Ссылаясь на историю, не путай Карфаген с саркофагом.

Курсив мой, говорил Посейдон, волнуя море.

Максимализм миниюбки.

И бесспорные истины рождались в споре.

Хозрасчетливый человек.

Стоит человеку прочно стать на ноги, как он теряет половину своей устойчивости.

Войдя в чужое положение, не располагайся там с комфортом.

Не ищи советов в изречениях.

Поэзия есть выбалтывание себя.

Если бы Бога не было, его нельзя было бы выдумать.

Все недостатки мира от того, что все в нем делается усталыми людьми. Ведь невозможно что-либо сделать, предварительно не устав и не измотавшись. И это тоже мысль усталого человека.

АВТОР О СЕБЕ

Из нагнисей на полях

Я постоянно готов к решению - ухватиться за вечное, все отбросив (т.е. ...вне- и сверх- значений - через ничто- к смыслу).

Я так много перечувствовал, перемог и переделал - и то тускло и только себя. Что после этого те, кто слабо ... ?!

Для того чтобы что-то начать делать, мне не хватает свободного завтрашнего дня. Для творчества необходимо свободное завтра, продолжающаяся ночь.

Дом

Этот текст, найденный среди черновых набросков, содержит воспоминания В.С. Нерсисянца из самого раннего детства, связанные с арестом отца в годы сталинских репрессий.

Я не люблю свое детство. Его тревоги и страхи неприятны мне до сих пор. Оно мне непонятно. Прорываясь к нему, я застаю на доме. Но это не постройка, а сгусток воспоминаний, ассоциаций, истоков и продолжений. Мне четыре года. Мамы нет, она уехала в большой город и, если все будет хорошо, придет с отцом⁷¹. Кто он? Я его не знаю, но охвачен предчувствием непознаваемости того, что с ним. Я хочу, чтобы всего этого не было, но понимаю, что не может не быть. Эта невозможность

⁷¹ Сумбата Меликсетовича Нерсисянца арестовали в августе 1941 г., а вскоре семья получила от него весточку, написанную на клочке бумаги, из которой стало ясно, что он находится где-то в Баку. И мать, Сиравард Саркисовна, поехала в Баку, судя по всему, в наивной надежде на какое-то чудо. Чуда, разумеется, не произошло. В Баку она мужа не застала, так как его уже переправили в Саратов. А в декабре 1942 г. они получили извещение о его смерти от пеллагры. Владик не верил в такую быструю смерть сравнительно молодого и физически очень крепкого человека, он считал, что отца в Саратове расстреляли.

угнетает меня. Осознание правды как неприятности дается мне тяжело. Трудно освободиться от иллюзии, будто невозможно, чтобы происходящее было нежелательным, неприятным. Я чувствую бремя ответственности, как судьбу, как то, что есть.

Весна. Я в саду у бабушки. Отхожу после купания. Появляется старший брат:

- Валь, мама приехала, пойдем.

Я хочу спросить про отца, но не решаюсь. Если мать вернулась не одна, брат (я тоже зову его "Валь") сказал бы по-другому. Отец мне нужен не для себя, а для матери и брата - и я понимаю, что дело не в том, как я переживу неудачную поездку мамы. Мне плохо от того, что плохо им. Лучше бы я этого не знал. И я делаю вид, что не знаю, чтобы брату было легче говорить мне об отце.

Мать дает мне из большого деревянного чемодана финики - она возила их отцу, но до него они не дошли. Я ел их с тревожным чувством обязанности и долга. Много лет спустя на чьей-то панихиде меня мучил запах фиников.

ВОСПОМИНАНИЯ О БРАТЕ И О СЕМЬЕ

Вазген Сумбатович НЕРСЕСЯН

"Я родился осенью..."

Владик родился 2 октября 1938 г. в Степанакерте. Позже об этом прекрасном времени "красномедных листьев" он написал стихотворение "Я родился осенью...". Мама называла его "поздней осени последним цветком". Осень, конечно, была не поздней, в особенности для жаркого Нагорного Карабаха, но "цветком" Владик был действительно последним. И дело даже не в том, что приближалась вторая мировая и отца, Сумбата Меликсетовича, как человека порядочного, образованного и независимого, должны были посадить, поскольку "мели" все вокруг, а в том, что Владик, как третий и последний ребенок в семье, был и последней действительной надеждой семьи, он должен был занять в семье особое положение и по-настоящему прославить ее.

Здесь я хочу сказать несколько слов о маме, Сиравард Саркисовне. Она была замечательным человеком, внимательным и до самоотверженности заботливым. Оставшись без мужа и средств к существованию, с клеймом жены "врага народа", она сумела поднять нас (брата, сестру и меня), дать всем нам высшее образование и подготовить к самостоятельной жизни. Отец называл маму "средневековой рыцаркой без страха и упрека". И это была правда. Мама прожила за свою долгую жизнь четыре отдельных жизни. До конца 1941 г. она была любимой и любящей мужниной женой; с конца 1941 г. и до середины 1960 г. она занималась исключительно нами, воспитывала, готовила к жизни; с 1960 г. по 1984 г. она была лучшей работницей электро-монтажного предприятия в г. Горьком, передовиком производства, ежегодно отдыхала в лучших санаториях и домах отдыха страны, объездила практически всю европейскую часть Со-

юза (Брест, Ленинград, Казань, Волгоград, где встречалась с маршалом Чуйковым, и т.д.); с 1984 г. и по 1993 г. она жила в Москве и стала мамой академика.

Еще задолго до рождения Владика отец говорил, что наша семья (он сам, мама, я и сестра) ничего такого особенного, из ряда выдающегося в жизни не сделают. А когда родился Владик, то он назвал его "золоточубым" и "асилом" (т.е. лучшим, достойным, способным на большие свершения) и сказал: "Вот этот и прославит нашу семью". Он даже поменял фамилию Владика, записав его Нерсесянцем (в то время как все остальные члены семьи носили фамилию "Нерсесян").

Слова отца оказались пророческими. Позже, в реалиях XXI века, когда либертарно-цивилитарная и научно-теоретическая "поэзия" стала фактом нашей жизни, мы с Владиком вспоминали эти слова отца и не могли понять, как это он мог оказаться таким провидцем.

Сусанна Макаровна, мне пять поставьте...

Сусанна Макаровна - первая и самая любимая учительница Владика. Это было в 1945 г. в г. Кировабаде, когда Владик был учеником первого класса мужской школы. За какой-то урок Сусанна Макаровна поставила ему четверку, полагая, что эта четверка является заслуженной и справедливой. Так считала она, но Владик считал по-другому: для него четверка была отметкой, совершенно невозможной. Дело в том, что я тоже учился в этой же школе в десятом классе и был отличником, а рядом в женской школе училась наша сестра Сильва, которая тоже была отличницей. Поэтому Владика нужна была только пятерка, что он и потребовал. "Сусанна Макаровна, - заявил он, - мне пять поставьте".

Сусанна Макаровна была сильно озадачена такой непредвиденной реакцией и во время перемены подошла ко мне, чтобы узнать, как дома относятся к учебным успехам Владика. И узнала, что никакого давления в этом плане на него не оказывается и вообще вопрос о его пятерках на повестке домашних дел не стоит.

Позднее, присмотревшись к Владика, она поняла, что он пятерочник "что надо" и может стать ее помощником, ее правой рукой при проведении уроков. В последующем, когда ей приходилось по какой-то причине оставлять занятия (по приглашению директора и т.д.), она поручала Владика продолжать урок, что он делал без запинки и в полном соответствии с программой.

Сегодня, по прошествии большого времени, можно сказать. Что это была его первая и последняя четверка в жизни. Позже с золотой медалью он окончил среднюю школу в Ереване и с отличием - юридический факультет МГУ им. Ломоносова.

Правда, его "московские университеты" складывались не гладко. Сначала он подал документы на гидротехнический факультет и был принят. Но, подумав, решил, что это все-таки не то, что нужно. Забрал документы с гидротехнического и передал их в МАИ на факультет самолетостроения. Но оказалось, что не судьба - не приняли из-за "контрреволюционного" расстрельного дела отца⁷². Строить "Неры" не пришлось. Он вернулся в Ереван, а через год вернулся в Москву и поступил на юридический факультет МГУ.

Судьба его хранила...

До войны, когда Владика было 3-4 года, мы жили в Степанакерте. В нашем большом дворе намечалась какая-то стройка, и было завезено огромное количество (целая гора) толстых и тяжелых бревен. Дети (в том числе и Владик) играли около этой горы и старались подняться на ее вершину. Неожиданно бревна начали скатываться с макушки, и Владик оказался под одним из них. Но судьба сберегла его, как сказал отец, для будущих больших дел... По счастливой случайности он оказался в каком-то углублении в земле, а двухсоткилограммовое бревно накатилось на него своей вогнутой стороной, и этот спасительный просвет между землей и бревном спас ему жизнь. Владик не получил и царапины.

⁷² Отец был реабилитирован посмертно, и мы с Владиком получили официальный статус реабилитированных в 2001 г. Мама этого акта справедливости не дождалась.

Он любил новые впечатления и поэтому часто пускался в далекие и неразрешенные путешествия. Когда его не могли найти где-то рядом, то считалось, что он пропал и начинались поиски. Однажды его нашли на колхозном рынке, на расстоянии около двух километров от нашего двора. Чтобы придти туда, ему пришлось пересечь несколько небезопасных проездных частей улиц с интенсивным (по тогдашним меркам) движением автомобилей и повозок.

Но все-таки он никогда не пропадал по-настоящему и под движущийся транспорт не попадал. Какая-то добрая сила хранила его.

Чтобы не в счет ...

После ареста отца в августе 1941 г. мы вскоре переехали жить в Кировабад. Первые годы войны были самыми тяжелыми. Мама с утра и до вечера работала на вредном производстве в масложиркомбинате рабочей, чтобы заработать прописку, а мы (Владик, сестра и я) перебивались с хлеба на воду. Пайек на каждого из нас, иждивенцев, составлял 400 грамм. Одну пайку (400 грамм) мы ели утром, вторую - днем, третью - вечером. Каждую пайку мы своими самодельными весами делили на три равные части. Если оставался какой-то кусочек сверх трех наших долей, мы его делили на глазок на три части и тут же съедали, считая, что эти кусочки не в счет. Другой еды, кроме пайкового хлеба, не было. Иногда попадались жмыхи (остатки семян хлопчатника после выжимания из них масла), которые использовались в качестве корма для скота.

Положение наше с едой несколько поправилось после того, как у мамы и у меня появилась возможность устраиваться на сезонные работы по уборке зерновых (жатве) в том или ином колхозе. Платили натурой, мало и нерегулярно. Но все-таки кое-что перепало. Пока мы с мамой были на сезонных работах, наш пайковый хлеб доставался Владiku и Сильве. На работе маме и мне давали ежедневно по одному килограммовому пшеничному

хлебу-лепешке и по одному литру кислого молока (мацони). Мы старались что-то экономить на еде и я практически еженедельно приходил навещать брата и сестру, проделывая в один конец около 20-40 км. Я появлялся обычно вечером, когда они уже были в постели. Иногда приносил с собой деревенские фрукты (яблоки, сливы). Они считали, что эти посещения были для них мгновениями настоящего праздника и изобилия. Побыв с ними два-три часа, я затемно пускался в обратную дорогу. И так до следующего посещения ...

Жатва давала в среднем два-четыре пуда пшеницы на сезон. У нас появилась пшеничная каша по дням рождения, своя пшеничная мука и свои пшеничные лепешки, а по праздникам - настоящий пшеничный хлеб, выпекаемый (бесплатно) в городской пекарне.

Поздно осенью, когда я уже был на учебе в школе, мама отправлялась (пешком) в далекие горные деревни, где за небольшую натуральную плату собирала картошку на уже убранном поле.

Так мы и выжили в те голодные и тяжелые военные годы благодаря нашей маме, ее самоотверженной заботе о нас.

ВОСПОМИНАНИЯ СЕСТРЫ В.С. НЕРСЕСЯНЦА

Сильва Сумбатовна НЕРСЕСЯН

Я долго не могла приступить к воспоминаниям о Владике, мне было очень тяжело. Но я хочу, чтобы он остался в памяти людей не только как выдающийся ученый, но и как истинный человек, большой оптимист, радовавшийся жизни и принесший много радости тем, кто близко с ним общался.

Нас в семье было трое детей, и Владик был самым младшим. Но с первых же своих дней он был настолько значительным, активным, умным, что мы никогда не считали его маленьким. Папа называл его златочубым. И когда один из его коллег, увидел, что Владик брюнет, то удивленно заметил, что он вовсе не златочубый. На что папа ответил: "Ты не теми глазами на него смотришь, чтобы увидеть, что он златочубый. Он будет истинным представителем нашего рода".

Трудные годы войны. У нас рано отняли отца. Мама со старшим братом Вазгеном (ему было 11-12 лет) отправлялась на два-три месяца в деревню на заработки (жатва, копанье картошки и т.п.), чтобы прокормить нас в течение года. Мы с Владиком оставались одни в доме. Мы знали, что должны не бояться, быть осторожными и активными, не дать засохнуть садику с огородом. Хотя он в то время был малыш-малышом (ему было 4-5 лет), именно он верховодил в нашем дуэте. Он сам отоваривал чеки на хлеб, активно руководил нашим хозяйством. И у нас не было ни одного прокола.

Владик всегда был находчивым и быстрым. Как-то раз, разводя огонь в костре, я по неосторожности слишком сильно плеснула бензином. Вспыхнуло пламя, и на мне загорелось платье. Владик тут же схватил ковер, вынесенный во двор для проветривания, и обмотал меня. Я отделалась легкими ожогами.

Вспоминаю такой любопытный эпизод. Однажды мы со старшим братом гостили в деревне у родственником, а за это время у нас в доме провели электричество. По приезду мы не сразу заметили это. Владика тогда было от силы три года. Он в беспокойстве бегаёт взад и вперед, не зная, как сказать нам, что у нас такая огромная новость, и все время повторяет: "Мама, гора горит!". Ведь гора - это что-то большое, значительное. И мы поняли, что у нас есть вещь, сопоставимая с горой.

Однажды, когда мы с мужем и с детьми отдыхали в Цахкадзоре, Владик приехал к нам на каникулы (он тогда был студентом). Вокруг поселка Цахкадзор - красивая гряда зеленых холмов, куда мы во второй половине дня отправились на прогулку. С нами увязалась целая орава детей 5-12 лет. Владик по одному ему ведомым приметам находил землянику и щедро угощал всех. Так, с горы на гору, поедая землянику, мы не заметили, что дело идет к вечеру и быстро начинает темнеть. Владик без паники собрал нас в группу, дал четкие наставления, как держаться, и мы легким бегом пустились вниз со склонов. Когда мы дошли до дома, было уже довольно темно. В тесном кружке собрались родители детей. Но ни одного упрека не прозвучало, все были уверены, что с Владиком мы не пропадем.

Владик был добрым, щедрым и очень привязанным к нам. Он любил делать подарки, особенно, когда возвращался из-за границы. И мы всегда поражались, с каким вкусом они подобраны. Запомнился мне также и такой эпизод. В один из своих приездов с мужем и детьми в Москву мы остановились в гостинице "Украина". Вдруг, стук в дверь. Открываем и неожиданно видим Владика. Он от мамы узнал, что мы в Москве и приехал повидать нас (он тогда работал адвокатом в Иваново). Открывает большой кожаный портфель, и оттуда, как из рога изобилия, на детей, Ирину и Лару, посыпались отборные шоколадные конфеты "Солнышко", "Золотой колос" и другие. С тех пор хорошие конфеты мы ассоциируем с Владиком.

Большой книголюб, для которого каждая книга представляла определенную ценность, он позволял моим дочерям копаться в книгах и брать любую. Отказа им не было ни разу. В 1961 г. Владик, будучи аспирантом, приехал на отдых в Ереван и взял с собой в дорогу недавно изданный первый том хорошо оформ-

ленного пятитомника Ильфа и Петрова. Заметив, с каким интересом и вожделением мы смотрим на книгу, он перед отъездом надписал ее с очень трогательным посвящением и обещал присылать последующие тома. А ведь он был тогда фанатом этих писателей. И, конечно, мы получили все четыре тома. В то время это был для нас неоценимый дар.

Владика повезло в семейной жизни, он очень любил свою жену и дочь. Его жена Валя стала для нас родным человеком. Он не только был избавлен от повседневных мелочных забот, но и нашел в жене друга и единомышленника. Когда Владик впервые приехал с ней в Ереван, его друзья организовали поездку по всей Армении, чтобы она увидела родину своего мужа.

В трудные 90-е годы, когда во всем был дефицит, в том числе и на топливо для самолетов, мы с дочерью возвращались из Москвы в Ереван очень ранним утренним рейсом. Когда мы проснулись, Владик уже был на ногах. Он повез нас на машине во Внуково. Но вылета нет. Ждем долго, нудно. Решили вернуться домой на пару часов. Он снова отвозит нас в аэропорт. И вновь то же самое. В этот холодный день он четыре раза возил нас туда и обратно (хотя машину он тогда водил еще плохо и это каждый раз было ему не просто). При этом - без тени недовольства, с юмором, все время поддерживая нас, не давая нам киснуть! Наконец, вылет объявлен. Ему удалось уговорить контролера (у него было много обаяния и умения вызывать доверие) и он довел нас до самого трапа. Видя, что я мерзну, он снял с себя красивую куртку и одел на меня, не позволив вернуть. Я до сих пор ношу ее.

У Владика был очень твердый, четкий характер, он не любил лишних слов, был твердым в своих решениях. "Скажи, в чем суть дела", "Вещи надо называть своими именами" - не раз повторял он. Внешне скромный и сдержанный в отношениях с близкими к нему людьми, он был очень преданным и внимательным. Многим людям помогал он советом и делом.

Лучи его славы падали и на меня. Помню, когда я была на юридическом факультете Ереванского университета, декан факультета, Норик Айвазян, поочередно представлял меня каждому входящему как "сестру великого Владика Нерсисянца" (добавляя при этом, что сестра Владика - заслуженный педиа-

тор, признанная "лучшей по профессии", отлично владеющая многими специальностями, что она помогала и помогает многим людям и т.д.), как будто он представлял особу королевских кровей. Владик был моей опорой уже самим фактом своего существования.

Коллеги в Армении ценили Владика исключительно высоко. Известный юрист, председатель Генпрокуратуры Генрих Хачатрян в разговоре со мной сказал о Владике: "В нашей специальности он - гениальный человек". Близко знал Владика и доктор юридических наук Владимир Назарян, впоследствии руководитель Юридического отдела в Национальном Собрании Республики Армения. Вспоминая время своего пребывания в Москве в докторантуре, он рассказывал, что его научный руководитель в первые же дни сказал ему: "Я должен познакомить тебя с моим аспирантом, тоже армянин - Владик Нерсисянц. Потрясающе умный, я поражен его талантом и логикой, уверен, что у него блестящее будущее. И спустя годы В. Назарян отметил, что эти слова оказались пророческими. Сам он мог часами говорить о Владике - о его работах, о его личности, о его отношении к людям.

В школе, да и вообще на всех этапах своего образования, Владик был только отличником, без зубрежки, без нажима, как бы само-собой. В классе у них было три признанных отличника, и когда однажды в разговоре с одним из них - А. Мелик-Пашаевым зашла речь о моей дочке и ее учебе, я сказала ему: "Ну ты же знаешь, она племянница Владика, и это говорит за себя". На что он тут же вставил: "Ну, как Владик учился, так никто не учился!".

Владик очень любил нашу маму - Сиравард Саркисовну. Не только потому, что в она в очень тяжелых условиях поставила всех нас на ноги. Мама от природы была умным, одаренным, передовым (в хорошем понимании этого слова) человеком. Ее оптимизма, бодрости, трудолюбия, доброжелательного отношения к людям хватало не только на нас, но и на всех окружающих. Наша старшая невестка Ада постоянно говорила (конечно, доброжелательно): "Нашей бабушке только в президиуме сидеть, имея в виду большой судостроительный завод в городе Горьком, где мама, действительно, нередко сидела в президиуме на собраниях рабочего коллектива, в котором она работала. Владик был

очень внимателен и нежен к ней. Если он в середине дня заходил домой, то первым делом спрашивал: "А ты была сегодня на прогулке?". Если нет, то тут же выключалась плита и мама отправлялась на свой обязательный моцион. Когда к Владiku приезжали гости (в том числе нередко и коллеги из-за границы), мама не только угощала их с присущей ей хлебосольностью, но и сидела во главе стола, куда ее всегда усаживал Владик. Она участвовала в общей беседе, не раз удивляя всех этих ученых людей своими меткими и умными замечаниями. Владик с присутствующим ему юмором говорил: "Мама, ты растешь вместе со мной! Теперь ты - академик РАН".

Юмор никогда не изменял Владiku, даже во время болезни. С ним было интересно смотреть кино, телевизор, его колоритные и точные замечания запоминались надолго. Он был очень хорошим, занимательным рассказчиком. Мы с ним засиживались до утра, при этом говорил обычно он. Именно общение с Владиком послужило для моей младшей дочери (врачу по образованию) стимулом к тому, чтобы поступить на юридический факультет Санкт-Петербургского института.

Не было ни одного дня рождения или праздника, чтобы он не позвонил нам и не поздравил бы нас. Первый звонок - и мы знаем, что это Владик.

Внимательный, доброжелательный, нетерпеливый, Владик всегда горел желанием сделать все хорошо и быстро. Он очень много работал, но совсем не тяготился этим. Прошел много ступеней по жизни, в том числе и очень важных. При этом всегда оставался скромным, ни разу не похвастался своими достижениями и научными степенями. Все это он воспринимал, как естественное и должное. Он никогда не гонялся за мишурой, для него всегда была важна суть дела. "Смотри в корень", - часто цитировал он Козьму Пруткову. И вообще почти к каждому значимому событию у него была уместная цитата.

В последний раз Владик позвонил мне за день до смерти. Он звонил сам, хотя ему было очень плохо, он с трудом говорил. Он позвонил, чтобы подбодрить меня, посоветовать, как решить мои проблемы, что делать, куда обращаться. Сказал, что надо не падать духом, быть уверенной, что все получится. В этом был весь Владик.

РОССИЙСКАЯ ЛИБЕРТАРНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА

В.А. Четвернин

*заведующий Лабораторией теоретических
исследований права и государства,
профессор ГУ-ВШЭ*

Благодаря научной, просветительской и организаторской деятельности Владика Сумбатовича Нерсесянца сформировалась либертарно-юридическая научная школа, продолжающая дело великого российского ученого.

Сотрудничество сторонников юридического либертаризма уже переросло рамки исследовательского коллектива в Институте государства и права РАН и развивается в новых формах. Одной из таких форм является Лаборатория теоретических исследований права и государства, созданная в Государственном университете - Высшей школе экономики по инициативе ректора ГУ-ВШЭ Я.И. Кузьмина. Исследования этой Лаборатории призваны объединить усилия ученых российской либертарно-юридической школы по созданию современной юридической теории как практически применимой, операциональной системы знаний о праве и государстве. Цель Лаборатории - организационное оформление и консолидация научной школы, ее расширение, пополнение молодыми исследователями и преподавателями, вовлечение в процесс исследования наиболее способных студентов.

Деятельность Лаборатории включает в себя научные конференции и семинары, в частности, ежегодные Философско-правовые чтения памяти В.С. Нерсесянца (конференция сторонников юридического либертаризма), издание Ежегодника либертарно-юридической теории (опубликованы первый и второй выпуски

Ежегодника - за 2007 и 2008 годы)⁷³, а также научно-исследовательские проекты по всем актуальным проблемам современной теоретической юриспруденции⁷⁴ и, может быть, главное - подготовка нового поколения исследователей, которые будут определять будущее юридического либертариизма в нашей стране.

Одна из задач российской либертарно-юридической школы состоит в том, чтобы изложить юриспруденцию в виде науки о свободе: спрос на это есть у всех, для кого свобода является высшей ценностью или просто ценностью. Этой задаче служит образовательно-просветительская деятельность школы. В частности, в рамках Лаборатории действует постоянный еженедельный семинар "Юридический либертариизм: теория и практика". В его работе участвуют преподаватели и студенты-юристы, представители других университетских факультетов - экономики, социологии, политологии, философии, государственного и муниципального управления, причем из разных вузов, в том числе МГУ. Развивается Интернет-сайт либертарно-юридической теории - teoria-prava.ru.

Поскольку либертариизм представляет собой общее социально-научное течение, в рамках проектов российской либертарно-юридической школы сотрудничают и ученые-экономисты либертаристской ориентации: В. Агроскин, Ю. Кузнецов, А. Левенчук, В. Новиков, Г. Сапов и другие исследователи, позиционирующие себя как последователи Австрийской школы. Развивается сотрудничество с Институтом Катона - всемирной либертарианской организацией (руководитель ее московского отделения - А. Илларионов). Лаборатория теоретических иссле-

дований права и государства организует цикл учебных лекций для участников "летней школы Института Катона", отбираемых на конкурсной основе на постсоветском пространстве.

Успешно складываются и международные связи российской либертарно-юридической школы, в частности, связи Лаборатории с исследовательскими организациями в Турине, где традиционно сильны либертарианские позиции, и Либеральным институтом в Цюрихе.

Российская либертарно-юридическая школа приглашает к сотрудничеству всех, кто признает ценность правовой свободы, прав и свобод человека и гражданина.

⁷³ К публикациям в Ежегоднике также приглашаются все, кто разделяет ценности юридического либертариизма. Ежегодник открыт для научных дискуссий по проблемам современного правопонимания и приглашает к аргументированному обсуждению и критике юридического либертариизма.

⁷⁴ В рамках исследовательской деятельности Лаборатории осуществляются, в частности, следующие научные проекты: общество и государство: либертарно-юридическая интерпретация; институциональная теория права; юридическая концепция федеративного государства; функции государственных институтов; судебные источники права; «экономический анализ права» с точки зрения теоретической юриспруденции; антимонопольное регулирование как институт перераспределительного государства; либертарно-юридическая теория наказания.

ПРОТОКОЛ 26
ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ЦЕНТРА
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

от 14 августа 2005 г.

14 августа 2005 года состоялось заседание Совета Центра конституционного права РА. Заседание вел Председатель Совета Центра конституционного права РА Г. Арутюнян.

Председательствующий представил следующую повестку дня:

об установлении именной студенческой стипендии Центра конституционного права РА на юридическом факультете Ереванского государственного университета.

Другие предложения по повестке дня не поступили, и она была принята единогласно.

По повестке дня выступил Председатель Конституционного Суда РА, Председатель Совета Центра конституционного права РА, доктор юридических наук, профессор Г. Арутюнян. Он предложил установить для лучшего студента юридического факультета Ереванского государственного университета (в том числе

магистратуры) именную стипендию Центра конституционного права РА имени доктора юридических наук, профессора, Академика РАН Владика Сумбатовича Нерсисянца.

Выступили В. Оганесян, Г. Казинян, Ф. Тохян, А. Акопян, Г. Джаангирян, Г. Даниелян, Н. Айвазян.

Предложение голосованием принято единогласно. Совет Центра конституционного права РА решил:

- а) установить для студента юридического факультета Ереванского государственного университета (в том числе магистратуры) именную стипендию Центра конституционного права РА имени доктора юридических наук, профессора, Академика РАН Владика Сумбатовича Нерсисянца.
 - б) утвердить Устав стипендии Центра конституционного права РА имени Академика РАН В. Нерсисянца.
- Председательствующий объявил заседание закрытым.

Г. АРУТЮНЯН

*Председатель Совета Центра
конституционного права
Республики Армения*

**Отзывы членов редколлегии журнала
"Советское государство и право" на статью
В.С. Нерсесянца "Право и закон:
их различие и соотношение",
подготовленную для журнала в 1977 г.**

Отзыв д.ю.н. А.В. Мицкевича

Как противник точки зрения, высказанной в статье, я должен был бы ратовать за ее немедленное опубликование: уж больно удобную мишень для полемического обстрела она собой представляет! Но так как мне чуждо ведение полемики по поводу неудачных "выпадов противника", т.е. ради самой полемики, укажу лишь самые основные, с моей точки зрения - совершенно неприемлемые, позиции автора, который стремится обосновать существование права до закона, до велений государства. До сих пор мы все думали несколько иначе, так что "игра стоит свеч"!

Что же предлагает автор в обоснование своего "нового подхода" и что он недопустимо упускает из виду?

1. Исторический очерк домарксовских течений правовой мысли подается автором без всяких классово-исторических оценок. Поскольку речь должна идти только в русле этих оценок, автор должен четко определить их в начале статьи. Иначе читатель не может понять, о каких концепциях идет речь - о буржуазных или о позиции автора?

2. Нельзя оставлять читателя в полном неведении относительно тех высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса, которые, якобы, подтверждают точку зрения автора. Сноска на с. 10 и отсылки к предыдущим авторам могут расцениваться только как неуважение к читателю, поскольку они в ряде случаев "бездарны" и квалифицированы неправильно. Можно даже подумать, что автор сознательно вводит читателя в заблуждение, ссылаясь на те работы, где, точно так же, как и в его статье, нет

делового разбора высказываний основоположников марксизма. Но меня он в заблуждение не ввел. Пора бы честно и открыто изложить основания своей интерпретации признания Марксом "дозаконотворительного права", найдя его у самого Маркса, а не в своих собственных представлениях.

3. Недопустимо и смешение автором (разумеется, ненамеренно) права с волей участников социального общения без всякого учета их классовой принадлежности. Про волю господствующего класса как неперенный признак марксистского понимания права автор вообще забыл совершенно (ос. на с. 12!).

4. Концепция автора (особенно в конце статьи) ведет к отождествлению права с любой формой нормативности. Об этих различиях писали многочисленные авторы, о которых В.С. Нерсесянец даже не упоминает. Подобный способ "обоснования" своих утверждений для науки неприемлем.

5. Не следует и пользоваться приемом "подстановки" рассуждений о "произвольных приказах", "идеальных законах", "фантазиях" вместо научных суждений о государственной природе права, не раз отмеченной и Марксом, и Энгельсом, и Лениным. Такой прием никого убедить не может.

6. Думаю, наконец, что автору не стоит и настаивать на тезисе о "непервичности исторически, естественно складывающихся правовых норм", предшествующих "сознательным нормативным формулировкам" (с. 20). Такое превращение "права" в нечто "материальное", равнопорядковое объективным закономерностям с марксизмом вряд ли можно сочетать.

В тексте статьи я был вынужден отметить и многие другие несообразности, с моей точки зрения, не украшающие статью.

В целом ни исходная позиция, ни, в особенности, ее доказывание автором мне не импонируют. Не закрывая возможность тезиса, я бы советовал автору, которого я хорошо знаю как талантливому ученому, избрать иной способ его аргументации.

Отзыв рецензента

(автор неизвестен)

Автор неправ в своей посылке, что при "узконормативном" подходе право и закон не различаются. Есть огромная литература по этому вопросу, из которой сейчас легко установить, что закон = юридический источник и форма выражения права (его норма). Об этом ни слова (автору это, по его замыслу, ни к чему).

Что же касается замысла представить право как дозаконное нормативное явление, то из этого, если автор отрекается от "естественного" права, ничего не получается и не может получиться (если не свести "нормы права" к идеям правосознания, принципам политики, нормам нравственности и т.д. и т.п. или не объявить "нормальное" "нормативным". Последнее известно в таких неразвитых формах регулирования, как, например, мода (но не в области права цивилизованного общества).

Я полагаю, что выступление с такой статьей не принесет лавров ни автору, ни журналу. Глубоко уважая и автора, и журнал, статью печатать не рекомендую.

Отзыв рецензента

(автор неизвестен)

Статья В.С. Нерсесянца представляет несомненный интерес, своеобразно трактуя одну из основных проблем теории права - понятие права. Как известно, широкое понимание права за последние годы получило значительное распространение и имеет основания для освещения на страницах журнала. Кроме того, публикация такого рода творчески поисковых размышлений поможет преодолеть те элементы трафарета, которые не лучшим образом характеризуют наш журнал.

Однако новизна подобной постановки вопроса требует особой строгости при оценке и рекомендации статьи к опубликованию. С этой точки зрения статья нуждается в доработке. Во-первых, неудачна ее структура. На мой взгляд, следовало бы

начать с позитивного рассмотрения вопроса, а историко-правовые воззрения использовать лишь как фон для изложения соответствующих взглядов. Во-вторых, необходимо более корректно излагать точки зрения сторонников широкого понимания права, а не создавать впечатление, будто бы это понимание выдвигается впервые. В-третьих, целесообразнее, по-моему, более четко провести различие между сторонниками и противниками широкого понимания права, а не затушевывать это различие ссылками на те произведения, в которых вовсе не разделяется позиция автора. В-четвертых, не стоит на себя возлагать бремя "судьи" в возникшем споре. В-пятых, не следует, на мой взгляд, различать "ранние" и "последующие" произведения классиков, а надо показать развитие соответствующих идей и их конкретизацию в произведениях классиков. В-шестых, статья нуждается в тщательной редакции.

Отдельные замечания есть на полях рукописи.

В заключение, повторяю, что данную статью весьма целесообразно опубликовать после ее доработки автором.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ ВО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОГРЕССЕ РАВЕНСТВА, СВОБОДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ. МАНИФЕСТ О ЦИВИЛИЗМЕ⁷⁵

Нерсисянц В.С.

1. Социализм и постсоциализм

Мы все сегодня, на Востоке и на Западе, - современники начала больших изменений во всемирной истории.

Прежний миропорядок и само направление всемирно-исторического развития определялись в XX в. антагонизмом между капитализмом и социализмом, борьбой между коммунистической и буржуазной идеологиями. С радикальным изменением одного из этих полюсов неизбежны существенные трансформации и на другом полюсе, а вместе с тем и во всем мире.

Глобальное значение в этой связи приобретает проблема постсоциализма. Характер постсоциализма во многом определяет направление развития последующей истории. Речь идет о путях развития всей человеческой цивилизации. Ведь воздействие коммунистической идеи в той или иной форме человечество испытывает несколько тысячелетий. Уже два с половиной тысячелетия назад Платон предлагал свои проекты преодоления частной собственности и достижения "фактического равенства". А это - основная идея всего коммунистического движения, в русле которого в XIX в. сформировалось марксистское пролетарско-коммунистическое учение, а в XX в. практически возник и утвердился социалистический строй в России и в ряде других стран (в меру уничтожения там частной собственности и социализации средств производства).

Современные дискуссии о социализме пока что весьма поверхностны и отличаются большим разбросом мнений. Так, од-

⁷⁵ Опубликовано в издательстве «Норма». М., 2000.

ни считают, что от "деформированного" социализма надо идти к "подлинному" социализму и т.д. Другие полагают, что социализм еще предстоит построить, поскольку, дескать, то, что было, это не только не настоящий, но и вообще не социализм. Третьи хотят восстановления казарменных порядков "классического" социализма. Четвертые рассчитывают на какой-то модернизированный вариант нэпа. Пятые считают социализм историческим тупиком и призывают вернуться к капитализму и т. д.

В этих пожеланиях и субъективистских представлениях остаются по существу не выясненными объективная природа и реально-исторические характеристики как социализма, так и постсоциализма. Но дело ведь не только и не столько в том, чего субъективно хотим мы и на какое "хорошее будущее" претендуем. Не менее важно то, чего хочет и что может сама реальная историческая действительность общества с социалистическим прошлым, для какого постсоциализма она объективно созрела. И лишь соответствуя объективной логике исторического процесса, субъективный фактор, деятельность людей и в целом социальный и политический активизм могут сыграть позитивную, созидательную роль в общественном развитии.

Легкомысленное отношение к реальной истории, недоверие к ней, несерьезность в анализе и оценках хода и итогов истории практического социализма затрудняют поиски реального пути развития общества, ориентируют на повторение подновленных утопических проектов (но уж на этот раз, как уверяют, - с соблюдением "чистоты" замысла и точности его исполнения).

То же игнорирование логики и истории становления и развития реального социализма в его взаимосвязях с доктринальным социализмом (марксизмом и его продолжением и развитием в новых социально-исторических условиях - ленинизмом) проявляется и во многих других формах. Так, весьма распространено (как у нас, так и во многих других бывших соцстранах) представление об исторической "ошибочности" социализма (и как теории, и как практики) и возможности исправления этой "ошибки" посредством простого разрыва с прошлым и волевого выбора для себя какого-то более привлекательного и подходящего будущего.

Если социализм - это историческая ошибка, то капитализм оказывается концом всемирной истории и после социализма надо возвращаться к капитализму. Такое представление о капи-

тализме как конечной ступени и последней вершине всемирно-исторического прогресса свободы, права, собственности, государственности и т. д. в начале XIX в., что тогда было естественно, развивал Гегель, а в конце XX в. - многие, хотя и не столь известные, авторы. В общем русле именно этих представлений - осознанно или по наитию - осуществляются сегодня попытки капитализации социализма в России и в ряде других бывших социалистических стран.

Но социализм - не чье-то произвольное изобретение. Дело, в конечном счете, в том, что при всех своих достоинствах частная собственность на средства производства (а буржуазная частная собственность - это пока что реально наиболее развитая в экономико-правовом смысле частная собственность) отличается рядом свойств, демонстрирующих ее социально-историческую ограниченность. По своей природе частная собственность такова, что может быть лишь у некоторых, но не у всех, причем, по законам ее развития, значительная ее часть концентрируется у меньшинства общества, а большинство оказывается без собственности на средства производства. Обусловленная этим экономическая зависимость несобственников от собственников существенно девальвирует для несобственников практическое значение формально-правового равенства и порождает требование так называемого фактического равенства. Коренящаяся здесь коммунистическая идея отрицания частной собственности стара, как и сама частная собственность (вспомним хотя бы, помимо философов, критику частной собственности идеологами христианства и многих других движений задолго до марксизма).

Если же социализм, несмотря на все связанное с ним зло, - не историческая ошибка, тогда у социализма должна быть своя (иная, чем капитализм) будущность и, следовательно, ошибочным в таком случае является представление о возврате к капитализму.

При этом ясно, что у социализма нет и не может быть такого продолжения и будущего, как коммунизм. Не потому, что социализм был ненастоящий, а потому, что коммунизм оказался иллюзией.

Что же касается социализма советского образца, то это - самый настоящий, пролетарско-коммунистический, последовательно марксистско-ленинский, а потому и сталинский, единственно возможный антикапиталистический социализм. Он представля-

ет собой полную реализацию до логического конца основной идеи коммунистически ориентированного социализма - отрицания частной собственности. Потому и можно уверенно сказать: ни другого по своей сути социализма, ни коммунизма как такового нет и не может быть. В этом прежде всего и состоит всемирно-историческое значение опыта нашего социализма.

В отличие от него, различные формы буржуазного "социализма" ("шведский социализм" и т. д.) остаются в рамках капитализма, хотя и реформированного, модернизированного. Смысл такого "социализма" состоит в том, что развитой и богатый капитализм платит своеобразную дань социалистической идее путем ущемления собственников в пользу несобственников, чтобы упрочить сам строй частной собственности, не доводить дело до настоящего социализма. Но это, как говорится, их досоциалистические трудности.

Наши проблемы, напротив, постсоциалистические, т.е. из совсем другой социально-исторической эпохи и совершенно иного смысла.

Определяющее значение для общества с социалистическим прошлым и, как оказалось, без коммунистического будущего имеет надлежащее **правовое преобразование социалистической собственности в индивидуализированную собственность всех членов общества**. И именно в этом существенном пункте сконцентрировано решающее влияние нашего прошлого на наше будущее.

У социализма (хорош он или плох - другой вопрос) может быть лишь такое будущее, которое подготовлено им самим, согласуется с всемирно-историческими преобразованиями в процессе утверждения социалистического строя, соответствует объективной логике исторического появления социализма, продолжает, преодолевает, диалектически "снимает" социализм и вместе с тем преобразует его итоги для реально возможного и необходимого будущего.

Социалистический мавр сделал свою черновую работу истории, и он должен уйти. Социализм должен быть преодолен. И время для этого настало. Однако эту проблему нельзя решить по "принципу Карфагена" - механическим уничтожением. Социализм (а речь идет именно о коммунистическом социализме) невозможно преодолеть, не удовлетворив требования этой идеи в надлежащей цивилизационной (т. е. в экономико-правовой) фор-

ме, не считаясь с логикой антикапиталистического социализма, с его историческим местом и значением. Невозможно же просто перечеркнуть смысл этого наиболее напряженного и тяжелого участка в истории человечества. Здесь пульсирует нерв всемирной истории, сюда привела историческая борьба за прогресс свободы и равенства, здесь корректируется вектор исторического движения, здесь определяются контуры будущего. Или - вперед, к чему-то действительно новому, социализмом уже подготовленному, или - назад, к капитализму. Третьего (смещения капитализма и социализма) как раз не дано в силу принципиальной несовместимости капитализма и социализма.

Эта несовместимость нашла свое наиболее последовательное выражение и воплощение теоретически в марксизме, историко-практически - в реальном социализме.

Реальный социализм (со всеми его позитивными и негативными свойствами) должен быть понят в своей необходимости, а не как нечто случайное - в виде продукта теоретической "ошибки", удачного "заговора", произвола, людского легковерия, заблуждения и т. д. Оставаться на точке зрения случайности и приводящих внешних обстоятельств - значит оставаться во власти этих случайностей и произвольных решений.

Принципиальное отличие социализма (теоретического и практического) от капитализма и вообще от всех остальных формаций - это отношение к частной собственности⁷⁶, ее отрицание (революционное, насильственное) и утверждение общественной собственности на средства производства. Именно здесь - глубинная суть и отличительная особенность социализма как социально-исторически и теоретически определенного и отличного от других общественного строя. Вместе с тем это отрицание частной собственности одинаково отличают и марксизм, и реальный социализм от всех остальных теоретических и практических моделей непролетарского, некоммунистического "социализма".

Исходное фундаментальное единство марксизма и реального социализма в вопросе об уничтожении частной собственности и создании общественной собственности по существу предопределяет и остальные аспекты их принципиальной общности. Коммунистическое отрицание частной собственности и

⁷⁶ В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивают, что «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. - С. 438).

ее обобществление (создание "социалистической собственности") включает в себя отрицание права и государства, а вместе с тем и свободы индивидов вообще, поскольку именно право и государство (т. е. правовая форма организации публичной власти) представляя собой единственную всеобщую и необходимую форму свободы людей.

Свободу людей, как об этом свидетельствует вся истории цивилизации, можно признать и выразить только в правовой (государственно-правовой) форме - лишь путем признания фактически различных индивидов формально равными субъектами права и государства. Право как выражение формального равенства - это и есть всеобщая равная мера (общая для всех норма) свободы и справедливости в общественных отношениях. Какой-либо другой формы выражения и бытия равенства, свободы и справедливости в общественной жизни людей, кроме правовой формы, нет и в принципе не может быть.

Право - это математика свободы во всемирной истории человечества, которая представляет собой прогресс равенства людей в качестве формально (юридически) свободных личностей. Через механизм права - формального (правового) равенства - первоначально несвободная масса людей постепенно в ходе исторического развития преобразуется в свободных индивидов. Правовое равенство делает свободу возможной и действительной во всеобщей нормативно-правовой форме, в виде определенного правоупорядка.

Свобода и равенство неотделимы и взаимно предполагают друг друга. С одной стороны, исходной и определяющей фигурой свободы в ее человеческом измерении является свободный индивид - необходимая основа правоспособности и правосубъектности вообще; с другой стороны, эту свободу индивидов можно выразить лишь через всеобщий принцип, нормы и формы равенства этих индивидов в определенной сфере их взаимоотношений. Право не просто всеобщий масштаб и равная мера, а всеобщий масштаб и равная мера именно и прежде всего свободы индивидов. Свободные индивиды - "материя", носители, суть и смысл права. Там, где отрицается свободная индивидуальность, личность, правовое значение физического лица, там нет и не может быть права.

Люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы. Неправовая свобода, свобода без всеобщего масштаба и единой меры, словом, так называемая свобода без равенства -

это идеология аристократических, элитарных привилегий, а так называемое равенство без свободы - идеология рабов и угнетенных масс (с требованиями иллюзорного "фактического равенства", подменой правового равенства антиправовой уравниловкой и т. д.). Или свобода в правовой форме, или произвол. Третьего здесь не дано: неправое - это всегда неравенство, несвобода и несправедливость, это всегда насилие и произвол.

Правовому (и государственно-правовому) принципу **формального равенства** коммунизм как идеология и практика противопоставляет требование так называемого **фактического равенства**. Но равенство в социальной жизни возможно лишь как формальное (как правовое) равенство. А "фактическое равенство" - это смешение понятий "фактическое" и "нефактическое" (формальное) и противоречие в самом понятии "равенство".

История права - это история прогрессирующей эволюции масштаба и меры формального (правового) равенства при сохранении самого этого принципа как принципа любой системы права, права вообще. Разным этапам исторического развития свободы и права в человеческих отношениях присущи свой масштаб и своя мера свободы, свой круг субъектов и отношений свободы и права, словом - свое содержание принципа формального (правового) равенства. Так что исторически развивающиеся и сменяющие друг друга формы права - это формально-определенные и общезначимые способы выражения исторически достигнутой человечеством ступени равенства, свободы и справедливости.

Исторический прогресс свободы и права свидетельствует о том, что формирование и развитие свободной, независимой, правовой личности необходимым образом связаны с **признанием человека субъектом отношений собственности, собственником средств производства**. В логике таких взаимосвязей собственности, свободы и права коренятся **глубинные причины несовместимости социализма** (тотальное отрицание частной собственности, ее обобществление и т. д.) **с правом и свободой**. Этой же логикой определяется фундаментальное значение де-социализации и индивидуализации собственности во всем процессе перехода от тоталитарного социализма к постсоциалистическому правовому строю.

Последовательное отрицание частной собственности означает тотальное, всеохватывающее отчуждение собственности на средства производства от индивидов, от каждого без исключения

члена общества в пользу тотального целого - "всего народа", "всех вместе, но никого в отдельности". Негативная сила этого тотального социалистического целого ("все вместе"), официальным выразителем которого является "государство" диктатуры пролетариата, направлена всей своей уничтожающей мощью прежде всего против индивида ("каждого в отдельности"), против людей, против всех форм, отношений и явлений, обособляющихся от целого, отличающих себя от него. Здесь лежат глубинные корни тоталитарности социализма, истоки и объективные основания реально сложившегося тоталитарного социализма.

Без тотального отчуждения собственности от индивидов, конкретных, живых, индивидуально определенных людей (в том числе и непосредственных производителей, самих трудящихся индивидов), без деперсонализации и обезличенья ("ничейности") субъекта обобществляемых средств производства, без абстрактно-всеобщего статуса этого субъекта (в лице так называемого государства диктатуры пролетариата или его модификации в виде так называемого общенародного государства) абсолютно невозможны ни полное уничтожение частной собственности, ни обобществление всех средств производства, ни "социалистическая собственность" как таковая, ни, следовательно, и сам социализм как строй, где господствует социалистическая (т. е. деприватизированная и вместе с тем обобщественная) собственность на все средства производства в стране.

В силу своих правоотрицающих свойств (обезличенность, индивидуальность, отчужденность от людей, "ничейность", абстрактная всеобщность, "огосударвленность", коммунистическая политизированность и т. д.) "социалистическая собственность" как специфический исторический феномен и определяющая основа нового строя (реального социализма) - это по существу уже не собственность в строгом (экономическом и правовом) смысле данного социально-исторически определенного явления и понятия, а некий симбиоз монополии коммунистической политической власти с монополией хозяйской власти, сплав власти над членами общества с властью над его имуществом и богатством, сочетание власти над людьми с властью над обобщественными вещами, - словом, единый политико-производственный комплекс, централизованный фонд производительных сил страны (включая и самих производителей), находящийся в ведении монополярной коммунистической власти.

При социализме, где нет действительной собственности, права и государства, также и так называемое социалистическое государство ("государство" диктатуры пролетариата, партийно-классовое "общенародное государство") - это не субъект права собственности на объекты "социалистической собственности", а лишь деспотический представитель общества ("всего народа", "всех вместе"), который распоряжается общественным достоянием не на основе права и не в правовых (и экономико-правовых) формах, а посредством диктаторских, принудительно-командных методов и средств.

Там, где нет неопределенного множества субъектов права вообще и субъектов права собственности на средства производства, там не может быть ни экономических отношений (связей и отношений между обособленными, самостоятельными собственниками), ни соответствующих правовых форм этих отношений, в рамках которых собственник обладает юридическими правомочиями владения, пользования и распоряжения.

Ввиду **отсутствия у "государства" при социализме права на "социалистическую собственность"** социалистическая конструкция "государство в целом - единственный собственник" представляет собой антиправовую фикцию. На самом деле социалистическое "государство" - это квазисубъект квазиправа на квазисобственность (общественное, общенародное достояние).

Отсюда ясно, что и **постсоциалистическое государство как преемник "социалистического государства" не является собственником "социалистической собственности"**, не имеет права собственности на объекты общественного, общенародного достояния и, следовательно, не вправе владеть, пользоваться и распоряжаться ими как своей собственностью в правовом (и экономико-правовом) смысле и значении, не вправе, например, приватизировать их, превращать их в частную собственность тех или иных субъектов и т. д. Подобные преобразования "социалистической собственности" - это право народа, "всех вместе", которые никогда не наделяли никакое государство и никакую власть таким правомочием.

2. Является ли капитализм концом истории или возможен некапиталистический постсоциализм?

XX век - время практической реализации и проверки социалистической идеи, одной из самых значительных во всей исто-

рии человечества. Теперь, на рубеже тысячелетий, по Европе уже бродит призрак постсоциализма. Но предпринятые попытки освободиться от социализма скорее смахивают на неподготовленный побег, чем на продуманное движение в историческом времени и пространстве.

Конечно, в самом общем виде ясно, что та или иная концепция постсоциализма зависит от того, как понимается и трактуется сам социализм, практически сложившийся в России и в ряде других стран.

Вместе с тем можно сказать, что только постсоциализм выявит подлинную природу и суть предшествующего социализма, его действительное место и значение в историческом процессе. Смысл нашего социалистического прошлого объективно-исторически определится нашим постсоциалистическим будущим.

Ведь будущее - это всегда какой-то итог и резюме всего предшествующего развития. О смысле прошлого и настоящего объективно можно судить лишь по зрелым результатам будущего. Поясняя сходную мысль, Аристотель говорил, что порода лошади проступает и проясняется по мере ее взросления. О том же самом в Евангелии сказано: по плодам их узнаете их.

Причем характер постсоциалистического строя во многом определит и обозначит направление развития всей последующей всемирной истории. Отсюда и **существенное значение той или иной концепции постсоциализма для понимания, трактовки и оценки как социализма, так и исторического процесса в целом.**

Здесь мы имеем дело с диалектикой всемирной истории. И логику движения от социализма к постсоциализму можно адекватно уяснить лишь в русле исторического развития и смены форм права, в контексте всемирно-исторического прогресса равенства, свободы и справедливости.

Мы живем в редкое время - время обновления как самой истории, так и ее понимания. **Современный крах социализма обозначил начало нового большого поворота в ходе всемирной истории.** В такие эпохи появляется объективная возможность мысленно заглянуть за предстоящий исторический поворот и благодаря такому новому видению будущего по-новому оценить прошлое и настоящее.

Сова Минервы, говорил Гегель, начинает свой полет в сумерки - во времена, когда на смену старому строю идет новый.

В конкретно-историческом плане для Гегеля речь шла о пре-

одолении "старого режима" и победе нового строя, основанного на частной собственности и признании формально-правового равенства всех, т. е. о переходе от феодализма к капитализму. Для него всемирная история как прогресс свободы по существу кончается этим (капиталистическим) строем, поскольку, согласно его концепции, уже невозможно ничего принципиально нового в развитии и формообразованиях права и свободы (сверх свободной частной собственности, всеобщего формально-правового равенства и соответствующих им гражданского общества и правовой организации государства).

В условиях современного развала социализма идея конца истории (в русле гегелевской ее трактовки) получила как бы практическое подтверждение и вместе с тем новое дыхание⁷⁷.

Концепция буржуазного, капиталистического конца истории и исторического прогресса была в эпоху Гегеля естественным и необходимым следствием последовательного признания и защиты принципа формального равенства индивидов, без которого невозможны вообще право, индивидуальная свобода, собственность и т. д. Если свобода возможна лишь в правовой форме, а право предполагает формальное равенство индивидов (и соответственно - различия во владении собственностью, т. е. частную собственность), то отсюда Гегель для своего времени заключал, что предел свободы, ее высшая и последняя ступень в историческом развитии (и в этом смысле - "конец истории") - это всеобщее формально-правовое равенство, признание которого как раз и характерно для капитализма. Поэтому здесь по существу и остановилась гегелевская диалектика исторического прогресса свободы и права.

Примечательно, что и согласно марксизму присущие капитализму формы свободы (всеобщее формальное равенство и свобода индивидов, свободная частная собственность, гражданское общество и правовое государство) - последняя ступень в историческом прогрессе права и государства (а именно буржуазного права и государства как наиболее развитого и исторически пос-

⁷⁷ Этим обусловлено и широкое распространение с Запада на Восток реанимированных в нынешней поворотной ситуации в мире **гегельянских представлений о современном западном буржуазном рыночном строе как конце (т. е. высшей, конечной ступени и форме) мировой истории и человеческой цивилизации**, по смыслу которых постсоциалистические преобразования должны осуществляться в виде капитализации социализма, перехода от социализма к капитализму.

ледного типа права и государства, согласно марксизму): после капитализма (т. е. при коммунизме) право и государство "отмирают", частная собственность на средства производства, "буржуазный индивидуализм" и т. д. отрицаются.

Принципиальная разница здесь в том, что для Гегеля капитализм - вершина исторического прогресса, а для марксизма и коммунистической идеологии - лишь последняя ступень в "предыстории" человечества, настоящая история которого, по марксистской версии, начнется с уничтожения капитализма и кончится "полным коммунизмом". Если Гегель отвергал коммунистическое по своей сути требование "фактического равенства" (равенство во владении собственностью и т. д.) из-за несовместимости такого "фактического равенства" с формальным равенством (т. е. с принципом права и свободы), то коммунистическая доктрина и практика, напротив, отвергают принцип формального равенства (а следовательно - право, государство, свободу, собственность индивидов и т. д.) ввиду его несоответствия требованию "фактического равенства".

И Гегель, и Маркс - при всем радикальном различии их позиций - одинаково отрицали дальнейший прогресс права, саму возможность послебуржуазного типа права, т. е. возможность развития правовой формы свободы, появления более содержательной формы права, новой формы права, выражающей большую меру свободы индивидов, более высокую ее ступень. Поскольку для Гегеля прогресс свободы в социальной истории в принципе возможен лишь в правовой форме, лишь как прогресс права (и государства как правового института), он и связывал конец истории с уже достигнутым (буржуазным) типом права. По Марксу, напротив, прогресс свободы продолжится в неправовой (и в безгосударственной) форме, и настоящая свобода начнется после капитализма, с преодолением буржуазного права и государства. И вполне последовательно Маркс (и вслед за ним Энгельс и Ленин) ни о каком послебуржуазном, "социалистическом праве" не говорил, допуская лишь на первой фазе коммунизма (т. е. при социализме) остаточное "буржуазное право" для осуществления равной потребительской оплаты за равный труд.

В каком же соотношении находятся эти версии "конца истории" и в целом проблема исторического прогресса свободы и права с реалиями последующей истории и практики реального социализма XX в.?

Фундаментальный факт всемирно-исторического смысла и значения состоит в том, что с учетом самых существенных критериев (социальных, экономических, правовых, политических, моральных и т. д.) известный нам по практическому опыту XX в. социализм (социализм антикапиталистический, пролетарско-коммунистический, марксистско-ленинско-сталинский, советский) - это самый настоящий, подлинный, реальный социализм.

Социализм - переходный строй. Предполагалось, что социализм (т. е. отрицание частной собственности и создание социалистической собственности) будет означать движение к полному коммунизму. Но в реальной истории это не подтвердилось. Хотя максимум того, что вообще можно реально сделать в направлении социализации собственности и жизни, уже давно сделано. Созданный по коммунистическому проекту социализм оказался в действительности социализмом без коммунистического будущего. Реальность такого социализма как раз и доказывает мнимость и иллюзорность коммунизма.

Между тем в историческом движении от прежнего равенства к будущему большему, чем при капитализме, равенству социализм действительно занимает промежуточное положение между отрицанием прошлого и утверждением будущего. Поэтому вслед за таким отрицательным моментом (социализмом) необходим и позитивный момент (послесоциалистический строй) - достижение и утверждение нового равенства, т. е. абсолютно необходимой исходной базы для нового права.

Негативный характер принципа социализма обусловлен, в конечном счете, тем, что социалистическая собственность (т. е. базис всего социализма) - это лишь последовательное и всеохватывающее отрицание частной собственности на средства производства, а вместе с тем свободного индивида как необходимой исходной фигуры (субъекта) права. Этот негативный принцип исключает возможность правового равенства и права в целом.

С негативным характером принципа социализма и, следовательно, с отсутствием при социализме объективно необходимой основы для права связаны, в конечном счете, беспрецедентные трудности процесса возникновения и утверждения социализма. Социализм продемонстрировал мучительную диалектику исторического прогресса: общество, преодолев ценой огромных жертв предшествующее экономическое неравенство, стало пленником своих достижений (отрицание экономического нера-

венства) и в ожидании мифологического коммунизма окаменело в позе отрицания.

Своим негативным опытом социализм доказал, что собственность (а это прежде всего собственность на средства производства) является не просто одной из исходных и важных форм выражения прав и свобод людей, но и необходимой цивилизованной почвой для свободы и права вообще. Где нет собственности, там не только нет, но и в принципе невозможны свобода, право, равенство, независимая личность и т. д.

Суть так называемой социалистической собственности и вместе с тем всего социализма как раз и состоит в самом радикальном и последовательном отрицании всякой собственности в подлинном, экономико-правовом смысле этого понятия и явления. Поэтому для краткости пользуясь выражением "социалистическая собственность", следует помнить, что это - метафора, иносказание. То же самое относится к выражениям "социалистическое право", "социалистическое государство" и т. д., обозначающим нечто прямо противоположное - отрицание права и государственности, их подмену антиправовым законодательством и партийной диктатурой.

В целом социализм как отрицание прошлого и радикальный антикапитализм представляет собой негативную стадию в развитии мировой истории. И для его краткой характеристики очень подходят слова из предметного указателя к одному из советских уголовных кодексов: "Свобода - см. Лишение свободы".

Главная проблема постсоциализма связана с тем или иным ответом на вопрос о том, куда и как можно идти дальше от социалистического принципа отсутствия частной собственности - назад, к восстановлению частной собственности, буржуазного права и т. д. или вперед, к новому, большему равенству в экономике, праве и т. д.

Историческая миссия социализма полностью исчерпана социализацией всех средств производства - отрицанием частной собственности и созданием социалистической собственности. Но, вопреки предсказаниям, этот строй не стал ступенью и дорогой к обещанному "полному коммунизму". Об этом убедительно свидетельствует безуспешность попыток совершенствования социализма на собственной основе, т. е. на базе господства социалистической собственности.

Но, как показывают итоги проведенной приватизации, заб-

локированным оказывается и возвратный путь от социализма к капитализму, к господству буржуазной частной собственности, к развитым товарно-денежным отношениям и т. д. **Социалистическая собственность, принадлежащая "всем вместе", по сути своей отрицает ее преобразование в частную собственность лишь некоторых, только меньшинства общества.** А частная собственность на средства производства по природе своей такова, что она может быть лишь у некоторых, но не у всех членов общества.

Сложность нашего пути к настоящей собственности (а вместе с тем - к праву, свободе и т. д.) состоит в том, что от обезличенной социалистической собственности необходимо перейти к индивидуализированной собственности, но вместе с тем это не может быть возвратом к частной собственности.

В силу частнособственнической основы всякого до сих пор известного права получается, казалось бы, совершенно тупиковая и неразрешимая ситуация: с одной стороны, жизненно необходимо от неправового, тоталитарного социализма перейти к правовому строю, но, с другой стороны, всякое движение в направлении к праву может вести лишь к частнособственническим отношениям и соответствующим формам права. На этом тупиковом пути к собственности и праву (и всему остальному, что связано с правом и невозможно в условиях бесправия) оказались пока что и мероприятия по преобразованию социализма в капитализм. Здесь, кстати говоря, коренятся глубокие причины неудач многолетних попыток осуществить их.

Но если ошибочно возвращаться назад, да и невозможно просто вернуться к буржуазному праву и к буржуазной частной собственности, то к какому же тогда праву и к какой собственности вообще можно идти от социализма?

Этот вопрос можно сформулировать и по-другому. Возможно ли такое право, которое признавало бы принцип всеобщего формального равенства (т. е. необходимый принцип всякого права, права вообще) и вместе с тем не было бы буржуазным правом? С данным вопросом неразрывно связан и другой вопрос: возможна ли такая индивидуализированная собственность на средства производства, которая вместе с тем не была бы частной собственностью?

Положительные ответы на эти вопросы означали бы **преодоление представлений о капитализме как "конце истории", принципиальную возможность (при наличии соответствующих**

объективных условий) послебуржуазного прогресса свободы, права, собственности и т. д. и вместе с тем небуржуазные ориентиры и перспективы для постсоциалистического строя.

Итак, в результате социализма создана социалистическая собственность - уникальное явление во всемирной истории: впервые все богатство страны представлено в состоянии без собственников и находится в неправовом режиме достояния "всех вместе". Здесь - корни социалистического тоталитаризма, направленного, прежде всего, против каждого в отдельности. Но это негативное "равенство" всех вместе отвергает собственнические привилегии любого и обладает потенцией для утверждения позитивного равенства каждого в отдельности - равного права каждого на одинаковую для всех часть общественного достояния, на равную долю социалистического наследства.

Время преобразования этого потенциала в актуальное состояние и перехода от негативного "равенства" несвободы к позитивному равенству свободы наступило. **От достояния "всех вместе" необходимо перейти к собственности каждого в отдельности.** Этот переход из неправового состояния в правовое может быть надлежаще и по справедливости осуществлен лишь правовым способом - по общесправедливой и единой для всех граждан правовой мере равенства.

3. Цивилизм и гражданская собственность каждого

Природа коммунизма как идеи и как практики (в виде реального социализма XX в.) такова, что его действительно (социально-исторически) можно преодолеть и оставить в прошлом лишь адекватным экономико-правовым удовлетворением коммунистических требований в их рационализированном виде, согласуемом с опорными ценностями, институтами, формами и нормами цивилизации. Речь, следовательно, идет о правовой форме удовлетворения требований и вместе с тем преодоления коммунизма, о правовом способе перехода от неправового социализма к постсоциалистическому правовому строю. Суть правового подхода здесь в том, что всеобщий принцип правового равенства должен быть последовательно применен, прежде всего, в отношении социалистической собственности, в процессе преобразования этого основного итога социализма в настоящую индивидуализированную собственность каждого гражданина на средства про-

изводства. Отрицание необходимо преобразовать в утверждение с учетом итогов истории, на более высоком уровне.

С позиций права все граждане - наследники социалистической собственности в равной мере и с равным правом. И за каждым гражданином должно быть признано право на равную для всех граждан долю во всей десоциализируемой собственности. Социалистическая собственность тем самым будет преобразована в индивидуализированную гражданскую собственность, и каждый гражданин станет обладателем реального субъективного права на **равный для всех минимум собственности**. Помимо и сверх этого нового субъективного права каждый будет иметь право на приобретение любой другой собственности - **без ограничительного максимума**.

Новый, послесоциалистический строй с такой гражданской (цивильной, цивилитарной) собственностью и соответствующим цивилитарным правом можно в отличие от капитализма и социализма назвать **цивилизмом, цивилитарным строем** (от латинского слова *civis* - гражданин).

Переход от социалистической собственности к гражданской собственности, например, применительно к Российской Федерации, можно выразить в следующей юридической форме:

1. Вся бывшая социалистическая собственность в Российской Федерации бесплатно индивидуализируется в пользу всех граждан по принципу равного права каждого гражданина на гражданскую собственность - одинаковую долю от всей преобразуемой социалистической собственности.

2. В соответствии с такой десоциализацией социалистической собственности все ее объекты становятся объектами единого фонда общей гражданской собственности, в рамках которой каждый гражданин обладает равным правом на гражданскую собственность. Управление этим фондом общей гражданской собственности осуществляется на основе Устава фонда периодически избираемыми совершеннолетними гражданами-сособственниками Советом фонда, его региональными и местными отделениями. Устав фонда принимается конгрессом владельцев гражданской собственности.

3. Гражданская собственность у всех без исключения граждан одинакова. Арифметический размер доли каждого гражданина-сособственника в общей собственности всех граждан с учетом числа граждан Российской Федерации, тенденций в динамике на-

родонаселения и необходимости резервного фонда гражданской собственности устанавливается в виде 1/160 000 000 доли общей собственности всех граждан.

Размер гражданской собственности с учетом изменений числа граждан и других обстоятельств определяется через каждые 5 лет. В пределах этого срока изменения в числе граждан и в составе объектов общей собственности граждан не влекут изменения самого арифметического размера гражданской собственности.

4. Юридический статус и титул каждого гражданина в качестве субъекта гражданской собственности официально удостоверяется надлежащим правовым документом о праве собственности.

5. Право на гражданскую собственность носит личный, прижизненный и неотчуждаемый характер. Ни один гражданин не может быть лишен права на гражданскую собственность. Гражданская собственность отдельных граждан не подлежит изъятию из общей собственности всех граждан. Право на гражданскую собственность не может быть полностью или частично передано другому лицу.

6. Для каждого гражданина открывается личный счет гражданской собственности, на который в централизованном порядке поступает равная для всех доля от всех доходов, получаемых от общей собственности всех граждан в результате всех форм рыночно-хозяйственного использования объектов этой собственности.

В порядке пояснений к приведенным положениям следует отметить, что в них речь идет о **бесплатной индивидуализации (цивилитаризации) всей социалистической собственности**, т. е. всех ее форм и объектов. Это, в частности, означает последовательное отрицание как претензий государства (т. е. системы государственных органов и отдельных ее звеньев) на социалистическую собственность, так и, следовательно, его права на долю в десоциализируемой собственности.

За государством признается лишь право на налоги, но не на доходы от объектов десоциализируемой (цивилитаризируемой) собственности. Объекты (здания, техника и т. д.), необходимые для нормального функционирования государственных органов, первоначально должны быть предоставлены из фонда общей собственности граждан в бесплатное пользование, но не в

собственность государства. В дальнейшем (с учетом состояния государственной казны и т. д.) возможен переход и на платный режим пользования подобными объектами. Кроме того, государство (и его органы) может, как и любое другое юридическое лицо в условиях рыночной экономики, на общих для всех условиях арендовать, приобрести в собственность и т. д. любой объект, находящийся в товарно-денежном обороте.

Полное лишение политической власти права на бывшую социалистическую собственность является **необходимым условием для окончательного раскрепощения населения**, для формирования свободных граждан и свободных собственников, настоящих экономических и правовых отношений, независимого от политической власти цивилитарного гражданского общества и утверждения на этой основе цивилитарной правовой государственности. Обществу с цивилитарным правом и гражданской собственностью нужно и соответствующее его сути, целям и интересам **цивилитарное правовое государство**. И не общество должно приноравливаться к государству, а государство - к обществу и потребностям его членов. При этом основное назначение и главная функция цивилитарного государства - защита цивилитарного строя, охрана системы гражданской собственности и обеспечение ее нормального функционирования вместе с членами общества (самими собственниками) и избранными ими лицами.

Поскольку арифметический размер доли каждого гражданина в общей собственности зависит от общего числа всех граждан, то применительно к Российской Федерации на сегодня этот размер равняется около 1/150 000 000 доли общей собственности. Условное завышение числа граждан на 10 млн. продиктовано задачами обеспечения стабильности этой доли (скажем, в течение 5 лет) и формирования необходимого резервного фонда. Но, разумеется, размер доли можно определить и на более короткие сроки (допустим, на 1 год), - в этом случае величина доли будет, конечно, больше, а резервный фонд меньше.

В своем правовом измерении и выражении гражданская собственность - **это идеальная доля каждого собственника** в общей собственности всех граждан. Каково действительное содержание такой идеальной доли, покажет лишь рынок - по мере вовлечения объектов этой общей гражданской собственности в товарно-денежные отношения. Фактически каждый отдельный

владелец гражданской собственности будет получать лишь соответствующую его идеальной доле часть денежных доходов от использования объектов общей гражданской собственности. Эти денежные поступления на специальные счета каждого собственника юридически можно обозначить как **реальную долю владельца гражданской собственности**, которой он может распоряжаться по своему усмотрению. Сама же гражданская собственность в виде идеальной доли по природе своей не может быть изъята из общей гражданской собственности и не может быть предметом какой-либо сделки. Она носит **персонально определенный, неотчуждаемый характер и принадлежит гражданину от рождения до смерти**. Будущие новые граждане (из числа тех, кто родится или получит гражданство по иным основаниям), как и все прежние граждане, будут иметь одинаковое право на равную гражданскую собственность (на равную долю в общей гражданской собственности).

Неотчуждаемое право на гражданскую собственность - это, следовательно, не естественное право каждого человека, а социально-политическое, прижизненное, личное, субъективное право каждого гражданина. Сказанное вовсе не исключает того, что в условиях утвердившегося цивилизма правом гражданской собственности могут быть наделены и те жители страны, которые не имеют права гражданства.

Равенство в собственности ограничено пределами ранее социализированных средств производства и возможно лишь как право на равную гражданскую собственность. **В концепции равной гражданской собственности речь, таким образом, идет именно о признании и закреплении равного права каждого на одинаковую долю в десоциализируемой собственности, а вовсе не о вульгарном физическом делении поровну между гражданами самих объектов социалистической собственности**, что, помимо всего прочего, в принципе невозможно, поскольку равенство вообще (в том числе и в отношениях собственности) возможно лишь в правовой форме.

Такое равное право на одинаковую гражданскую собственность может появиться лишь после социализма - в правовой форме десоциализации (цивилитаризации) уже наличной социалистической собственности. Поэтому, например, взгляды Платона (в "Законах"), Руссо и других эгалитаристов о фактически равной собственности всех выражают неразвитые представле-

ния о природе собственности, права, равенства и свободы. С этим связан и антиправовой, антилибертарный характер их утопий. К тому же фактически равная собственность для них - искомый идеал и конец развития, тогда как равное право на гражданскую собственность предполагает допущение и развитие (сверх этого минимума собственности) также и всех других видов собственности, т. е. возможность и необходимость на базе равной гражданской собственности имущественных различий, поскольку каждый вправе без всяких ограничений приобретать, сверх гражданской собственности, любую другую собственность, находящуюся в рыночном обороте.

Признание гражданской собственности откроет дорогу для любого экономически целесообразного варианта платной "приватизации" (точнее говоря - индивидуализации) объектов общей собственности граждан и их вовлечения в товарно-денежные отношения. Это будет в интересах каждого владельца гражданской собственности, поскольку его доходы (денежные поступления на его счет) будут напрямую зависеть от интенсивности такого товарно-денежного оборота. На этой основе естественным образом сформируется то **необходимое общественное согласие** переходу к постсоциалистическому цивилитарному рынку, которое недостижимо при нынешней приватизации, осуществляемой в ущерб интересам значительной части общества. Вместе с тем **только признание гражданской собственности даст реальную социальную легитимацию и гарантию правомерности, стабильности и общественной защищенности также и всех остальных форм собственности.**

После признания гражданской собственности к платной приватизации в принципе могут быть допущены все объекты общей собственности граждан (включая и землю), за исключением объектов общенационального значения. При этом определенная часть некоторых из допущенных к обороту объектов (например, часть земли, полезных ископаемых и т. д.) должна оставаться в общей собственности граждан, т. е. не продаваться, а, скажем, сдаваться в аренду и т. д. Иначе говоря, в общей собственности всех граждан должна оставаться определенная часть наиболее ценных объектов, необходимая и достаточная для экономически эффективного и результативного функционирования исходной конструкции гражданской собственности и цивилитарного строя.

Распродажа всех объектов общей собственности граждан и, следовательно, преобразование вещественного состава этой собственности в соответствующие денежные доходы граждан означали бы конец гражданской собственности. Однако не только экономически, но и социально-исторически и политически принципиально важно сохранение на видимую перспективу неотчуждаемого права каждого на гражданскую собственность как гарантированный для всех минимум собственности.

Сверх этого минимума гражданской собственности допускаются и все другие виды собственности, так что физические и юридические лица могут в меру своих возможностей и без всякого ограничения приобретать по правилам рынка себе в собственность любой из объектов, находящихся в товарно-денежном обороте. Разумеется, в отношении такой (негражданской) собственности ее владелец будет обладать всем комплексом обычных правомочий владения, пользования и распоряжения.

Все эти виды собственности, допускаемые сверх гражданской собственности, можно было бы для простоты назвать "частной собственностью" (индивидуальной, групповой и т. д.), но в строгом социально-экономическом смысле это не частная собственность, точно так же, как и "приватизация" после признания гражданской собственности принципиально отличается от нынешней приватизации (т. е. создания частной собственности), которая проводится до и без признания гражданской собственности. Дело в том, что частная собственность (от античной до наиболее развитой, буржуазной) предполагает наличие несобственников, деление общества на собственников и несобственников. **Наделение всех гражданской собственностью радикально меняет все отношения собственности и сам тип общественного и государственно-правового строя:** одно дело - антагонизм между собственниками и несобственниками, и совсем другое дело - отношения между владельцами большей и меньшей собственности в условиях пожизненного неотчуждаемого равного права каждого на минимум собственности.

Известно, что частная собственность при всех своих недостатках сыграла существенную роль в общечеловеческом прогрессе, и до сих пор наиболее высокая ступень свободы (в виде всеобщего формально-правового равенства людей, свободы личности в качестве субъекта права и владельца собственности, члена гражданского общества и правового государства) реально-

исторически достигнута в условиях развитой буржуазной частной собственности. Преобразование социалистической собственности в гражданскую собственность ведет к новому строю с более содержательным (чем при капитализме) принципом равенства и справедливости, с более развитыми формами собственности, свободы и права.

Хотя в реальной действительности социализм оказался строем без настоящей собственности, свободы и права, однако в результате социалистического отрицания капитализма создана впервые в истории социалистическая собственность "всех вместе", справедливое (в соответствии с принципом всеобщего правового равенства) преобразование которой ведет к цивилизму. И для объективной оценки места и значения социализма в историческом прогрессе свободы, равенства, права и отношений собственности принципиальное значение имеет то обстоятельство, что **никакой другой тип собственности, кроме социалистической собственности, не допускает подобного преобразования и такой всеобщей и бесплатной индивидуализации (цивилитаризации) по принципу правового равенства всех граждан.** Только социалистическая собственность обладает таким уникальным потенциалом.

Признание права каждого на равную гражданскую собственность - в отличие от всех других способов "разгосударствления" - это не раздел или раздача объектов социалистической собственности, а надлежащая юридическая форма признания и закрепления права на равную долю в общей собственности всех граждан с вытекающим отсюда правом каждого гражданина как сособственника на равную часть денежных доходов от платного использования объектов общей гражданской собственности. Концепция гражданской собственности, по которой каждый приобретает юридический титул собственника и реально становится собственником равной доли десоциализируемой собственности на средства производства, ничего общего не имеет с уравниловкой. По своей сути уравниловка - это всегда потребительская уравниловка, антиправовое регулятивное средство для достижения и обеспечения так называемого фактического равенства. Отрицая и право, и собственность на средства производства, уравниловка имеет дело с властно-принудительным распределением (по правилам социальных привилегий) только предметов потребления в обстановке отсутствия

экономико-правовых отношений. Равное же право каждого на гражданскую собственность подразумевает действительное право и настоящую собственность, т. е. нечто прямо противоположное уравниловке.

Признание каждого гражданина реальным собственником порождает в обществе и стране мощные и непреодолимые **центроостремительные силы** и станет фундаментом стабильного правопорядка. Справедливое решение проблемы собственности на уровне каждого индивида существенно ослабит энергию и всех остальных конфликтов в обществе.

Введение гражданской собственности будет означать **действительное разрешение проблемы отчуждения от собственности, реальную и всеобщую гуманизацию отношений собственности** в интересах каждого. Такая собственность преобразует общество "всех вместе" в гражданское общество экономически и юридически свободных и независимых индивидов и создаст необходимые условия для утверждения цивилитарного правового государства.

Право на гражданскую собственность - **это не просто абстрактная правоспособность** индивида иметь (или не иметь) собственность на средства производства, а уже **приобретенное, наличное и неотчуждаемое субъективное право на реальную собственность.** Таким образом, цивилитарное право - это **новое, послебуржуазное и постсоциалистическое правообразование.** Оно сохраняет принцип любого (в том числе и буржуазного) права, т. е. принцип формального равенства, и вместе с тем содержательно дополняет и обогащает его качественно новым моментом - реальным субъективным правом каждого на одинаковый для всех минимум собственности.

Подобно тому как гражданская собственность - это настоящая юридически индивидуализированная собственность на средства производства, но уже не буржуазная частная собственность, так и право на гражданскую собственность - настоящее право, но уже не буржуазное право. **Цвилитарное право, таким образом, по своему содержанию и уровню развитости стоит выше предшествующих типов права и, следовательно, в правовой форме воплощает большую меру свободы людей и выражает более высокую ступень в историческом прогрессе свободы в человеческих отношениях.**

Можно предположить, что и видимый дальнейший прогресс

свободы будет осуществляться по **цивилитарной модели** обогащения и дополнения опорного принципа формально-правового равенства новыми неотчуждаемыми субъективными правами.

4. Цивилизм - новая ступень во всемирной истории

В контексте объективно-исторической возможности перехода от социализма к цивилизму **все остальные варианты преобразования реально сложившегося социализма** неизбежно предстают как отклонения от вектора исторического прогресса и в этом смысле как **исторически регрессивные**, как обесмысливание исторических усилий прошлого, неспособность воспользоваться их результатами и, оставаясь на острие истории, продолжать ее дальше.

Концепция цивилизма показывает, что социализм - не историческая ошибка и не впустую затраченное время, что беспрецедентные жертвы нескольких поколений наших предшественников и соотечественников не пропали даром, что при социализме впервые созданы предпосылки (в виде социалистической собственности) для перехода к более высокой, более справедливой, более гуманной ступени развития общечеловеческой цивилизации.

Реальный опыт социализма и объективно-исторически подготовленные в результате социализма предпосылки для перехода к цивилизму свидетельствуют о том, что искомое на протяжении тысячелетий "фактическое равенство" не абсолютно, а относительно. Оно в действительности возможно лишь как момент "экономического равенства" в экономико-правовой форме и в пределах индивидуализированной равной гражданской собственности как единого для всех минимума собственности, без ограничивающего максимума. И цивилизм, таким образом, тоже не конец исторического прогресса свободы и равенства, а лишь новая ступень в его развитии.

Для успешного преодоления социализма и перехода к постсоциалистическому правовому строю необходим свой "общественный договор", основанный на принципе равного права каждого на одинаковую для всех граждан долю во всей десоциализируемой собственности. Всякий, кто хочет от социалистической собственности получить больше равной для всех гражданской собственности, тот по существу претендует на привилегии. Но неправомерные приобретения из общественного

достояния вряд ли удастся легитимировать как настоящую собственность, не только записанную на бумаге, но и всерьез признанную обществом с социалистическим прошлым.

Идея гражданской собственности - главный вывод из всего предшествующего социализма. До и без социализма, априорно и умозрительно, во времена Гегеля, Маркса или Ленина эту идею и такое направление развития истории невозможно было бы и придумать.

Коммунистическое требование "фактического равенства" в своей борьбе против пороков цивилизации отвергает сами ценности и достижения общечивилизационного процесса. **Гражданская собственность - это исторически найденная форма удовлетворения и вместе с тем одновременно преодоления этих разрушительных требований в категориях самой цивилизации, т. е. в форме права собственности.** Цивилизация при этом сохраняется и развивается благодаря тому, что она обогащается новым формообразованием свободы - неотчуждаемым правом каждого на гражданскую собственность. Средствами досоциалистической цивилизации это всемирно-историческое требование большего равенства, чем предшествующее равенство, не разрешимо и не одолимо.

Концепция цивилизма обладает регулятивным потенциалом и для капитализма. Это регулятивно-ориентирующее значение идеи цивилизма (в качестве нового категорического императива⁷⁸) можно в общем виде сформулировать так: от капитализма к цивилизму, минуя социализм. Более конкретно это означает: **каждому - неотчуждаемое право на гражданскую (цивилитарную) собственность.**

Концепция постсоциалистического цивилизма уже содержит **адекватный правовой ответ коммунистическим требованиям масс.** Этим ответом может (и объективно будет вынуждено) воспользоваться и капиталистическое общество, чтобы избежать мук реального социализма. Но для этого сложившихся социальных услуг бедным и так называемого шведс-

⁷⁸ У **Канта**, чье понятие здесь используется, отсутствует, разумеется, идея равной гражданской собственности, появление которой исторически и логически возможно лишь после социализма. Это, кстати говоря, очень хорошо демонстрирует апостериоризм реального содержания максим его категорического императива, ограниченного социально-историческими границами абстрактной правоспособности и частной собственности.

кого социализма в пользу несобственников окажется мало: необходимо будет каждого наделить неотчуждаемым правом на достаточный минимум собственности на средства производства, т. е. на персонально определенную равную долю каждого в рамках общей гражданской собственности всех. Понятно, что размер этого минимума и самой общей собственности всех граждан будет зависеть от соотношения сил, претензий и интересов в соответствующем обществе, степени его богатства, уровня жизни населения и целого ряда иных факторов, которые в своей совокупности определяют конкретное содержание соответствующего "общественного договора" о гражданской собственности. Но это уже трудности и проблемы самого капитализма: как и каким конкретно способом может быть в условиях буржуазного общества создана такая общая гражданская собственность, на базе которой можно было бы сделать каждого владельцем равной доли гражданской собственности, найти свой путь к посткапиталистическому цивилизму, оставить тем самым социализм позади себя, избавиться от порождающих и сопровождающих его проблем и т. д.

При всех различиях между ними **постсоциалистический цивилизм и посткапиталистический цивилизм** обладают принципиальным единством и типологической общностью благодаря их единой основе - пожизненному неотчуждаемому праву каждого на гражданскую собственность. Лишь на такой принципиально новой основе может быть преодолен и снят антагонизм между коммунизмом и капитализмом. Коммунизм и капитализм могут встретиться и примириться лишь на базе цивилизма, т. е. на почве и в условиях будущего принципиально нового строя. **Концепция цивилизма тем самым демонстрирует ошибочность и иллюзорность представлений о конвергенции между капитализмом и социализмом.** Речь на самом деле должна идти не о конвергенции капитализма и социализма, а о преодолении и социализма, и капитализма, о переходе и от социализма, и от капитализма к цивилизму.

В контексте исторического прогресса свободы можно уверенно сказать, что порожденный и подкрепленный реальной историей социализма категорический императив о неотчуждаемом праве каждого на общеобязательный минимум гражданской собственности преодолет сопротивление сложившихся отношений в сфере собственности и подчинит их своему регулятивно-

му воздействию. В исторических масштабах вектор развития общественной практики совпадает с направлением и ориентирами прогресса идей.

Идея цивилизма как новой ступени исторического развития демонстрирует, что **новое в истории** (как и вообще новое) - это, вопреки поговорке, не хорошо забытое старое, а до поры, до времени отсутствующее, невидимое и неизвестное очередное будущее. Его нельзя придумать или сконструировать лишь из материала прошлого и настоящего, потому что главное и конституирующее в этом будущем, т. е. собственно новое, всегда находится за пределами видимости всех прежних представлений о будущем. Можно сказать, что историческое пространство, как и пространство физическое, искривлено и увидеть, что нового за предстоящим большим историческим поворотом, можно лишь после того, как такой поворот уже реально исторически подготовлен и объективно возможен. И на поверку оказывается, что говорящие о "конце истории" по существу признают, что для них действительно предстоящее будущее еще невидимо, неизвестно, неизвестно.

Применительно к социально-историческим концепциям Гегеля и Маркса можно сказать, что вне поля их видения и теоретического осмысления неизбежно оказалась открывшаяся лишь после реального социализма объективно-историческая возможность формирования неотчуждаемого права каждого на равную гражданскую собственность и в целом движения к цивилизму как более высокой ступени в прогрессе свободы и права.

При освещении пути к цивилизму **концепции Гегеля и Маркса** представляют особый интерес именно потому, что их учения до сих пор остаются в теоретическом плане **двумя наиболее развитыми и вместе с тем типологически радикально противоположными трактовками капитализма и коммунизма.**

В силу неизбежной объективно-исторической ограниченности каждая из этих концепций по-своему абсолютизировала относительное, выдавая конец видимого отрезка истории за конец истории вообще. Такой видимой частью истории для гегелевской концепции является капитализм, для марксизма - антикапитализм. И каждая из этих концепций трактовала невидимую ей часть истории как простое и прямое продолжение (до дурной бесконечности - до "конца истории") видимой части истории. **Отсюда и неизбежное историческое мифотворчество о неиз-**

ством будущем, находящемся за невидимым грядущим очередным большим поворотом истории.

Современная перепроверка - с позиций концепции цивилизма - прошлых представлений об историческом прогрессе свободы и права позволяет выявить и отличить в них верное и познавательно ценное от исторически обусловленных иллюзий, искажений, недоразумений (а всякий **миф** в своей основе - это в буквальном смысле не-до-разумение, т. е. еще адекватно непонятное, пока что недоступное разуму).

Так, с точки зрения концепции цивилизма очевидна мифологичность гегелевских и современных представлений о капитализме как вершине и конце прогресса свободы, права, собственности и т. д. Но вместе с тем в этих представлениях присутствует та верная мысль, что свобода, собственность и т. д. возможны лишь в правовой форме, что исторический прогресс - это по сути правовой прогресс и что, следовательно, выход за границы капитализма, его отрицание - это одновременно отрицание права, свободы, собственности вообще. Реальный (антикапиталистический) социализм XX в. выразительно подтвердил это.

В свою очередь, мифом оказалось и коммунистическое представление о том, будто отрицание капитализма (частной собственности, правового равенства и т. д.) освобождает людей, дает им большее, "фактическое равенство", ведет к полному коммунизму и т. п. Но многие критические положения этого подхода (критика недостатков частной собственности, указание на ограниченный характер абстрактно-равной правоспособности и т. д.) по существу верны, хотя и искажены коммунистической мотивацией, критериями и ориентирами этой критики. Реально-историческим подтверждением основательности этой критики является фактическая ликвидация капитализма в XX в. в целом ряде стран в духе именно марксистско-пролетарского антикапитализма.

Хотя коммунистический антикапитализм (в реальной истории - социализм) не привел к прогнозируемому "полному коммунизму", это не умаляет его всемирно-историческое значение в качестве переходного периода между капитализмом и цивилизмом. С точки зрения прогресса свободы и права **всемирно-исторический смысл социализма - в подготовке необходимых условий для перехода к цивилизму.**

В контексте изложенной диалектики исторического прог-

ресса свободы и права (от капитализма - через социализм - к цивилизму) можно сказать, что с исторических и теоретических позиций и Гегеля, и Маркса (да и вообще - **до** современного кризиса социализма) цивилизм не только не виден, но и вообще не вообразим, поскольку его тогда и за потенциальным историческим горизонтом мысли и реалий еще не было. **Ограниченная позитивная диалектика Гегеля в действительности упирается в капитализм, радикальная негативная диалектика Маркса завершается антикапитализмом. Концепция цивилизма выражает, продолжает и развивает диалектику исторического прогресса, преодолевая ограниченность гегелевской и негативизм марксово-версий диалектики исторического развития.**

Таким образом, цивилизм как более высокая ступень развития права (свободы, равенства и справедливости) - это преодоление прежних концепций (в том числе - гегелевской и марксово-версий) диалектики всемирной истории и выражение новой (цивилитарной) концепции диалектики, диалектического "снятия" нового негативного (коммунистического отрицания права) и утверждения нового позитивного (цивилитарного права). При этом новое цивилитарное право представляет собой результат социально-исторических преобразований и диалектического синтеза предшествующих моментов позитивного и негативного - буржуазного права и коммунистического неправа. Цивилитарное право признает (и утверждает) в буржуазном праве право (правовое начало) и вместе с тем преодолевает его буржуазность (буржуазную ограниченность). В отношении к коммунистическому неправо цивилитарное право отрицает (и преодолевает) это неправо (коммунистическое отрицание права), но вместе с тем признает (и в преобразованной, правовой форме утверждает) правовые формы преобразования (юридической трансформации) итогов такого коммунистического отрицания предшествующего (в том числе буржуазного) права. **Цивилизм и цивилитарное право невозможны как без докоммунистического права, так и без его коммунистического отрицания.**

Если даже реальный социализм XX в. упустит объективную возможность для перехода к цивилизму, то это вовсе не будет означать ни потери самой идеи цивилизма (и ее автономного регулятивного воздействия - и без прямой практической ее реализации, в концептуально-императивном, "чистом" виде), ни уже навсегда открывшегося пути к нему. **Без перехода к цивилизму**

ни коммунистическую идеологию, ни новые попытки ее реализации преодолеть невозможно.

Без признания и утверждения правового института гражданской собственности любая индивидуальная собственность будет по своей природе частной собственностью со всеми присущими ей антагонизмами, а там, где есть частная собственность, там неизбежна и борьба против нее, там естественно возникает и **коммунистическая идея - бессмертная идеология несобственников.**

Кровавый путь от капитализма к социализму был проделан при попутном ветре истории, усиленном чарами притягательного мифа о всеобщем земном рае. Проект возвращения от социализма к капитализму лишен не только подобных сверхмотиваций, абсолютно необходимых для любого большого исторического дела, но и той справедливости и соответствующей массовой поддержки, которые необходимы для **достижения социального согласия в обществе с социалистическим прошлым.** Сделать бывшее небывшим не могли даже олимпийские боги. Тем более что "бывшее" (в нашем случае социализм), как показывает концепция цивилизма, обладает потенциалом, необходимым и достаточным для достижения исторически более высокой, чем прежде, ступени свободы, равенства и справедливости.

5. Цивилизм как национальная идея России

Социализм как переходный строй между капитализмом и цивилизмом - такова диалектика всемирной истории и тот всемирно-исторический контекст, в рамках которого только и можно адекватно уяснить **координаты российской истории XX в.**, понять, откуда и куда мы идем, какая будущность нас ждет, каковы предпосылки и условия нашего перехода к праву, к экономической, юридически и морально свободной личности, гражданскому обществу, товарно-рыночным отношениям, правовому государству, каково, наконец, отклонение нашего реального движения от наших объективных возможностей и необходимостей идти к цивилизму.

Без коммунистической перспективы реальный социализм (а именно социализм коммунистический) оказался в исторической ловушке и предстал как переходный строй без переходов. Отсюда и представления о социализме как исторической ошибке и тупиковой ветви общественного развития, попытки исправить

дело возвращением к капитализму как конечному и высшему пункту мировой цивилизации.

Но история и цивилизация не остановились на капитализме, капитализм - не конец истории, а социализм - не историческая ошибка сотен миллионов людей на протяжении почти столетия в России, а затем и в целом ряде других стран.

Цивилизм как концепция постсоциализма освобождает общество с социалистическим прошлым от **комплекса исторической неполноценности** и демонстрирует, что социализм - это не впустую затраченное время, а самый тяжкий и жестокий этап всемирной истории (этап негативный, время отрицания прошлого - для будущего) на пути к утверждению более высокой ступени человеческой свободы, равенства, справедливости и права.

Колесо всемирной истории прошло по тем, кто оказался в социалистическом пространстве и времени. Отсюда наши потери и трагедии. Но здесь - и работа на будущее.

Все эти соображения и суждения по вполне понятным причинам относятся прежде всего и главным образом к российскому обществу, к России, где была начата и ценой огромных усилий и жертв осуществлена до практически возможных пределов реализация коммунистической идеи. И в этом всемирно-историческом процессе Россия была, выражаясь языком Гегеля, носителем мирового духа, исполнителем его поручения.

Но коммунизм не справился со своими проблемами, не понял реального смысла своей практики и подлинных тенденций ее эволюции. Большие идеологии (в их числе и коммунистическая) эгоистичны: они пренебрегают всем, включая и будущность своей практики, во имя самосохранения даже в виде устаревшего и разоблаченного мифа, ставшего уже сказкой.

Контуры цивилизма как будущности социализма стали проясняться лишь в условиях стагнации и кризиса реального социализма, выявивших иллюзорность коммунистической перспективы и неадекватность доктринальных представлений о социализме как низшей фазе коммунизма, которая на базе социализированной собственности должна была бы развиваться в полный коммунизм.

Очевидно, что до появления соответствующих объективно-исторических реалий периода упадка и кризиса практически сложившегося социализма не было и самой возможности для уяснения его будущности. Так что ни в XIX в., ни в первой по-

ловине XX в. не было еще условий для формирования даже представлений о цивилизме как будущности социализма.

Между тем тот или иной **смысловой образ будущего**, та или иная **концепция будущности** соответствующего исторического явления (в нашем случае - концепция будущности социализма) играет существенную роль в процессе познания и преобразования действительности, в понимании прошлого и современности в их взаимосвязи и единстве с будущим.

Так, ясно, что ни буржуазные представления о капитализме как вершине исторического развития, ни марксистские представления о социализме с коммунистической будущностью по сути своей не могут допустить после буржуазной частной собственности, буржуазного права, буржуазного товарно-рыночного хозяйства, буржуазного гражданского общества и буржуазного правового государства какого-то нового (послебуржуазного) типа индивидуальной собственности на средства производства, нового типа права, рынка, гражданского общества и государства.

И только в концепции цивилизма, отрицающей одновременно и коммунистическую, и капиталистическую перспективы для социализма, впервые обосновывается объективно-историческая возможность нового (постсоциалистического и вместе с тем небуржуазного) типа индивидуальной собственности, права, рынка, гражданского общества и правового государства.

С позиций концепции цивилизма ясно, что актуально обсуждаемые у нас трудности перехода к рынку, гражданскому обществу, правовым отношениям в экономике, политике и т. д. - это трудности перехода не вообще к рынку, гражданскому обществу, праву и т. д., а именно к буржуазному рынку, к буржуазному гражданскому обществу, к буржуазному праву и т. д.

Например, тезис современных сторонников рынка о том, что рынку нет альтернативы, по сути дела имеет в виду капиталистическое "рыночное общество" и игнорирует (невольно) альтернативу рынка при цивилизме, на базе гражданской собственности.

Борьба, следовательно, идет не за или против рынка, а за тот или иной тип рынка. Проблема состоит сегодня не в том, что наше общество против рынка; скорее, наоборот, оно за рынок, но за такой рынок, переход к которому связан не с отрицанием социализма в пользу капитализма, а со справедливым для всех членов общества преобразованием социализма, исключаящим

чьи-либо привилегии за счет "всех вместе". Иначе говоря, **наше общество готово к далеко идущим и весьма радикальным преобразованиям в духе требований принципа всеобщей справедливости, открыто для утверждения некапиталистического и вместе с тем несоциалистического строя. Такое постсоциалистическое будущее и представлено в концепции цивилизма.**

Как идейно-теоретический итог российского опыта XX в. цивилизм (в своей непосредственной причастности к судьбам России и российской истории) является современным выражением (в общезначимых для общечеловеческой цивилизации категориях всемирно-исторического прогресса свободы и права) того, что традиционно в России именуется **национальной идеей**, т. е. по существу такой идеей, в которой национально-историческое начало имеет не только узконациональное значение, но включает в себя и выражает также общечеловеческие, всемирно-исторические ценности. Только при таком сочетании начал национальной самобытности и общечеловеческой значимости вообще уместно говорить о национальной идее в социально-историческом контексте и смысле.

В этом общеисторическом смысле национальной идеей постсоциалистической России может быть лишь концепция цивилизма. Все остальное - потеря исторического лица, уход с арены всемирной истории на регионально-исторические задворки. Только концепция цивилизма оправдывает усилия столь тяжкого российского прошлого (с его мессианством, энтузиазмом, самопожертвованием и невероятными лишениями во имя будущего), довершает начатое историческое дело и придает адекватную будущность уникальной по своей напряженности российской истории XX в.

В концепции постсоциалистического цивилизма **прошлое и будущее России** приобретают взаимосвязанный и осмысленный характер как ступени единого, прогрессивно развивающегося исторического процесса. Только благодаря этому можно концептуально, а не голословно утверждать, что **у России есть не только прошлое, но и будущее, что у нее есть своя история** (история самобытная и вместе с тем общечеловечески и всемирно значимая), которая имеет собственное всемирно-историческое продолжение.

Когда же из прошлого России по тем или иным соображениям вычеркивают социализм, а постсоциалистическую Россию как "блудного сына" зовут вернуться к дореволюционным порядкам

или к капитализму, то это фактически означает **историческую дисквалификацию России** - и на прошлое, и на все оставшееся будущее. Если, как полагают идеологи возврата назад, Россия почти весь XX в., то есть в эпоху ее максимальной всемирно-исторической активности и значимости, по ошибке или по иному ущербному основанию вела себя и других в тупик, то на какую будущность она может в таком случае рассчитывать?

Идеология ошибочности и тупиковости российской истории XX в., будучи по сути своей антиисторичной, навязывает России и ее народам стойкий комплекс исторической неполноценности и отбрасывает страну на периферию социально-исторического развития.

Между тем ясно, что социализм XX в. - это прежде всего история России. Более того - это, по критериям всемирной истории, самое существенное во всей истории России. Тот звездный случай, когда национальная история напрямую делает дело всемирной истории. Делает потому, что способна это сделать и видит в этом свое собственное дело и свою всемирно-историческую миссию. По ошибке, обману и т. д. такие дела не делаются. **Именно в России проделана вся черновая работа всемирной истории, связанная с реализацией и практической проверкой общечеловеческой коммунистической идеи. Ответ найден - цивилизм с неотчуждаемым правом каждого на гражданскую собственность. Это и есть национальная идея постсоциалистической России, российский вклад во всемирно-исторический прогресс свободы и равенства людей.**

6. Последствия капитализации социализма и основные условия общественного договора о цивилизме

Постсоциалистическая практика, как известно, пошла своим путем проб и ошибок. В целом в результате осуществленных в стране в 90-е годы XX столетия постсоциалистических преобразований Россия оказалась в **качественно иной социально-экономической, государственно-правовой, духовной, исторической, геополитической и международной ситуации.**

В условиях развала в стране и мире прежней социалистической системы в России, как и в других бывших социалистических странах Восточной Европы и республиках СССР, начали проводиться реформы, в общем и целом рассчитанные, по замыслу реформаторов, на демонтаж социалистических структур,

приватизацию социалистической собственности и создание частной собственности и переход на этой основе к современному западному капиталистическому строю. Примечательно, что этот замысел никогда открыто не провозглашался реформаторскими властями, видимо, из-за очевидной одиозности понятия "капитализм" для большинства членов социалистического общества. Это понятие продолжает оставаться затабуированным для идеологов реформ, которые до сих пор не предложили реформируемому сверху обществу какой-либо продуманной программы преобразований и ничего внятного не сказали о **конечной цели этих преобразований - об искомом будущем строе.**

Провозглашенные в Конституции Российской Федерации 1993 г. правовые начала и требования (в области прав и свобод человека и гражданина, правовой системы, основ гражданского общества, правового государства, федерализма и т. д.) по своему социально-историческому смыслу и содержанию характерны для прочно сложившегося буржуазного либерально-демократического строя. Отсутствие таких условий в постсоветской России (сегодня и в достаточно долгой перспективе) порождает большой разрыв между соответствующими конституционными положениями и фактически складывающейся действительностью. Избранный курс преобразований (так называемое разгосударствление посредством приватизации бывшей социалистической собственности) привел пока что не к капитализму, а к весьма неразвитым, докапиталистическим (добуржуазным) социальным, экономическим, политическим и правовым формам и отношениям.

Когда идеологи капитализации социализма, старательно избегающие слов "социализм" и "капитализм", говорят о "разгосударствлении" и приватизации собственности, то при этом как бы само собой разумеется, что речь идет об изначальной собственности государства и о ее разгосударствлении, а не о достоянии народа, не о десоциализации (и одновременно - подлинном огосударствлении) бывшей социалистической собственности. **Между тем главным и определяющим фактором всего процесса проведенных постсоциалистических преобразований стало действительное огосударствление социалистической собственности. В этом - суть дела, все остальное (в экономике, политике, законодательстве и т. д.) - следствие.** Данное обстоятельство заслуживает тем большего внимания, что оно, как ни странно, до сих пор не осознано обществом.

Именно в ходе так называемого разгосударствления и приватизации была изменена природа социалистической собственности, и она впервые на самом деле - в экономико-правовом смысле - была огосударствлена. И только с помощью приватизации (и, следовательно, признания частной собственности и допущения неопределенного множества частных собственников) постсоветское государство как раз создало экономико-правовые условия, необходимые для самоутверждения в качестве настоящего собственника.

По смыслу этого процесса вся масса объектов бывшей социалистической собственности становится настоящей собственностью государства именно потому, что некоторые ее объекты на тех или иных условиях (в ходе "ваучерной", а затем и денежной приватизации) переходят к отдельным членам общества (индивидам, трудовым коллективам, объединениям, акционерным обществам и т. д.).

В ситуации действительного огосударствления собственности и появления настоящей частной собственности в руках государства (Федерации в целом и 89 ее субъектов) неизбежно развернулась борьба между различными частями и звеньями государства (по вертикали и горизонтали) за право быть субъектом этой собственности.

Заслуживает внимания и то, что после победы президентской ветви власти над прокоммунистическими сторонниками прежнего Верховного Совета в ходе малой гражданской войны в Москве в сентябре-октябре 1993 г. "государство" в качестве собственника представлено исполнительной властью, т. е. центральной и местной бюрократией, всесильным и бесконтрольным сословием чиновников.

Не менее ожесточенный характер приняла и война (между представителями номенклатуры, криминальными структурами, трудовыми коллективами и т. д.) за приватизируемые объекты собственности.

Основные итоги осуществленного типа десоциализации собственности (на путях "разгосударствления" и приватизации) состоят в том, что в России действительно созданы исходные начала и формы собственности, права, государственности, рынка и т. д. Однако эти начала и формы, строго говоря, **добуржуазные** - по их природе и содержанию, по степени их социально-исторической развитости и т. д.

При оптимистической оценке идеи капитализации социализма можно сказать, что реформаторы в общем успешно и грамотно движутся в исторически известном направлении к капитализму: от рабства - через феодализм. В пессимистической же редакции это означает, что социализм в капитализм не преобразуется, и из первого второе не получается. Все это, конечно, плохо вяжется со сверхзадачей избранного пути преобразований - осуществить переход от социализма к капитализму.

Причина, по которой мы в результате проводимых реформ неизбежно оказываемся в докапиталистической (можно сказать, неофеодальной) ситуации, кроется в природе складывающихся у нас общественных и политических отношений, в типе собственности и права. Эта типология предопределена постсоциалистическим огосударствлением собственности, т. е. созданием такой собственности, которая еще не свобода от государственной власти, и такой государственной власти, которая еще не свободна от собственности. В социально-историческом измерении подобная ситуация симбиоза власти и собственности характерна для феодальной стадии, когда экономические и политические явления и отношения в силу их неразвитости еще не отделились друг от друга и не образовали две различные сферы относительно независимого, самостоятельного бытия - гражданского общества и государство.

Своеобразие складывающейся у нас сверхновой феодальной туманности определяется уникальностью нашей вновь возникшей государственной (по существу - частной) собственности и особенностями формируемой на этой основе системы экономических, правовых и публично-властных отношений.

Феодальная природа исходного начала "власть-собственник" по-феодальному деформирует и власть, и собственность, и отношения между ними.

Эта тенденция к неофеодализации отчетливо проявляется уже в том, что сама формирующаяся постсоветская российская государственность в силу огосударствления собственности оказывается - в духе феодализма (отсутствие прочного внутрисоциального суверенитета, дробление на удельные княжества, рост сепаратизма и т. д.) - совокупностью множества фактически достаточно независимых друг от друга государственных образований, наглядно демонстрирующих отсутствие подлинного внутреннего государственного суверенитета. Причем это не обыч-

ная, характерная для развитого государства, децентрализация единых государственных полномочий и функций, не их частичная передача от центра местам. Напротив, в нашей центробежной ситуации места сами претендуют на роль независимых центров. С этим и связана тенденция к формированию множества самостоятельных центров власти-собственности, по своей сути запрограммированных и ориентированных на утверждение, в меру возможности, своего суверенитета, на отрицание или хотя бы максимальное ограничение суверенитета объединяющего их государственного целого.

Процесс десуверенизации целого и суверенизации его составных частей, названный "парадом суверенитетов", усугублен и усилен в России национальным фактором. Но главное здесь обусловлено, мотивировано и актуализировано именно огосударствлением собственности, в результате чего появилось, как минимум, 90 центров власти-собственности (Федерация в целом и 89 ее субъектов), не считая прочие региональные и местные претензии на власть и собственность.

В такой ситуации объективно - независимо от субъективной воли ее участников - мера и пространство власти определяют ареал и состав ее собственности. В свою очередь, такая собственность в сложившейся обстановке - необходимое условие и материальная основа для утверждения в качестве государственной власти на определенной территории.

Отягощенность различных частей и звеньев формирующейся государственности (на всех уровнях - общегосударственном, региональном, местном) своей собственностью развязала **мощную и долгосрочную центробежную тенденцию** к самостийности и неофеодалному дроблению страны. Утверждению единого государственного суверенитета в России препятствует именно государственная собственность в руках Федерации в целом и ее субъектов. Государство-собственник мешает государству-власти утвердиться в качестве суверенной организации, поскольку суверенитет по своей сути - это организация власти, а не собственности.

И в этом можно увидеть своеобразную расплату за неправомерное огосударствление общественного достояния. Вместо того чтобы наконец-то стать общим делом народа, посттоталитарное государство из-за деформирующей его собственности оказывается частным делом федеральной и региональной бю-

рократии, новых политико-экономических элит в центре и на местах, пронизанных коррупцией и связанных с организованной преступностью.

Там, где нет прочно утвердившейся единой системы суверенной государственной власти, там по определению не может быть реальному верховенства обязательного для всех закона, единого экономического, политического и правового пространства.

Для реально складывающейся ситуации характерны такие **типично феодальные явления**, как отсутствие в стране общего правопорядка и единой законности, девальвация роли закона, бездействие общих правовых принципов и норм, конкуренция источников права в центре и на местах, раздробленность и хаотичность правовой регуляции, "сословно-цеховой" характер различных правомочий и правовых статусов. Вместо декларированных в новой Конституции всеобщих прав человека и гражданина и в противовес принципу всеобщего правового равенства в реальной жизни доминирует дух корпоративизма и чиновничьих усмотрений, действует множество установленных общегосударственными и региональными властями особых прав-привилегий, специальных правовых режимов, разного рода льгот и исключений из общих правил - в пользу отдельных лиц, групп, профессий, корпораций, социальных слоев, территорий и т. д.

Неофеодалные права-привилегии особо откровенно и результативно утвердились в процессе приватизации и вообще в сфере собственности. Здесь каждый субъект и объект собственности, любой промысел появляется, живет и действует не по единому общему правилу, а в виде исключения из него, в каком-то казусном (т. е. определенном для данного конкретного случая) статусе и режиме.

Такой крен в сторону **феодализации отношений собственности** был задан курсом самой приватизации, в результате которой приобретение реальной собственности оказалось привилегией лишь немногих, так что складывающиеся в этих условиях отношения собственности представляют собой пестрый и хаотичный конгломерат особых прав-привилегий.

Рука власти настолько зримо и заинтересованно управляет всеми этими отношениями собственности, опутанными многочисленными бюрократическими требованиями и ограничениями, что до невидимой руки свободного рынка - целая эпоха.

Постсоциалистическое общество поляризуется на мень-

шинство собственников и большинство несобственников в духе именно таких нефеодалных прав-привилегий в сфере собственности и иных отношений. Именно на несобственников в нашей ситуации падает основная тяжесть преобразований, в результате которых в большом выигрыше оказывается весьма узкий слой собственников и новая номенклатура, осуществляющая дележ огосударственной собственности в режиме коррупции и криминальных связей.

Вместе с "новыми русскими" возник и новый русский вопрос: удержат ли "меньшевики" собственность?

Дело, разумеется, не в зависти бедных к новым богатым, как это изображают циничные апологеты несправедливого обогащения и успеха любой ценой, а в природе и характере происходящих процессов, в неправомерности и несправедливости фабрикации (административно-бюрократическими и криминальными средствами) собственности одних за счет всех остальных. На такой основе действительное общественное согласие просто невозможно.

Складывающаяся ситуация стала питательной почвой для социальных, политических и национальных конфликтов, активизации коммунистических, некоммунистических, фашистских и других экстремистских сил и движений левого и правого толка, для экономической и всякой иной преступности, взлет которой сопровождается криминализацией всех основных структур, отношений и форм жизнедеятельности общества и государства. Все это (неразвитость отношений собственности и права, умножение и усложнение конфликтов, поляризация социальных слоев и групп, слабость государственных начал и т. д.) усиливает раскол и конфронтацию в обществе.

Нынешнее положение дел в стране и обществе является неизбежным следствием того, что вместо объективно-исторически необходимого движения к цивилизму был избран прокапиталистический курс реформ, в действительности ведущий к весьма неразвитым добуржуазным, по сути дела нефеодалным общественным формам, нормам и отношениям. Эту ситуацию невозможно сколь-нибудь существенно изменить в позитивном направлении простой корректировкой прежнего курса при сохранении его основных параметров.

Для того чтобы переломить весь комплекс сложившихся негативных тенденций в жизни страны и качественно улучшить положение дел в обществе и государстве, **необходим новый курс**

преобразований, основанный на стратегии последовательного и неуклонного движения к цивилизму. Эта цивилитарно нацеленная стратегия и есть в сложившейся ситуации главный ориентир и основной критерий для всех аспектов процесса постепенного и целенаправленного изменения нынешнего курса реформ.

Тактика и конкретная программа мероприятий по реализации цивилитарного курса зависят, в конечном счете, от реального соотношения различных социально-политических сил, заинтересованных или, напротив, не заинтересованных в этом новом курсе.

Определяющее значение в этом плане имеет то обстоятельство, что цивилизация объектов бывшей социалистической собственности как реальное основание и необходимое условие подлинного общественного договора о постсоциалистическом строе соответствует, хотя и в разной мере и по различным основаниям, фундаментальным и долгосрочным интересам всех слоев и всего населения страны - всех вместе и каждого в отдельности. Создание и реальное функционирование гражданской собственности каждого - это в интересах не только большинства членов общества, оставшихся без своей доли от социалистического наследия, но и того меньшинства, в руках которого неправомерно оказалась значительная часть чужой собственности.

Искомый цивилитарный общественный договор о постсоциалистическом обществе - это прежде всего соглашение о собственности, о способах формирования и реальном содержании фонда общей гражданской собственности, в рамках которой каждый гражданин в качестве сособственника, согласно изложенной концепции цивилизма, обладает равным правом на одинаковую долю гражданской собственности и соответствующую часть денежных доходов от всех форм товарно-денежного использования всех объектов, составляющих фонд общей гражданской собственности.

Основными сторонами такого цивилитарного общественного договора являются: 1) большинство членов общества (несобственники), оказавшихся в результате проведенных реформ и приватизации социалистической собственности без собственности на средства производства, без своей равной доли от социалистического наследия; 2) меньшинство членов общества (собственники средств производства, капитала), ставших собственниками средств производства в ходе приватизации объ-

ектов социалистической собственности; 3) государство в двух лицах (в двух своих ипостасях) - в качестве собственника объектов социалистической собственности, огосударственных в ходе приватизации, и в качестве публичной власти.

За реальный общественный договор надо честно заплатить надлежащую реальную цену. На эту тему ни у кого не должно быть никаких иллюзий.

Исходная, социально-исторически подлинная, юридически справедливая и математически точная цена цивилитарного общественного договора о постсоциалистическом обществе - это, как показывает концепция цивилизма, полная цивилизация всех объектов социалистической собственности с признанием равного права каждого на одинаковую гражданскую собственность (на равную долю от социалистического наследства).

Сегодня основным сторонам этого договора предстоит - с учетом упущенных первоначальных возможностей прямой цивилизации всех объектов социалистической собственности, фактического положения дел, возможности и необходимости мирно-реформаторской корректировки прежнего курса преобразований без силовой ломки сложившихся форм и отношений - определить нынешнюю адекватную реальную цену искомого договора, не забывая при этом о подлинной исходной цене. Под такой теперешней ценой общественного договора имеется в виду фонд общей гражданской собственности, который предстоит сформировать из части объектов бывшей социалистической собственности (и доли полученных из них доходов), оказавшихся в результате реформ и приватизации в собственности государства (на федеральном уровне, на уровне субъектов Федерации и т. д.), частных лиц, их групп, объединений и т. д.

В сложившихся условиях невозможно, конечно, заранее точно определить конкретное содержание и состав объектов фонда общей гражданской собственности. Это может быть установлено лишь в результате надлежащего детального обсуждения и согласования позиций сторон общественного договора с учетом соответствующих компетентных экспертных оценок и т. д.

Но в качестве сугубо предварительного проекта для начала обсуждения условий искомого цивилитарного общественного договора можно предложить следующий **ориентировочный вариант, согласно которому в состав фонда общей гражданской собственности должны войти следующие объекты собственнос-**

ти: 1) находящиеся в государственной собственности земля, недра, все природные ресурсы, полезные ископаемые, леса, воды, а также энергетические системы; 2) все объекты государственной собственности, подлежащие приватизации; 3) все недра, природные источники и ресурсы, полезные ископаемые, а также энергетические системы, находящиеся в собственности частных лиц, их групп, объединений и т. д.; 4) половина всех доходов от всех форм производства и реализации всех видов алкогольной, табачной и лекарственной продукции государственными и частными предприятиями; 5) одна третья часть всех форм полностью и окончательно амнистируемого нелегального капитала граждан Российской Федерации, как вывезенного за границу, так и находящегося в стране.

Процесс формирования фонда общей гражданской собственности в принципе может носить постепенный, поэтапный характер, четко определенный в содержании общественного договора.

Актуальная цель приведенного предварительно-схематического варианта формирования фонда гражданской собственности состоит в том, чтобы от пустых слов об объединяющей всех национальной идее, о преодолении отчуждения между обществом и государством, о социальной легитимации результатов преобразований, о снятии антагонизмов между собственниками и несобственниками, о социальном партнерстве, общественном согласии, гражданском мире, о будущем страны и общества наконец-то перейти к практическим и прозаическим делам - к серьезному обсуждению реальной цены и конкретных условий действительного общественного договора о постсоциалистическом строе.

Логика взаимоотношений сторон искомого общественного договора такова, что **именно представители государства и крупного капитала должны сначала договориться между собой о цене такого договора и готовности ее заплатить**. Если, конечно, они действительно хотят такого договора.

У большинства членов постсоветского общества (несобственников) могут быть весьма серьезные сомнения на этот счет, поскольку фактически складывающееся постсоветское государство - это государство собственников, и оно само является самым крупным собственником, а остальные собственники, особенно крупные, являются продуктом этого государства. Так что проч-

ный союз этих двух сторон уже давно состоялся, и все их декларации об общественном согласии, гражданском мире, общей национальной идее и т.д. до сих пор имеют в виду всеобщее общественное одобрение и социальную легитимацию именно их сложившегося союза и их нынешнего статуса без всякой уплаты надлежащей социальной цены тому большинству общества (не-собственникам), согласия и одобрения которого они добиваются.

Более того, нынешние собственники не взяли на себя даже содержание своего бюрократически-собственнического государства и переложили это бремя на несобственников, на терпеливое и законопослушное большинство общества, на фискально легко обозреваемых и многократно обираемых бюджетников-налогоплательщиков. При этом они для оправдания своих нецивилизованных делишек назойливо ссылаются на примеры, выхваченные из практики "цивилизованных стран".

Но, господа властвующие и окол властные собственники! В "цивилизованных странах", о которых вы вспоминаете лишь в нужных для вас случаях, частная собственность сделана не путем "прихватации" социалистической собственности, не за счет чужих долей социалистического наследства. **Не забывайте о конкретном месте и конкретном времени своей собственности и своей власти.** Перед вами общество, которое еще не простилось со своим социалистическим прошлым и не простится с ним, пока в той или иной форме не получит от вас своей справедливой части от социалистического наследства. Это именно вы виноваты в таком опасно (и прежде всего для вас!) затянувшемся прощании с социализмом.

Общество с социалистическим прошлым, даже не подозревающее о возможности цивилизма, но хорошо знающее, что его обделили, никогда всерьез не согласится с тем неофеодализмом, который складывается в результате вашей капитализации социализма.

Кстати говоря, именно это общество, большинство которого составляют обманутые несобственники, удерживает пока что ситуацию в стране от резкого сдвига в сторону экстремизма и сохраняет состояние гражданского мира. В этом долготерпении до крайней черты - принцип самосохранения и выживания масс в трудных условиях, спасительный опыт выдержки: масса действует только наверняка, воздерживаясь от риска до тех пор, пока не убедится, что пора действовать. Так что продолжающий-

ся покой в стране, если он есть, - это отнюдь **не согласие большинства общества с происходящим, а лишь инерция надежды** на возможность изменения сложившейся ситуации посредством справедливых мирных реформ, без насильственных действий.

Но при этом **в резерве у общества с социалистическим прошлым** остаются (и при нынешнем курсе реформ всегда будут оставаться) мощные левые силы во главе с коммунистами - в качестве как мирно-легального, так и, на крайний случай, силового варианта противодействия курсу проводимых реформ и пересмотра их результатов. Весьма показательно в этой связи, что общество, голосуя за президента - сторонника реформ, одновременно - для сохранения противовеса и возможности альтернативы - удерживает коммунистов, ярых противников этих же реформ, в представительной власти в виде самой крупной фракции.

В этом внутреннем раздвоении общества пока что перевешивают надежды на реформаторский путь. Но с потерей таких надежд установки общества резко изменятся и качнутся влево, в сторону коммунистической контрреформы с соответствующей десоциализацией (национализацией) всей собственности и ликвидацией частной собственности.

При таком возврате с помощью коммунистов в доприватизационную ситуацию общество, измученное и социализмом, и доморожденным неофеодальным капитализмом, видимо, созреет, наконец-то, и до цивилизма. И общество, по иронии истории, использует коммунистов для реализации своих некоммунистических интересов. **Да и для коммунистов цивилизм - это хотя и не коммунизм, но единственное историческое оправдание всех их усилий и единственное настоящее доказательство того, что социализм - не историческая ошибка.**

Во всяком случае ясно, что на нынешнем пути реформ нет и в обозримой перспективе не видно той спасительной для сложившейся постсоветской власти и собственности точки невозврата назад, о преодолении которой в пропагандистских целях твердят идеологи капитализации социализма.

Такой **точкой невозврата назад** в нашей ситуации может быть лишь искомый общественный договор о постсоциалистическом строе, необходимым условием которого является создание фонда гражданской собственности. И эту точку невозврата назад можно и нужно пройти сейчас, пока реформы не сменились контрреформами и новыми катаклизмами.

Наши собственники и власти должны ясно и определенно выразить свою волю к реальному соглашению, назвать свою цену общественного договора, обсудить все условия этого договора с обществом, найти согласованное решение. Здесь - **момент истины**: реальность договора зависит от справедливости и реальности его социальной цены. При этом следует помнить, что социальная цена договора (создаваемый фонд гражданской собственности) - это не благотворительность собственников в пользу несобственников, а возврат определенной части социалистического наследия тем, кому она правомерно принадлежит. Цена договора - это вместе с тем **плата за социальную легитимацию и всеобщую амнистию всех форм сложившейся собственности и их открытого, легального существования и функционирования внутри и вне страны**. Создание фонда гражданской собственности станет основой для утверждения прочного гражданского мира в обществе и фундаментальной гарантией экономической самостоятельности личности, реального осуществления прав и свобод каждого гражданина Российской Федерации в условиях постсоциалистического строя.

За прозаической социальной ценой искомого общественного договора о цивилизме стоят судьбы страны, будущность общества, достойная жизнь людей - всех вместе и каждого в отдельности. Наш долг перед нашим прошлым и настоящим - в нашей ответственности за будущее, в нашем правильном выборе предстоящего пути. Маршрут всемирной истории сегодня зависит от наших решений и дел, от нашей воли к равенству, свободе и справедливости. Мы можем и должны идти к цивилизму.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Лапаева В.В.)	3
Автобиография (Нерсесянц В.С.)	5
Светлой памяти моего мужа - Владика Сумбатовича Нерсесянца (Лапаева В.В.).....	7
Вспоминают друзья и коллеги (составитель - Графский В.Г.)	45
Стихи, посвященные В.С. Нерсесянцу	66
Поэтическое творчество В.С. Нерсесянца	68
Из неопубликованных работ В.С. Нерсесянца	
Фрагменты философских эссе	76
- Предисловие к Книге	76
- О настроении	77
- К теогонии	82
- К мифам	87
- К неологии	89
- Разум как творчество	95
- К футурологии	95
- Кант и Сократ: концепция морали	98
- К праву (о происхождении равенства)	103
Право и закон: их различие и соотношение (сокращенный вариант статьи В.С. Нерсесянца, подготовленной в 1977 г. для журнала "Советское государство и право", но не опубликованной)	118
Предложения к проекту "Национальная научная доктрина России"	124
О правовом статусе аналитических центров при Президенте РФ	127

Трудная партия Бобби Фишера	129
Автор о себе	
- Из надписей на полях	137
- Дом	139
Воспоминания Вазгена Сумбатовича Нерсесяна о брате и о семье (Нерсесян В.С.)	141
Воспоминания сестры В.С. Нерсесянца Сильвы Сумбатовны Нерсесян (Нерсесян С.С.).....	146
Российская либертарно-юридическая школа (В.А. Четвернин)	151
Протокол заседания Совета Центра конституционного права Республики Армения от 14 августа 2005 г.	154
Отзывы членов редколлегии журнала "Советское государство и право" на статью В.С. Нерсесянца "Право и закон: их различие и соотношение", подготовленную для журнала в 1977 г.	156
Национальная идея России во всемирно- историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. (Нерсесянц В.С.)	160